

БИБЛИОТЕКА ДОСТА

ИСТОРИ-
ЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛЛА СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1 8 5 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

т т т т т
советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текстов и примечания
В. И. Чичерова*

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

На I Всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький говорил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами»¹.

В художественных образах народного творчества отражается жизнь трудящихся масс. Поэзия народа так тесно связана с его историей, что не только передовая революционно-демократическая², а затем марксистская наука сформулиро-

¹ А. М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 703.

² Оценка революционными демократами народного творчества как исторического материала содержится в их работах: В. Г. Белинский. Статьи и рецензии: Древние российские стихотворения, собранные Киршей Дани-

вала тезис о значении народного творчества как материала для познания истории, но и многие либерально-буржуазные ученые признали историзм фольклора. Однако оценка народного творчества как исторического материала марксистами и представителями либерально-буржуазной науки была совершенно различна. Либерально-буржуазная фольклористика в разысканиях исторических основ песенного повествования шла от внешних совпадений между фабулой песни и событиями истории, оставляя без внимания идейный смысл и общественное содержание произведения, останавливалась на указании предполагаемого события (которое, может быть, отразилось в фольклоре) и столетия (в котором произведение народного творчества могло быть создано). Сформировавшаяся в 90-х годах XIX века так называемая историческая школа детально разработала метод формальных сопоставлений исторических и эпических имен, названий географических местностей, сохранных в памятниках эпоса и документах истории и литературы; игнорируя идейное содержание произведения, ученые часто необоснованно стремились увидеть в древнем сказании или в песне точную или завуалированную зарисовку отдельного события истории;

ловым. Древние русские стихотворения, собранные М. Сухановым. Русские народные сказки. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1903; Н. Г. Чернышевский. Песни разных народов. Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 291—317; Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Полн. собр. соч., т. I, 1934, и в ряде других работ.

не понимая сущности художественного образа и часто исходя лишь из тождества имен исторического лица и героя народного эпического сказания, исследователи путем различных сближений пытались доказывать, что эпос изображает факт истории. Формализм разысканий либерально-буржуазной науки в конечном счете приводил к прямому или косвенному утверждению аристократического происхождения народного творчества и к тезису о вечности и творческой неизменяемости раз и навсегда созданных форм искусства («песнь и сказание могут со временем лишь исказиться и забываться»).

Признание советской наукой историзма народного творчества выдвигает совершенно другие цели и задачи исследования, чем те, которые ставит себе буржуазная фольклористика. Советская наука ставит себе задачей объяснение исторических причин возникновения произведений, анализ идейного содержания и художественного своеобразия их, раскрытие общественно-воспитательного значения народного творчества. Изучая в народной поэзии отражение реальной действительности и роль этой поэзии в жизни народа, исследователь не может делать целью своей работы только формальное прикрепление сюжета к событию или имени исторического лица. Анализируя образы искусства, показывая их связь с реальной действительностью, разумеется, необходимо учитывать и зафиксированные историческими свидетельствами конкретные факты. Но выявление их может интересовать исследователя не само по себе,

а как возможность получить данные, позволяющие конкретизировать общие исторические процессы в жизни народа и указать на реальный факт, раскрывающий отношение трудовых масс к действительности, их борьбу, надежды и устремления.

Исследователь народной поэзии прежде всего должен вскрыть историческое своеобразие художественных образов. Характер образов, особенности отображения действительности в искусстве в значительной мере обусловлены степенью развития и особенностями мировоззрения народа. Созданные в глубокой древности образы не могли появиться в позднейшее время, равно как образы, типичные, например, для средневековья, не могли возникнуть в условиях первобытно-общинного или рабовладельческого строя. К. Маркс, говоря об искусстве, резко подчеркивал его связь с существующим в данное время социально-экономическим строем. Так, например, раскрывая особенности древнегреческого искусства, К. Маркс замечал: «Греческое искусство и эпос связаны известными формами общественного развития»¹. Однако наиболее значительные эстетические ценности, созданные в одну эпоху, не исчезают в последующие эпохи.

Для рабовладельческого общества, как показали классики марксизма на примере анализа древнегреческого искусства, была характерна

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Введение. М., 1949, стр. 225.

связь художественной образности с мифологическими представлениями людей. Мифологизирование природы и общества, проникающее в искусство, принимает различные очертания, зависящие от конкретно-исторической действительности. На более ранних этапах развития — в условиях родовых отношений — мифологические образы, включаемые в искусство, несомненно в большей мере сохраняют свое исконное религиозное значение. В условиях разложения родового строя и в особенности с развитием феодальных отношений характер древних мифологических образов, воспроизводимых средствами искусства, существенно меняется. Такой образ уже начинал использоваться в новом качестве — как художественный образ, типизирующий явления реальной жизни, вне религиозного осмысления ее. В этом выражается творческое, живое развитие образного раскрытия действительности. Следует оговориться, что художественное использование мифологического образа происходит лишь при условии активной реакции на него. Как только с изменением экономических и культурных условий жизни появляется отношение к древнему образу как к архаике, как к образу застывшему, мертвому, не сливающемуся с текущей жизнью народа, он перестает быть элементом вновь создаваемых произведений народного искусства.

С изменением условий жизни народа, с дальнейшим развитием его меняется и его искусство. Стремление правдиво раскрыть действительность в новых условиях заставляет искать новые спо-

собы изображения жизни. Как свидетельствуют материалы народного творчества, постепенно рождается стремление сохранить конкретность жизненных деталей, фиксировать имевшие место в действительности подробности, максимально приблизить описания к самой жизни; все это сопровождается отходом от традиционной образности, возникшей в условиях мифологического осмысления окружающего мира

В русском народном творчестве, как и в творчестве других народов, мы находим различные виды художественного отражения действительности. По-разному раскрывается и отражение действительности в произведениях, воспроизводящих события истории русского народа. Былины и исторические песни отличаются друг от друга именно характером образности, особенностями поэтического стиля.

В древнем русском народном творчестве легко обнаруживается использование и художественная переработка мифологических в своих истоках образов славянских племен. С особой ясностью это можно видеть в былевом эпосе, гиперболичность образов которого сочетала современность с традициями творчества первобытно-общинного строя. Прямые отзвуки мифологических представлений славянских племен обнаруживаются, в частности, в изображении чужеземных насильников, врагов Русской земли, свирепствующих в Киеве и за пределами его. Тугарин Змеевич, Змей о двенадцати хоботах, Идолище Поганое и подобные им чудовища, с которыми бьются в

смертном бое русские богатыри, обозначали определенные исторические силы, враждебные народным массам, препятствовавшие существованию и историческому развитию древнерусской народности. Художественное же воплощение их в былинах сохраняет традиции мифотворчества.

Своеобразие образности былевого эпоса было обусловлено исторически. Былины, как жанр, могли возникнуть только в условиях Киевской Руси X—XI столетий и развиваться в связи с начавшейся в XIII веке ожесточенной борьбой русского народа против татар-поработителей. В условиях Московской Руси рождался новый жанр — жанр, получивший название исторических песен. Этот жанр можно определить как народные песни, рассказывающие о событиях гражданской и военной истории в основном XVI—XX веков и содержащие оценку деятельности исторических лиц.

Русские исторические песни возникают на новом этапе развития народа; но зародыши исторических песен появляются еще в пору борьбы с татарским игом; образцами их могут служить стоящие на грани былин и исторических песен «Авдотья Рязаночка» и «Щелкан Дуденьевич». Обе эти песни характеризуются поисками новых путей исторического песенного повествования, путей приближения произведения к исторической конкретности, как в песне о Щелкане, или же использования исторической темы для создания обобщенного патриотического образа, как в «Авдотье Рязаночке». Развитие и полное прояв-

ление новых черт исторического повествования наблюдается в песенных материалах XVI столетия, когда историческая песня формируется как особый жанр.

Уже в цикле песен времени Ивана Грозного ощущается принципиально другое, чем в былинах, отражение событий истории. Историческая песня, как правило, стремится к образному воспроизведению конкретных событий. Если в песнях и встречаются элементы фантастики, то они немногочисленны и обычно не связаны с древними верованиями и мифологическими образами. По своей поэтике историческая песня уже с XVII века начинает тяготеть к песенной массовой лирике, в которой народные массы издавна повествовали о своей повседневной жизни, о борьбе, шедшей день за днем.

Произведения с исторической тематикой, создававшиеся в XVI—XX веках, не могли быть совершенно однородны — слишком глубоко в эти столетия менялась жизнь. Жанр исторических песен развивался в условиях укрепления феодализма, затем разложения его и роста капиталистических отношений, развития капитализма в России и революционной борьбы пролетариата, возглавленного Коммунистической партией. Вполне ясно, что и самое понятие исторической песни объединило разные по характеру тексты XVI—XX веков; границы этого жанра, следовательно, не могут быть обозначены так четко, как границы былии.

Имея единые традиции лироэпической поэзии,

исторические песни XVI—XX веков многообразны в стилевом отношении. Они объединяют произведения, сближающиеся по стилю с старой эпической былинной (например, ряд песен XVI — начала XVII века, см. в нашем сборнике тексты II и III разделов), тождественные с так называемой протяжной лирической песней (в нашем сборнике стр. 198, 201, 222 и др.), воспроизводящие стилевые особенности плачей по умершим (ср. стр. 164, 173, 237), песни типа народных баллад (ср. песни о татарском полоне и побеге из него), воинские походные песни (см. раздел VI и др.), народные песни, форма которых определена воздействием литературных произведений, и песни-стихи поэтов (ср. материалы раздела VIII нашего сборника).

К историческим песням относятся не только массовые народные песни, рассказывающие об исторических событиях, не только песни, оценивающие деятельность исторического лица, но и солдатские песни о битвах и воинских походах, осуществленных русской армией, некоторые военно-бытовые и казачьи песни, песни о событиях революционной борьбы XVII—XX веков. Часть этих песен стоит на грани лирических и исторических. Известны, например, народные песни-баллады, отдельные варианты которых упоминают имена исторических лиц и тем самым позволяют их включить в число исторических песен; другие же варианты этих баллад остаются безымянными и не связываются ни с образом исторического

лица, ни с событием¹. Многие солдатские песни, рассказывая о тяготах солдатской службы, о походах или же о непосильных «государевых работах»², также, хотя не содержат непосредственных упоминаний о событиях, могут быть включены в историческую песенную поэзию народа, так как создают правдивые картины народной жизни в связи с проводимыми русским государством мероприятиями внутренней и внешней политики.

Рассмотрение разновидностей исторических песен, свидетельствующих о богатстве жанровых форм, приводит к выводу, что по содержанию историческая песня является продолжением русского былевого эпоса, но что по стилю, по поэтике она теснее связана с лирической песенной поэзией народа.

2

XVI век в истории русского народа занимает особое место. Это время укрепления Руси, сбросившей с себя татарское иго, время возвеличения Москвы, собирания ею русских земель, рождения новой Руси, противостоявшей Руси боярской.

¹ Ср., например, песни о пострижении первой жены Петра Великого, песни о казни-наказании доброго молодца и казни князя Ивана Долгорукого, песни о правеже и песни о допросе разбойника («Не шуми, мати зеленая дубровушка»), прикрепленные к имени Ивана Грозного или Петра I, и др. Тексты собраны в сб. П. В. Киреевского. Песни, вып. VI—X. М., 1863—1872.

² Ср., например, песни о работе на Ладожском канале, о работе в рудниках и др.

Победа внутренней политики Грозного изменила положение и роль боярства и церкви в государственной жизни страны; решительные внешнеполитические действия Ивана Грозного также имели прогрессивное значение и во многом отвечали интересам народа. Крутой поворот к усилению царской власти сопровождался суровой борьбой с боярством — исконным врагом-угнетателем народных масс. Во весь рост вставала задача борьбы с изменой, предательством, гнездящимся в княжеских и боярских теремах. Народная историческая песня XVI века и развивает антибоярскую тенденцию, повествуя о внутренней и внешней политике, осуществлявшейся Грозным. Из множества событий второй половины XVI века брались только некоторые; но, говоря об отдельных событиях, песни типизировали их, поднимались до широкого обобщения характерных явлений эпохи. Наиболее значительны: песня о взятии Казанского царства, утверждающая успехи внешней политики Грозного и укрепление Московского государства; песня о Кострюке, развивающая в новых условиях традиционную былинную тему о приходе на Русь врага-насилльника; песня об убийстве Грозным сына, разрабатывающая по существу тему борьбы с изменой; песни о походах Ермака, в которых впервые обрисовывается образ широких народных масс. Остальные песни XVI века группируются вокруг названных, дополняя их.

Песня о взятии Казани открывает собой цикл песен второй половины XVI века. Это одна из

распространенных песен, записи которой сделаны в различных местах¹. Взятие Казани не случайно привлекло внимание народа. Это было событие большой важности. С падением Казанского царства уничтожалась опасность вражеского вторжения в русские земли с востока. Память о татарском иге заставляла осознавать казанский поход как этап, заключающий многолетнюю борьбу с татарами. Не случайно народное воображение связывает с этим не только поход войск Грозного, но и воинские действия казаков, якобы взявших Казань под предводительством Ермака Тимофеевича.

Откликаясь песней о взятии Казани на событие большой государственной значимости, народ утверждал прогрессивность внешней политики Ивана IV. Но все же не один Грозный царь предстает главным героем песни. Как в песне об осаде Казани казаками Ермака, так и в песне о походе Грозного главный герой — простой человек, по песне о Казани — пушкарь. Такой герой, пушкарь-воин, представитель нового рода войск, впервые появляется в русской исторической поэзии XVI века. Положив начало регулярному войску, Иван Грозный обратил особое внимание на артиллерию, которая в его время становится могучей силой. В казанском походе у Грозного было 150 крупных орудий, обслуживаемых спе-

¹ См. об этом: В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI века. Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Труды Инст. Этн. АН СССР, т. XIII, М., 1951, стр. 21—23.

циально обученными людьми. Роль артиллер при взятии Казани была значительна. Народная поэзия и делает воина-пушкаря героем, мужественно, с воинским расчетом применяющим свои знания, противоречащим горячности и подозрительности Грозного своей стойкостью и выдержкой.

Содержанием песни о взятии Казани собственно и является столкновение Ивана IV, заподозрившего измену в войске, с пушкарями, преданными родине и обеспечившими победу над врагом. Под стены Казани подводится подкоп, в подкоп закладываются бочки с порохом. Зажигают равные свечи — одну в подкопе на бочке с порохом, другую в шатре Грозного. Сгорела свеча в шатре «великого князя Московского», а взрыва нет. В гневе Иван хочет казнить пушкарей. Смело молодой пушкарь говорит Грозному: «Что на ветре свеча горит скорее, а в земле-то свеча идет тише». Задержал великий князь Московский расправу с пушкарями и догорела свеча до пороха, взорвались стены городские, была взята Казань.

Песня дает правдивую обрисовку обстановки взятия Казани. Некоторые варианты песни исторически верно указывали даже движение войск:

Подходили под Казанское царство за пятнадцать
верст,

Становились они подкопью под Булат-реку,

Подходили под другую, под реку под Казанку...

(«Взятие Казанского царства»)

Правдиво передавали песни и другие детали, — они были верны не только в общей оценке силы войска Грозного.

Интересное отражение в песне получили жившие в народе рассказы о сопротивлении русским Едигера, правившего Казанским царством. Как известно, Едигер в оскорбительной, грубой форме отказался покориться Ивану IV. Его отказ и противопоставление себя Московскому государству были одной из причин, по которой его образ в исторической песне был осмыслен как образ заклятого врага, который должен быть уничтожен. Отступая от фактической точности в изложении событий — по истории, Едигер был во время штурма Казани выдан, увезен в Москву, крещен (при крещении он и получил имя Симеона, сохраненное печатаемым вариантом песни), — песнь рассказывает об ослеплении непомерно гордого казанского царя. Песня, несомненно, стоит в связи с идеей централизации государственной власти в руках правителя Москвы. Потому-то песнь, поэтически символизируя эту централизацию, говорит о том, что князь Иван Васильевич Московский снял с Симеона царскую порфиру, «царский костыль» в руки принял и воцарился в Московском царстве.

Правда отраженной в песне действительности, правда запечатленных в песне событий и волновавших людей XVI столетия идей является основой в сопоставлении взявшего царский посох Ивана IV и человека из народа. О столкновении Грозного и пушкаря, составившем, как сказано

выше, содержание песни, не говорит ни один из документов, упоминающих и описывающих взятие Казани. Возможно, такого факта во время осады Казани не было; возможно, это народный вымысел, позволяющий раскрыть отношение к историческому событию, а вместе с тем сказать об истинном герое — о человеке из посадского или сельского люда. Выдвигая простого человека как героя исторических событий, песня, однако, не ставила его во враждебные отношения к царю. Антагонистические отношения в песнях XVI века раскрываются между крестьянином, посадским человеком или казаком и боярами-князьями, а не Грозным-царем. Стремление увидеть в Грозном, враге бояр, своего «хорошего», «крестьянского» царя обусловило появление некоторых легенд, рассказывающих, например, о том, что Иван Грозный по происхождению сам был крепостным и, став царем, расправился прежде всего с своим барином («потому боярин дюже лют до людей был»), а затем и за других бар принялся¹. Приведенная легенда — поздняя по оформлению. Но, несомненно, аналогичные мотивы были в легендах и преданиях о Грозном, создававшихся в Московской Руси. Надежда на царя, борющегося с боярами, и обусловила введение в легенды и песни о Грозном требования любви и милости царя к крестьянам чернопахотным, к бедному люду. Так, в уста умирающей Настасьи Рома-

¹ См. «Русская старина», 1876, № 2, стр. 470.

Именно потому, что Грозный-царь борется с боярской изменой и — по преданию народа — доступен народу, казак Ермак прямо идет к царю, на глазах у него смело расправляется с старшим думчим боярином, требующим казни Ермака; а в другой песне Грозный улыбаясь встречает Ермака и, услышав смелый ответ, посылает его брать Казань.

Тема борьбы с изменой в песнях второй половины XVI века звучит как важнейшая тема, с которой связывается борьба за усиление государства и которая позволяет с особой силой проявиться антибоярским тенденциям. С наибольшей остротой тема борьбы с изменой родине звучит в песне об убийстве Грозным сына.

Убийство Грозным царевича поразило воображение народа, но не получило удовлетворительного объяснения. История не знает причин, вызвавших гнев царя и его роковой удар; их не объясняют ни документы, ни свидетельства современников. Народ искал объяснение факту в политической жизни страны, в борьбе с внутригосударственной изменой. Такое осмысление факта народом сказалось на исторической песне, которая часто начинает рассказ словами о борьбе с изменой:

Наш прегрозный сударь-царь Иван

Васильевич.

Он повывел тут измену из Казани-градá,

Он повывел тут измену из Рязань-градá,

Он повывел-то изменушку из Опскова...

(«Иван Грозный и сын»)

Речь о выведении измены на Руси упорно повторяется в песне. Грозный сам говорит об уничтожении измены в Пскове, Новгороде, Киеве, Чернигове, в других городах и — обязательно — в Москве. Упоминаемые им города играли большую роль в формировании русского государства. Похвальба царя говорит о борьбе с изменой не в отдельных городах, а во всей Руси. В ответ царю раздается голос, одного из пирующих бояр или царевичей, обвиняющих царского сына в измене. Такой зачин песни не находит оправдания в истории. Из песни исчезла характерная для поздней исторической поэзии народа отчетливость контуров событий. Это в данном случае произошло потому, что народ не имел объяснения их. Домысел слился с реальным фактом; этот домysel базировался на характере внутригосударственной политической борьбы.

Народ недолго и мало соприкасался с царевичем Иваном, убитым царем. Он знал другого царского сына — Федора, воцарившегося в 1584 году. Скорое забвение имени Ивана, при сохранении титула, обусловило путаницу имен. Песня стала говорить не о царевиче Иване, а о царевиче Федоре, так как Федор после смерти отца благополучно воцарился. Трагическая смерть Ивана в песне была заменена счастливым концом — возвращением живого Федора Грозному царю.

Полная напряженного драматизма песня об убийстве Грозным сына, следовательно, не совпадает с историческими фактами и воспринимает-

ся как вымысел, варьирующий историческую тему. Но, даже будучи вымышленной, песнь оставалась верной принципу исторической правды. Суровая правда тяжести народной жизни звучит в упомянутой выше легенде о создании Никитиной вотчины: царь, беспощадно борющийся с боярством, должен устроить землю так, чтобы люди могли избежать боярских притеснений. Правдиво в ней создан самый образ царя, с суровой подозрительностью выслеживающего и карающего измену. Это тот же образ, что в песне о взятии Казани, где простой пушкарь останавливает царя в его скором и неразумном решении. Этот же образ и в других песнях того же цикла, — образ, замечательный тем, что обрисовка его содержит оценку народом выдающегося деятеля русского государства XVI века.

Несколько иное освещение образ Ивана IV получает в песне о Кострюке, известной в двух редакциях. Одна из них, видимо первоначальная, была связана с женитьбой Ивана Грозного в 1561 году на кабардинской княжне Марье Темрюковне. Песня этой редакции говорит о свадебном пире царя, на котором шурин Грозного хвастается, вызывает бойцов на кулачный бой и оказывается побежденным в бою. Надо заметить, что центральный эпизод песни в этой редакции — кулачный бой на Красной площади — не связывается с историческими свидетельствами.

Вторая редакция, при некотором внешнем совпадении с первой, имеет совершенно другой смысл. Она создана в соответствии с событиями

напряженной борьбы против набегов врагов, снимает тему сватовства и женитьбы Грозного на черкешенке, ставит в центр повествования описание кулачного боя на Красной площади в Москве, говоря о нем как о единоборстве русского доброго молодца с врагом-насилыником, грозящим в случае своей победы все царство поплечить, головней покатить, царя в плен взять. При этом песенный образ Марьи Темрюковны порывает с своим историческим прототипом, превращается в образ крымской царицы, купавы татарской; песня о царской женитьбе фактически заменяется песней о набеге крымских татар на Московское государство

Песня о Кострюке в ее второй редакции звучит как развитие в новых условиях старой темы врага-насилыника в русском городе. Грозный царь здесь изображен более пассивным, чем в других сюжетах того же цикла, — это связано с подчеркиванием роли безродного молодца — кулачного бойца, выступившего против чужеземного насильника.

Истолкование песни как повествования о вражеском набеге «царицы-то крымской, купавы татарской с удалым Кострюком Мамстрюковичем» сближает песню о Кострюке с былинами и как бы утверждает преемственность форм исторической поэзии русского народа. Песня уже не рисует жизнь древнего Киева; в ней воспроизводится быт Московской Руси XVI века. И поединок богатыря с чудовищем или единоборство воина с тьма-тьмой врагов, обычное в былинах,

заменяется одной из любимых забав Грозного — кулачным боем. Исход кулачного боя должен решить, быть или не быть Руси свободной. Не случайно в некоторых вариантах песни в речи Кострюка слышатся слова угрозы Тугарина и Идолища Поганого. В старых былинах эти чудовища, видя богатыря, вели такую речь:

На ладонь посажу, другой придавлю,
От тебя мокрый блин будет...¹

Кострюк, видя супротивника — Мишку Борисовича (или безродного Вашенца, неизвестного молодца, сына вдовы из слободы и других, подобных им), говорит:

«А свет ты, вольный царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукой раздавлю!»²

Повадка, самохвальство Кострюка того же рода, что и у его предшественников — былинных чудищ, пытавшихся полонить Русь. Зато и судьба Кострюка такая же, как судьба любого врага земли Русской. Былинный татарин Батыга, раз-

¹ См. былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Илья Муромец и Идолище Поганое».

² Кирша Данилов, № 5.

битый богатырем Василием Игнатьевичем, убежал со святой Руси, говоря:

А не дай бог мне бывать во Киеве,
И ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим, ни внúчатам, —
А и славны, могучи богатыри на святой
Руси ¹.

Так и в песне о Кострюке чужеземный нахвалящик, возомнивший себя хозяином на Руси, бежит посрамленный. Безродный мужик — кулачный боец, чьего имени сказание не припомнит, отважно вышел на бой с царским шурином — «изловчился ухваточкой» и, с благословения Грозного-царя, оземь Кострюка бросил, коленцем к земле прижал, платье сдернул, нагого бежать пустил. Посрамленный Кострюк, шурин Грозного, говорит:

Спасибо те, зятюшка,
Царь Иван Васильевич!
На твоей каменной Москве
Не дай мне бог бывать,
Не только мне, да и детям моим! ²

Сохранение в исторической песне XVI века словесных формул старых былин не может расцениваться как случайность или как результат индивидуального творчества сказителя. Перенесен-

¹ Былины о Василии Игнатьевиче («Ваське-пьянице»).

² В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб., 1915, № 30.

ные в «Кострюка» формулы свидетельствовали об осознании песни как произведения, продолжающего на новом этапе жизни народа традиции старой русской героической поэзии. Историческая песня о Кострюке, по существу, варьировала старую, но вечно актуально звучащую тему борьбы с врагом внешним и внутренним. Финал песни — позорное поражение врага, замыслившего покорение Руси, — звучит как торжество непобедимого народа. Историческая почва песен XVI века — крепнущее русское государство, охранять свободу которого и бороться с изменой в котором должны все — от правителя до простого крестьянина и посадского люда (они-то, по всей вероятности, и сложили песню о Кострюке) ¹.

Продолжая темы и образы русского героического эпоса, историческая песня по-новому разрабатывала их. «Новое время — новые песни», — говорит народ. Историческая песенная поэзия подтверждает правильность этой поговорки. Особенности построения образов, сюжетных положений, поэтического языка, выработанные героическим традиционным эпосом, нарушались уже в исторической песне XVI столетия. Вместе с тем тогда же зарождались новые приемы исторического песенного повествования. Тяготение к песенной лирике, отмечаемое в исторических песнях, не означает мгновенного разрыва их с традициями древнего героического эпоса. Следует признать,

¹ См. об этом в указ. статье В. К. Соколовой «Русские исторические песни XVI века».

что в основных песнях времени Грозного в какой-то мере продолжались традиции поэтики, выработанной былинами. Строение песенной строки, поэтический язык, композиционные приемы исторических песен XVI века (а из песен начала XVII века песни об отравлении М. В. Скопина-Шуйского) еще настолько близки поэтике былин, что в условиях севера, в тех районах, где былины еще в XIX и начале XX века сохранялись как живой жанр, отдельными сказителями они могли перерабатываться, сливаясь с былевым эпосом (ср., например, печорские варианты песни о смерти М. В. Скопина, вариант А. М. Крюковой песни об убийстве Иваном Грозным своего сына и некоторые другие тексты)¹. Эта связь поэтики былин о киевских и новгородских героях с поэтикой некоторых песен XVI — начала XVII века отличает ранние исторические песни от всех последующих. Отличия, по всем данным, ощущались и

¹ Как показывают записи былин XIX и XX веков, еще в середине XIX века былины пелись не только на севере (в Олонецкой и др. губерниях), но и в центральных областях Европейской России, в Поволжье, в районах Урала, Сибири, Дальнего Востока. Во второй половине XIX, начале XX века русские былины становятся большей и большей редкостью, сохраняя свою древнюю речитативно-повествовательную форму преимущественно в исполнении северно-русских сказителей. В казачьих южно-русских районах сохраняются отрывки былинных сюжетов. Эти так называемые «казачьи» былины сливаются с хоровой лирической песней, а в построении образа и в повествовании воспринимают особенности лирической исторической песни. Образцы казачьих былин см., например, в сб. А. М. Листопадова «Былинно-песенное творчество Дона».

самими исполнителями и слушателями исторической песенной поэзии. Во всяком случае, нет ни одного примера былинной обработки исторических песен второй половины XVII века и последующего времени.

Тема жизни, борьбы и будущего народных масс выдвигалась самой историей XVII—XVIII веков. XVII—XVIII века — время активной борьбы народных масс против осуществлявшегося правительством порабощения и закрепощения крестьян, а вместе с тем время героических сражений с иноземными вражескими силами за условия, необходимые для усиления и развития страны. Естественно, что при этом был использован именно тот вид народной поэзии, который был массовым по формам и возможностям исполнения и в котором издавна изображалась масса народа, раскрывались чувства и переживания простого человека, угнетенного князьями-боярами. Таким видом народной поэзии была необрядовая песенная лирика. С народной лирикой и сблизилась историческая песенная поэзия русского народа, создававшаяся в условиях Московской Руси, а затем в преобразованном государстве Российском.

Былинная форма, однако, исчезла далеко не сразу. С поэтикой былин могут быть сближены прежде всего песня об убийстве Иваном Грозным сына, версия песни о Кострюке, сохраняющая отзвуки сватовства Грозного к Марье Темрюковне (версия же, трактующая приезд Кострюка и Марьи в Москву как вражеский набег, от этой

традиции в большинстве случаев отступает), печорские варианты песни об отравлении Скопина и некоторые другие, подобные перечисленным, песни.

В группе песен XVI—XVII веков, по поэтике сближающихся с былинами, можно встретить и зачин (ср. в былине: «Как во славном во городе во Киеве, У ласкового князя у Владимира...» и т. д.), с той разницей, что указываемое в нем место действия и действующие лица не Киев и не Владимир с богатырями, а Москва белокаменная и грозный царь Иван Васильевич с опричниной и думными боярами (ср., например, в печатаемом нами тексте песни «Иван Грозный и сын» зачин о выведении измены на Руси и о пире Ивана Грозного; запевы вариантов этой песни были использованы М. Ю. Лермонтовым в «Песне про купца Калашникова»). Характерная для былевого эпоса замедленность действия, создаваемая троекратными повторами эпизодов, введением повторяющихся развернутых словесных формул, детализированными сравнениями и описаниями, также проникает в некоторые ранние исторические песни. Она есть в ранней песне об Авдотье Рязаночке (ср. в ней описание пути Авдотьи в Турецкую землю и ответ Авдотьи Бахмету турецкому). Она имеется и в песнях XVI столетия; так, например, умирающая Настасья Романовна дважды посылает сыновей за Грозным, и только на второй призыв царицы к ней приходит Иван Васильевич; она встречается в повторных обращениях Грозного к палачам и в повторных поже-

ланиях боярина Романова здоровья всей семье царя Ивана IV (см. «Иван Грозный и сын»). Но эти традиции не являются определяющими в построении исторической песенной поэзии XVI века, — они перерабатываются в процессе создания новых стилевых особенностей. Это ясно видно, например, в песне о Кострюке, которая имеет эпически развернутый сюжет, включающий повторы, замедляющие действие (ср., например, приказ Кострюка послу ехать с ярлыками в Москву и приезд в Москву посла Кострюка и др.), а строением строки и учащенным темпом исполнения песни уничтожает эпическую плавность и неторопливую величавость повествования. Скороговорный характер песни о Кострюке, ощущаемый с первых слов ее («При нынешних при царях, При досюлешних королях Царица-то крымская, Купава татарская...»), заставил самих сказителей назвать ее «скоморошиной», подчеркивая этим наименованием плясовые ритмы исторической песни о шурине Грозного.

В результате процесса разрушения былинной формы исчезало постепенное нарастание действия — целостный сюжет (а он так свойствен быллинам) заменялся изложением центрального драматического эпизода, рассказ о котором невольно заставлял раскрывать чувства и переживания создателей произведения. Уже давно было отмечено исследователями народного творчества, что, например, песня о взятии Казани, даже в ее наиболее эпическом варианте, публикуемом и нами, опускает всю историю похода в Казанское

царство и говорит лишь о моменте взятия города. Также можно отметить, что нет развития действия в песне о смерти Настасьи Романовны, в песне о молитве Грозного в церкви после убийства сына, в большинстве других песен XVI века. Принцип построения сюжета исторической песни путем выделения одного, главного эпизода и отказа от постепенного развития действия в повествовании не может считаться поздним (XVIII — XX века) привнесением в поэтику народной исторической песни. О том, что он был свойствен историческим песням уже в XVI столетии, свидетельствует песня о набеге крымского хана Девлет-Гирея, записанная в 1619—1620 годах для Ричарда Джемса; она, как многие другие исторические песни, не имеет развернутого действия: ее сюжет ограничен эпизодом прихода татар к Оке-реке, их похвалбой и следующим затем бегством из Русской земли.

С особенностями построения сюжета исторических песен в значительной степени связано и уменьшение в песнях XVI столетия роли гиперболы — одной из главных особенностей русских былин. Гиперболический образ нередко создавался в результате развертывания повествования (ср., например, гиперболические образы врагов Руси, всегда раскрываемые в последовательности рассказа о богатырских сражениях). Замена развернутого сюжета одним драматическим эпизодом требовала новых приемов создания образа. Новые черты в композиции и построении произведения, появление новых особенностей созда-

ния образа, введение в историческую поэзию ранее чуждых ей песенно-стихотворных ритмов обнаруживаются и в песнях о Грозном и в других песнях XVI и начала XVII века. С еще большей ясностью, чем в песнях о Грозном, эти черты выявляются в песнях о набегах татар и песнях о Ермаке, образ которого, как образ атамана вольной ватаги, предваряет образы вождей народных восстаний XVII и XVIII веков. Все эти произведения, хотя они преимущественно связаны с былевым героическим эпосом, — новое явление в исторической поэзии русского народа.

Исторические песни XVI века создавались в эпоху новых задач, стоявших перед государством. В этих песнях сказалось стремление к историческому воспроизведению совершившегося факта. Факты жизни воспринимались и сохранялись как драгоценные свидетельства истории народа, образ которого в народной поэзии XVI века конкретизируется изображением людей, сопутствующих Грозному в его реформах, иногда сливающихся с ним в осуществлении действий и всегда противостоящих боярам и чужеземным насильникам.

3

Создание централизованного русского государства сопровождалось глубокими изменениями в жизни трудовых народных масс. В России, как известно, образование централизованного государства ускорилось борьбой с внешним врагом и

завершилось раньше, чем был ликвидирован феодализм. Феодалы-землевладельцы оставались господствующим классом, но уже к началу XVI столетия не были монолитным единым целым. Внутри этого класса обозначились две группы: крупные вотчинники бояре и служилые дворяне. Интересы этих групп были противоречивы, даже враждебны друг другу, эта враждебность их интересов объясняется противоречивостью вотчинного и поместного землевладения. С ростом служилого дворянства росли потребности в свободной, незанятой земле, которой не хватало. В XVI столетии возрастание власти царя сопровождалось обессилением противостоящего ей боярства; опора единой царской власти на служилое дворянство обозначилась вполне ясно. В таких условиях надобность в свободной земле стала удовлетворяться путем конфискации боярских и даже монастырских земель, а это вызывало обострение борьбы внутри господствующего класса. Углубление противоречий и борьбы в среде феодалов-землевладельцев сочеталось с ухудшением положения крестьян. Уже к концу XV века, благодаря развитию рыночных связей, увеличиваются требования феодалов-землевладельцев к крестьянам. Натуральные подати, взимавшиеся с крестьян до тех пор, начинают заменяться денежными платежами. Усиливается феодальная зависимость крестьян, а в связи с этим уничтожается право перехода крестьян с земель одних феодалов на земли других. Закрепощение крестьян,

ухудшение положения городского тяглого населения вызвало усиление классовой борьбы. Середина и вторая половина XVI века знаменуются развитием антифеодального движения, восстаниями в городах. Восстание посадских людей Москвы в 1547 году вызывает страх в среде господствующего класса, заставляет его на некоторое время забыть о возникших внутри него противоречиях. Стремление обезопасить и укрепить положение царя и служилого дворянства является одной из причин осуществления мероприятий по укреплению опричины, которая являлась не только орудием разгрома феодальной знати, но и силой, удерживающей в подчинении трудовой народ. Феодальная эксплуатация крестьян непрерывно росла. Это вызвало усиление антифеодальной народной борьбы. В начале XVII века борьба трудовых масс с эксплуататорами вылилась в первую крестьянскую войну, соединившуюся с борьбой русского народа против шведско-польской интервенции. Особый размах революционная борьба крестьянства приобрела во второй половине XVII века, когда вспыхивает восстание под руководством Степана Разина.

Вполне естественно, что историческая песня, отражающая события государственной жизни, в начале XVII столетия обращается к новым темам, создает другие образы, чем те, какие разрабатывались в XVI веке. Исторической песней начала XVII столетия отражена борьба с шведско-поль-

ской интервенцией. Основным же циклом исторических песен XVII века является цикл песен о восстании, возглавленном Степаном Разиным. Это — песни, отразившие борьбу закрепощенного народа с поработителями. Именно в это время окончательно определяется поэтическое своеобразие исторической песни как жанра, вполне ясно отличающегося от традиционного героического эпоса русского народа. Говоря о формировании жанра исторических песен, следовательно, можно утверждать: исторические песни, ставшие самостоятельным жанром русского народного творчества в XVI веке, дальнейшее развитие получают в XVII—XVIII столетиях. В это время песенная хоровая основа новых форм исторической поэзии выявляется особенно ясно. Историческая песня XVII—XVIII веков предстает как казачья и крестьянская, а с XVIII столетия также и как солдатская лироэпическая на исторические темы.

Тяга к лирике и связи отдельных текстов с традицией причитаний в исторической песне XVII столетия обнаруживаются в самых ранних записях — 1619—1620 годов, сделанных для Ричарда Джемса — английского священника, приехавшего в Россию с английским посольством, посланным королем Иаковом I к царю Михаилу Федоровичу¹. В этих записях находим песню о

¹ См. П. К. С и м о н и. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. «Сб. Отд. русского языка и словесности» АН, т. XXXII, № 7. СПб., 1907.

смерти М. В. Скопина-Шуйского, две песни-плача Ксении Годуновой, песню о выезде из Литвы в Москву Филарета, песню о набеге крымского хана Девлет-Гирея. Три песни из перечисленных используют традиции лирического причитания для создания произведения с исторической тематикой¹. Прямые связи исторической песни первой половины XVII века с лирической песнью обнаруживаются в так называемых «разбойничьих» и в казачьих песнях. Примером их может быть песня о попе Емеле («Выпала порошица на талую землю») ², в образе которого исследователи с некоторым основанием видят соответствие попу Еремею, активному участнику борьбы с поляками; показательна также песня о взятии Азова (1637), известная в ряде вариантов, соединивших память о трех исторических событиях (1590, 1637 и 1695) ³. Именно использование традиций лирики в процессе создания исторической песенной поэзии приводит к тому, что наряду с новыми песнями, содержащими отзвуки истории, ряд традиционных лирических песен получает иное, чем раньше, осмысление и прикрепляется к опреде-

¹ В данном случае не играет никакой роли, являются ли песни-плачи о Скопине-Шуйском и Ксении Годуновой в рукописи, принадлежавшей Ричарду Джемсу, записью или индивидуальной обработкой народных песен. Для нас важен самый факт использования традиций народных причитаний.

² См. Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 25.

³ См., например, А. Пивоваров. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885, № 28.

ленной исторической эпохе, нередко включая историческое лицо. Видимо, в XVII веке знаменитая «разбойничья» песня «Дубровушка» — «Не шуми ты, мати зеленая дубровушка, не мешай мне, молодцу, думу думати» — прикрепляется к XVI веку; при этом царь-государь, допрашивающий молодца и жалующий его хоромами высокими — двумя столбами с перекладиной, называется Иваном Васильевичем Грозным.

Аналогично историческое прикрепление и некоторых других (чаще всего «разбойничьих») песен, относимых теперь ко второй половине XVI или к XVII веку.

Историческая песня XVII века в поэтическом отношении неотделима от лирической песенной поэзии. Как и лирические песни, песни исторические XVII и последующих веков сохраняют сюжетность повествования, но как сюжетность выхваченного из жизни эпизода; рассказ об эпизоде, выделенном из цепи совершающихся событий, эмоционален, — в повествовании вскрывается глубина, непосредственность и яркость переживаний людей, причем описание даже индивидуальных чувств, радостей, страданий приобретает значение общих, народных. Так чувство общей тревоги перед грядущим несчастьем передается песнью-плачем о Скопине-Шуйском. Песнь не сообщает о том, как, где, когда умер воевода, одержавший победу над врагами. Она ограничивается рассказом о том, что почувствовали при получении вести о смерти Скопина гости-москвичи, князя-бояре, «свецкие немцы». Плач, горе

москвичей противопоставлены радости бояр. Эмоциональный, а не эпически-повествовательный характер песни определил и строки ее запева — запева о тревожных вестях:

Ино что у нас в Москве учинилося:
С полуночи у нас в колокол звонили?

(«Смерть Михаила Скопина-Шуйского»)

О переживаниях, о горе девушки, потерявшей родных и постригаемой в монастырь в дни горького для Руси вторжения польских панов и Григория Отрепьева, говорит песня о Ксении Годуновой. Песня дает характерное для народной лирики сопоставление образов (так называемый параллелизм): малая птичка-перепелка плачет над разоряемым гнездом; девушка оплакивает гибель семьи и свое пострижение в монастырь. Можно отметить, что такое построение песни, иногда с детальным развитием образа первой из сопоставляемых параллелей, в XVIII—XIX веках станет одной из традиционных форм композиции исторической песенной поэзии (ср. стр. 250); традиционной формой исторических песен XVII и последующих столетий станет и самая форма песни-плача. Известная нам по произведениям времени польско-шведской интервенции XVII века, она будет варьироваться и даст такие интересные образцы, как плач о Петре I, плач донского казака в плену Азовском, плач разинцев и другие (ср. стр. 237, 211, 198).

Использование лирики (протяжной, плясовой и

другой песни) для создания в XVII веке произведений с исторической тематикой не было принято во внимание исследователями народного творчества, объединявшими воедино былины и исторические песни. Вполне понятно, что, не находя в середине XVII столетия традиционных эпических форм исторической народной поэзии, они заявили об оскудении творчества. Ложные теоретические посылки, ориентировавшие на стилевые черты традиционного эпоса, обусловили некоторые ошибочные выводы. Между тем сам материал приводил отдельных исследователей к заключению о том, что уже в начале XVII столетия в лирическую песню прочно входила историческая тематика. Большой интерес в этом отношении представляет знаменитая русская «Камаринская», возникновение которой, по всем данным, было связано с событиями начала XVII века. На возможность этого указал Т. А. Мартемьянов в этюде «Камаринская и Барыня»¹, а в 1906 году это предположение повторил Г. М. Пясецкий в работе «Исторические очерки города Севска и его уезда»²; в наше время об этом напомнили И. И. Смирнов³ и В. П. Адрианова-Перетц и Б. Н. Путилов⁴. В этих работах указывалось,

1 «Истор. вестник», окт. 1900.

2 Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества, т. II. Орел, 1906.

3 И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1949.

4 «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., АН СССР, 1953, стр. 364—365.

что родиной песни о камаринском мужике является Орловщина, точнее Камаринская (иначе Комарницкая или Камарицкая) волость — одна из наиболее значительных в исторических судьбах русского народа XVII века местностей, где сосредоточивался бежавший от произвола властей люд, — область, активно участвовавшая в событиях начала XVII века и бывшая местом начальных действий Болотникова. Взгляд на «Камаринскую» как на историческую песню подтверждается соображениями Е. Э. Линевой о мелодической структуре ее. Е. Э. Линева устанавливала общность мелодии «Камаринской» с напевами скomorошьих сатирических былин и исторических песен¹.

Отдельные песни такого характера, созданные в первой половине XVII столетия, связаны с историческими событиями и отражают их. В тот же период конца XVI и первой половины XVII века, видимо, создается новый цикл песен о набегах татар на южную и центральную Русь. Песни о полоне и о побегах пленников из турецкого и татарского плена по сюжетам и образам нередко являются общим достоянием русского и украинского народов — отдельные песни этого цикла пелись и на русском и на украинском языках.

¹ См. сопоставление напева «Камаринской» с напевом поздней скomorошьей быliny «Гость Терентьище», опубликованной в сб. Кирши Данилова «Древние российские стихотворения» (сер. XVIII в.), Е. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. 1, СПб., 1904, стр. XXXVI.

Факты, вызвавшие в XVI—XVII веках к жизни песни о набегах татар, широко известны. Исторические документы того времени содержат сообщения о разорении сел и городов средней и южной России, об убийстве и продаже в рабство русских людей, захваченных во время набегов. Особенный интерес для понимания песен о набегах татар и об освобождении пленников имеют так называемые «расспросные речи» русских полоняников — нескольких сот человек, возвратившихся на родину в 1623—1624 годах¹. Расспросные речи, чинимые вернувшимся из полона людям, должны были установить, кого из побывавших в татарском и турецком плену надлежит вновь обращать в православие, а у кого надо только «исправить» веру. Рассказы пленников о жизни и страданиях в рабстве для нас интересны не столько в связи с историей религии, сколько как правдивые документы, раскрывающие жизнь народных масс, в XVI веке не защищенных от постоянной опасности набегов крымских татар и племен северного Кавказа. В расспросных речах выясняется, что несколько сот человек, допрашивавшихся патриархом, были взяты в плен «ногайскими, крымскими и азовскими татарами» и «литовскими людьми». Татары большей частью отводили взятых пленников в Кафу, в Крым для продажи их на невольничьем рынке. В рабстве пленные жили десятками лет. Так, жогаитянин

¹ См. «Русскую историческую библиотеку», изд. археографической комиссией, СПб., 1875.

(из гор. Можайска) Гаврила Великопольский на опросе рассказал, что в плену он был 35 лет и из них на каторге 30 лет. По многу лет жили в плену Иван Григорьев Жиров из Курска, Федор Воробьев из Ливен и другие. Женщины также рассказывали, как, попав в плен, они долгие годы томились, пытались выкупиться или бежать из плена. Об этом рассказывала жена Семена Реутова из Мценска, которую взяли «в полон нагайские татаровя тому 10 лет», жена «Микиты Юшкова, Федора из Болхова: взяли ее в полон нагайские татаровя тому осьмнадцать лет», и другие, чьи имена сохранили нам расспросные речи. Исторические документы воссоздают живые образы русских людей, насильно уведенных на чужбину, страстно любящих родину и преодолевающих все препятствия, чтобы вернуться домой.

Песни XVI—XVII веков о полоне рисуют те же образы; в них сохраняются и детали, известные по допросным записям. Песни о полоне очень конкретны в описаниях. Нередко сохраняются даже названия географических местностей, дающие текстам локальную конкретность. История говорит нам о набегах на разные земли Руси, в том числе и на приокские районы. Песня с девушке в полоне рассказывает, как девушка плачет перед татаринном в шатре, раскинутом на берегу Оки-реки (стр. 151). О набегах на южные казачьи области вспоминает песня о Сироточке, схваченном у синего моря (стр. 163). Из города Галича-Галицына татары увезли брата и сестру

Михаила Казаренина (стр. 153). Через Дарью-реку, протекающую в Ставропольском крае, пытается переплыть полонянка, бежавшая на Русь (стр. 161). Географическая конкретность подчеркивает правдивость песен о полоне, углубляет жизненность образов захваченных для рабства людей.

В песнях переданы не только драматические эпизоды из жизни этих несчастных, но раскрыты их переживания — т. е. дано то, что лишь в редких случаях имеется в исторических документах. Плачет девушка, молит отпустить ее на родину к отцу-матери (стр. 151); «тешат» полонянку красную девку «пан да татарин», но она отказывается и от шубки татарской и от шапки литовской, просит только отпустить ее побывать на Русь (стр. 149); полонянка бежит из плена и бросается в реку, тонет «словно ключ ко дну», но не дается татарской погоне (стр. 161). Знаменита песня о девушке, ребенком увезенной татарами, выросшей в плену и отданной замуж за татарина. Ее мать, захваченная во время другого набега и проданная татарами в рабство, отдана ей служанкой. Рабыня-мать служит ничего не подозревающей дочери, укачивает своего внука и поет над ним колыбельную:

Ты по батюшке млад татарченок,
А по матушке родной внучек мне.
(«Татарский полон»)

Песни о полоне в их большинстве создают образ плененного, но не покоренного русского чело-

века. В связи с этим так часто в песнях о плене разрабатывается тема побега и освобождения пленника.

Образ русского человека, захваченного татарами во время набега на села и города Руси, выдвигался песнями о полоне на первый план. Образ пленника — образ попавшего в беду посадского человека, закрепощаемого крестьянина. Так, наряду с песнями о крупных исторических деятелях на грани XVI—XVII веков создавались исторические песни о смердах. В исторической песенной поэзии русского народа все яснее и яснее обрисовывались народные массы. Но исторические песни, раскрывавшие жизнь посадского люда, казачества, закрепощаемого крестьянства, еще не создавали образ народного исторического героя, вождя трудящихся масс. Такие песни во всем своеобразии и неповторимой красоте своей поэзии появятся во второй половине XVII века и сохранятся в поколениях, как, например, цикл народных исторических песен о Степане Разине и его товарищах. Большинство исторических песен о Разине (о казачьем круге, о походе по Волге-реке, о казни Разина, о разинцах и др.) имеет характер хоровых песен и сливается с песнями социального протеста. Разинский цикл песен втягивал в себя многие крестьянские и казачьи лирические песни, первоначально по всем данным не относившиеся к нему. В результате этот цикл песенной поэзии стал циклом, повествующим о крестьянских восстаниях в целом. Самый же образ Разина и разинцев, трактуемый как образ героических на-

родных борцов против угнетения и закрепощения народных масс, прошел через века, слившись в XVIII столетии с образом Емельяна Пугачева и воспринимаясь в последующие столетия как выражение вольнолюбивости и непокоримой силы народных масс.

Песни о Разине и разинцах историчны в своей основе прежде всего потому, что в них правдиво запечатлелась жизнь крестьянства, казачества и посадского населения середины второй половины XVII века. Уложение 1649 года, отменившее сроки сыска беглых, окончательно завершило процесс закабаления крестьян и в значительной мере обусловило бегство крестьян в районы Дона и Поволжья, ставшие очагами крестьянской войны XVII века. В городах в середине XVII столетия вспыхивали восстания, в которых выливался протест против бесчинств царской администрации, непосильных притеснений, налогов, поборов. Все это закономерно порождает в исторической песенной поэзии собирательный образ народных масс, объединяющихся в борьбе с несправедливостью и закрепощением. Выдвижения народных масс и слияния с ними героя, выступающего от их лица, не знал старый исторический эпос, в котором трудовой народ предстал в образе героического богатыря, вступающего в единоборство с тысячами врагов.

Песни правдивы не только отображением положения и настроений крестьянства, казачества, посадского люда второй половины XVII века; песни верны исторической правде в рассказе об отдель-

ных эпизодах восстания, в описании движения разинцев по Волге, упоминании о взятых городах и т. п. Песни поют о том, как разинцы Астрахань прошли, прошли Царицын, останавливаются в Жигулях¹, о победе под Астраханью и другими городами, о поражении под Симбирском, об овладении Яицким городком и т. п.² Описание подвигов разинцев, отдельных событий крестьянской войны XVII века позволяет более ярко осветить образ восставшего народа и его вождя. Характерна для песен ясность определения социальных связей Степана Разина. Песня подчеркивает социальное расслоение казачества и связи Разина с бедняками, голытьбой. Доселе, говорит песня, Разин не ходил в казачий круг; пошел Степан Разин думу думать с голытьбой; выбрали беспаспортные бурлаки Разина своим атаманом, с ним в поход пошли (стр. 179, 180, 182).

Типичной чертой и разинских и последующих за ними песен о восстаниях народных масс является подчеркивание классовой сущности движения, протест против именованья его разбойничьим. Бежавшие из тюрьмы разинцы говорят о себе:

¹ Цитировано в статье В. К. Соколовой «Песни и предания о восстаниях Разина и Пугачева». Русское народно-поэтическое творчество. Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XX. М., 1953; ср. тексты в сб. В. Ф. Миллера. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб., 1915.

² Помимо печатаемых в сб. Миллера текстов, см. А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

Мы не вору, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички!

(«Песня разинцев»)

Разин и разинцы восстали, чтобы добыть себе волю. Об этом говорит песня.

Братцы, вы мои казаченьки,
Ай ну и голь же, голь бедняцкая,
Собирайся ты со всех, ну со всех сторон!
Товарищи вы, други любезнай,
Собирайтесь, братцы, вот вы солетайтесь,
Братцы, на волюшку-волю вольную!¹

Вольнолюбивость и осознание противостояния боярам, воеводам, царским прислужникам — характерная черта таких песен, отмечаемая уже ранними записями XVIII века. В чулковском песеннике XVIII столетия была напечатана замечательная песня о том, как разинцы казнили астраханского губернатора, поймав его на Волге-реке. Казня губернатора, они говорили:

— Ты добрѣ ведь, губернатор, к нам строгонек
был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку слыывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!

¹ А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, № 7.

Степан Разин и разинцы предстают единым целым. И когда «помутился славный тихий Дон», узнав, что «атамана больше нет у нас» (стр. 203), родилась легенда о том, что Разин остался жив, но скрылся в пещерах Жигулевских гор, а песня о сынке Степана Разина, гулявшем по Астрахани и не ходившем на поклон к губернатору, через столетие стала песней о Емельяне Пугачеве, возглавившем крестьянское восстание, которое так сильно потрясло русскую империю XVIII века и предвещало еще более грозные бои с царским самодержавием (стр. 186, 263).

Песни о Разине и разинцах — в большинстве случаев лирические песни. Только две из них имеют тенденции к развитию и осложнению сюжета — это песня о сынке Степана Разина, пойманном в Астрахани, и песня о расправе с астраханским губернатором. Но и эти песни сосредоточивают внимание лишь на узловых моментах повествования: на смелой речи перед воеводой разинца, обещающего приход в Астрахань Степана Разина, и на казни губернатора. Чувство, переживание окрашивают произведения, мотивируют поступки героев, что выразительно подтверждается цитированными словами разинцев, казнящих губернатора за его расправы с посадским и крестьянским людом.

Исследователи песен о Степане Разине справедливо писали о лирическом характере их образов и поэтического языка. В литературе уже отмечалось, что в образе самого Разина много лирического, сближающего его с образами безы-

мянных героев «удалых» или «разбойничьих» песен. Портрет Степана Разина тождествен портрету доброго молодца, «сбеглого, сильного». Те же русые кудри, то же прекрасное лицо с соколиными глазами и соболиными бровями, та же одежда — кафтан, подпоясанный широким поясом, плисовые штаны, сафьяновые сапоги и у Степана Разина и у безымянного молодца, бежавшего от царских разъездов в дремучие леса, на широкие реки. Для разинских, как для всех народных песен лирического типа, характерен не индивидуализированный, а обобщающий портрет, в котором воплотились представления о мужской силе и красоте. Обобщающий характер портрета народной песни. при условии близости тематики произведений, содействовал слиянию песен о Разине с песнями о беглых крестьянах, о казаках, о посадской гольте, уходящей от притеснения воевод. Разинский цикл песен нередко пополнялся народными лирическими песнями о безымянных героях, противостоящих властям. Образ Разина как бы вбирал в себя образы всех тех, кто бедствовал и находил в себе силу и мужество восстать против угнетателей. Это подкреплялось единством поэтического языка народной лирики и исторической песенной поэзии. Для песен о восставших во второй половине XVII столетия крестьянах и казаках характерно широкое использование постоянного эпитета — чисты поля, темны леса, ясны очи, белы руки и другие. Постоянные эпитеты окрашивают облик Разина. Некоторые из них тождественны эпитетам, применяемым к безымянным

разбойникам. Степана Разина песни называют: «добрый молодец», «удал добрый молодец», «удалой казак», «удалой атаманушка», «хозяин разудалый молодец», «мил-ясен сокол». Эпитеты подчеркивают народную любовь и веру в Разина и в то же время его единство с восставшей гольтьбой, к которой применяется большинство из перечисленных эпитетов.

Сопоставление и противопоставление явлений природы переживаниям и действиям человека, как и в лирической песне, в исторических песнях XVII века получает особое развитие. Такие параллельные образы, как, например, образы порубленных-поломанных кустов и пойманных, закованных в кандалы разинцев, как образ поднимающейся грозной тучи и идущих на воевод разинцев, как образ помутившегося славного тихого Дона и смешавшегося после казни Разина казачьего круга и многие другие, усиливают лирическую напряженность, эмоциональность восприятия описываемых событий.

Поэтическая образность лирической песенной поэзии, органически вошедшая в исторические песни второй половины XVII века, говорит о любви к Разину, восставшему против бояр, воевод, полному решимости борцу, возглавившему неимущий, притесненный люд. В народной поэзии образ Степана Разина слился с образом народа¹.

¹ См. исследования А. Н. Лозановой. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928, и «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». М.—Л., 1935. Ср. «Русское народное поэтическое творчество», т. 1. Очерки

Созданный образ масс трудового народа, воспринимаемый как образ главного героя, получает дальнейшее развитие в устном творчестве с исторической тематикой. Исторические события начала XVIII столетия отражаются в народной поэзии, которая освещает их как результат деятельности народных масс, идущих за Петром Великим и его сподвижниками. И хотя образ народа в историческом эпосе XVII—XVIII веков дан обобщенно, все же основные персонажи в этом образе различаются отчетливо. Для второй половины XVII и для XVIII века — это в первую очередь крестьянская голытьба и бедняки казаки, и те и другие противостоящие господствующим классам. С начала XVIII века наряду с крестьянином встает солдат — тот же крестьянин, но оторванный от родного села, от семьи. Образ солдата входит в историческую песенную поэзию, отражая событие огромного значения — создание Петром I боеспособной армии, готовой противостоять сильному врагу, стремящемуся поработить Россию. В развивающейся солдатской героико-патриотической народной поэзии созданы образы героев-солдат, идущих за своим полководцем. Следует заметить, что с XVIII века солдатская историческая песня становится основной в русской исторической песенной поэзии; это может быть объяснено тем, что непосредственное участие в событиях внешней политики принимали

по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., АН СССР, 1953, стр. 406—409.

крестьяне, рекрутированные в армию. Широкие крестьянские массы активно вовлекаются в военно-политическую жизнь государства в XIX веке только тогда, когда над страной нависает страшная угроза подчинения чужеземным завоевателям, как это было в 1812 году; такое событие и порождает массовое поэтическое творчество, обрисовывающее героический образ народа.

Среди песен XVIII столетия особое место занимают песни петровского времени, сближающие образы Петра Великого и Ивана Грозного. Сближение идет по линии подчеркивания демократизма царя, его близости народным массам. Но демократизм образа царя отнюдь не мешает народу говорить о все более усиливающемся гнете, о тяжести крестьянской и солдатской жизни. Народ пел в своих песнях: «Подневольная жизнь наша боярская... государева служба царя белого»... «Тяжело служить служба день до вечера» (стр. 234), пел о том, что на земляные работы шли, как на каторгу (стр. 235, 236)... Песня рассказывает, как гребцы на струге — пятьсот человек «Разговоры говорят, Князь Гагарина бранят: — Заедает князь Гагарин наше жалованье. Небольшое, трудовое, малоденежное!» (стр. 239). Классовый гнет, бесправие народа все более усиливались; в народных массах зрел протест. В царствование Екатерины II он отразится в исторической поэзии, отразится, в частности, в песне о графе Панине и Емельяне Пугачеве, образы которых раскрыты как образы, представляющие антагонистические классовые силы. В песне Пу-

гачев, заключенный в клетку, в ответ на вопрос графа Панина, много ли он перевешал князей и бояр, отвечает:

Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил.
(«Пугачев и Панин»)

Социальный протест, как свидетельствуют вместе с другими материалами песни второй половины XVIII века, охватывает всё большие и большие слои населения. Песни о восстании, возглавленном Емельяном Пугачевым, как известно, создавались не только русским народом. О восстании и о Салавате Юлаеве говорят башкирские песни. Народные песни говорят о том, что в восстании участвовали и крестьяне, и казаки, и рабочие. В одной из песен девушка говорит о милом, работающем на литейном заводе.

Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает.
(«Уж ты, ворон сизокрылый»)

Сам Емельян, Пугач, — «казачья рода». Собирается к нему голытьба, крестьянский люд, казаки. С различием слоев населения, объединившихся в пугачевском движении, связаны и осо-

бенности поэтики песенной поэзии. Наряду с традиционными по стилю крестьянскими песнями, близкими к песням о Степане Разине, встречается, например, протяжная солдатская песня, сохраняющая традиции крестьянской лирики. Такова песня о Чернышеве-Чике в тюрьме (стр. 266). Эта песня являлась переработкой созданной в годы Семилетней войны солдатской песни о Захаре Григорьевиче Чернышеве, заключенном в тюрьму города Кюстрина. При переработке она была объединена с песнею разинцев о побеге их из тюрьмы («Ты возмой, возмой, туча грозная...»). С казачьими песнями генетически связывается песня «Пугачеву быть в беде» (стр. 265). Данный ею образ Емельяна, выезжающего на коне сив-бур-шахматном, близок образам казаков, отправляющихся в поход. Песни «Уж ты, ворон сизокрылый» и «Нас пугали Пугачем» (стр. 259, 261), можно предполагать — связанные с творчеством рабочих, вносят в цикл песен о Пугачеве особые черты. Эти песни отступают от традиций ритмики старой крестьянской песни и под воздействием стихотворной поэзии вводят с некоторыми отступлениями двусложные размеры книжного стихосложения и парную рифмовку.

Стилевое разнообразие, отмечаемое в песнях о народном восстании екатерининского царствования, говорит о том, что в судьбах исторической песенной поэзии, в которой до второй половины XVIII века главенствовали традиции крестьянской протяжной лирической песни, намечались изменения. Песня выходила за пределы установив-

шихся канонов, и это наблюдалось не только в песнях о народных восстаниях, но и в военно-героических песнях, создававшихся в солдатской среде.

Наряду с все большим обострением классовых противоречий, в песнях XVIII века выражалось искони существовавшее чувство любви к родине, преданность ей. Потому и события внешней политики начала XVIII века вошли в историческую песенную поэзию народа как события, отвечающие основным жизненным нуждам и потребностям государства и осуществляемые самими народными массами под руководством Петра Великого. Характерно, что, например, Северная война (и в частности Полтавская баталия) изображается как война, проводимая народом. В центре исторических песен о Северной войне стоит собирательный образ самоотверженной солдатской массы. Песня противопоставляет солдат генералам. Когда Петр I спрашивает генералов, как брать Шлиссельбург-Орешек, генералы пугаются и предлагают отступить. Другой ответ получил Петр от солдат:

Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взгóворят российский солдаты: ...
— Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати.

(«Взятие Шлиссельбурга»)

Та же солдатская масса — основной герой песни о взятии Риги. В песне отзвуками звучит старая

историческая песня о взятии Казани: под стену города ставят бочку с порохом; к ней прикрепляют свечу и зажигают ее; догоревшая свеча взрывает порох, взрыв уничтожает стену. Но песни петровского времени не знают образа пуш-каря, противостоящего Грозному. Они рассказывают о героическом походе солдат Семеновского полка, осуществивших взятие Риги и поздравивших царя Петра «с крепким городом» (стр. 228).

Наиболее полно образ самоотверженной солдатской массы петровского времени запечатлен в песне о Полтавской битве. Героическое поведение русского войска, определившее победу в войне, воскресило в памяти традиционный образ русской поэзии — уподобление боя пашне. Песня завершена словами:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.
(«Полтавская битва»)

Традиции солдатской исторической песни, выработанные в начале XVIII века, получают развитие во второй половине его и в XIX столетии. Образ солдата и полководца, возглавляющего

солдат и народ в походе и дающего образец стойкости, мужества, презрения к смерти, разрабатывается и в песнях середины XVIII века; среди них имеются такие интересные и ценные произведения, как песня о Краснощекове (стр. 250), о Захаре Чернышеве в плену (стр. 246) и другие. И, так же как в цикле песен начала XVIII века, среди этих песен многие отмечают тяжесть солдатской доли: нет горчей полыни во чистом поле — «А еще того горчее — служба царская!»¹

По форме песни начала XVIII века продолжают традиции народной лирики. В песнях широко используется отмечавшийся выше параллелизм образов, сжатые и развернутые сравнения переживаний и действий человека с явлениями природы, устойчивые символы, дающие образную характеристику героев исторической песни, постоянные эпитеты, уменьшительно-ласкательные окончания в ряде слов и т. п. Тоническое стихосложение и отсутствие рифмовки — черты, общие для лирической и военно-бытовой исторической песни того времени. Но уже в середине XVIII столетия намечается появление новых черт и в солдатской песне о походах и исторических героях. В городской и солдатской среде появляются песни с чередованием рифм и силлабо-тоническим стихосложением. Примером таких песен могут быть некоторые песни о А. В. Суворове.

Построение песни двусложным метром с риф-

¹ П. В. Киреевский. Песни, вып. IX. М., 1872, стр. 153—154.

мовкой, четко отделяющей строки друг от друга, стимулировалось потребностью создать походные песни, т. е. песни, певшиеся «под ногу», в которых шаг солдатского строя определял ритмику стиха. Такова, например, песня о битве при Гросс-Егерсдорфе — «Как не пыль в поле пылит — Прусак с армией валит». Такова песня о Суворове, который не испугался турецкой силы, все сметающей в наступлении, и победил ее. В одной из песен о Суворове есть такие характерные по содержанию и по ритму для этой группы песен строки:

А Суворов-геґерал
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал —
Короля во полон брал¹.

Однако эти новые формы, появившись в солдатской исторической песне XVIII века, еще долгое время остаются в зародыше. Полное развитие их произойдет в результате усиления воздействия на народное творчество книжной стихотворной поэзии. В XIX веке солдатская рифмованная песня станет основным видом в исторической песенной поэзии народа².

Во второй половине XVIII столетия складыва-

¹ Интересные материалы о военной песне второй половины XVIII века и о Суворове содержатся в ошибочной по содержанию статье Д. Л. Мордовцева «Суворов в народной поэзии». «Исторические прописки», т. II. СПб., 1889, стр. 136—155. Песню, из которой приведена цитата, см. в названной статье.

² В середине XIX века ритмика таких песен станет едва

ются солдатские песни, в которых все более и более отчетливо выявляется снижение образа царя. Образ полководца начинает противопоставляться «царской персонушке», изображаемой пугливой, нерасторопной, несообразительной. Истинным героем солдатской исторической песни о походах в горы Забалканские, о походах под Бендеры, к Очакову и других предстает Суворов, а в ряде песен Потемкин. Суворов утешает и ободряет русскую землю, взгоревавшуюся от угрозы султана турецкого покорить ее (стр. 254). Суворов же успокаивает царицу, в испуге всплескавшую ручками белыми при получении грозного письма от короля шведского, прусского или турецкого, требовавших сдаться без боя, «тому-то королю покориться». Песня «Пишет, пишет король шведский» (или прусский) становится одной из самых известных, содержащих характерное противопоставление народного полководца царю, который не внушает ни доверия, ни уважения.

Наиболее ясно снижение образа царя, а вместе с тем подчеркивание роли народа, возглавленного полководцем в борьбе за независимость родины,

ли не господствующей в военно-бытовых песнях. Ее с некоторой переработкой использовал Л. Н. Толстой, создав свою известную песню о севастопольской кампании («Солдатская песня»). Ритмическое строение и характер рифмовки песен был использован также в революционной песенной поэзии (ср. песни типа: «Как четвертого числа нас нелегкая несла смуту усмирять...»); подобные песни распространялись среди солдат. Это же строение находим в известной песне о Дрентельне-генерале и синих мундирах).

выражено в песнях Отечественной войны 1812 года. В этих песнях размежевание: бары-генералы — солдаты-народ осложняется двойственным положением царя. Царь теперь лишен силы, энергии, воли к действию и победе. Этот царь резко отличается и от Ивана Грозного и от Петра Великого. Слабовольный и бессильный, он не в состоянии оказать сопротивление неприятелю. Повесившего «буйну голову» царя ободряет сам Кутузов, обещающий победу над врагом (ср. стр. 275).

Продолжая традиции песен XVIII века, песни об Отечественной войне 1812 года сохраняют некоторые ранее сложенные произведения и создают преемственность образов. Так, образ Кутузова в песнях начала XIX века сливается с образом Суворова, и это вполне закономерно, — это отражает подлинную народную любовь к знаменитым полководцам — учителю и ученику, прославившим русское воинское искусство. Кроме Кутузова, обрисовываемого оплотом и опорой русской воинской силы, песни Отечественной войны 1812 года с любовью говорят о Платове-казаке, превращенном в партизана, в смельчака, проникающего в тыл к французам.

Общность образов Кутузова и Платова — в их любви к родине. Но эта общность не уничтожает своеобразия любимых героев Отечественной войны 1812 года. М. И. Кутузов — генерал, предводитель русских войск, глубокой мудростью, тактикой боя, продуманностью и смелостью действий приводящий народ к победе над врагом. Он — отец солдат. Солдаты и народ безгранично верят ему и

надеются на него. Кутузова народ в своих песнях противопоставляет не только Наполеону, «французу», но и русскому царю с вельможами.

Несколько иначе очерчен образ Платова. Это казак, партизан, ловкий и смелый. От солдатских «чистых сердец», как поется в песне, Платову вьют венок (стр. 286), — вьют за его исключительную храбрость, за то, что он без страха ведет полк солдат на врага.

Главнокомандующий фельдмаршал М. И. Кутузов и полковой атаман Платов-генерал различны по особенностям их характеров, по выполняемым ими задачам, описанным песнями. Они — герои исторической песни 1812 года — лишь выдающиеся деятели, окруженные народом, выразители общенародных чувств и переживаний; они — выразители того патриотизма, который заставляет народ создать прекрасную песню о дорожке, разоренной от Можая до Москвы, содержащую любовное противопоставление красоты Москвы красотам Парижа (стр. 277). Образ Москвы — сердца России, на которое посягнул враг, — пробуждает глубокие патриотические чувства в народе, мобилизует народные массы на защиту родной страны, сливает регулярные части армии с массами крестьян, беззаветно боровшихся с врагом. В песнях о войне 1812 года, в которых основным остается собирательный образ народной массы, борющейся под руководством М. И. Кутузова за Москву-Россию, впервые отчетливо проступает национальное самосознание русского народа как единого целого.

С народной поэзией 1812 года органически связывается творчество последующих лет. Нередко произведения 20-х и последующих годов окрашивались сознанием того, что одержанные в войне 1812 года победы не улучшили материального и правового положения народных масс. Об этом говорит, например, песня о восстании Семёновского полка. Об этом говорят песни об Аракчееве, чье имя народ произносил с проклятием.

Образ народа проходит перед нами в исторической песенной поэзии XVII — начала XIX века как основной героический образ народного искусства.

Несмотря на то, что у истоков XIX века стоят песни об Отечественной войне 1812 года, несмотря на создание в последующие десятилетия XIX века отдельных исторических песен, имеющих художественное значение, надо констатировать факт уменьшения в XIX столетии активности создания народными массами военно-исторических песен. Песен о событиях истории создавалось меньше, чем раньше, и большинство их, как показывают записи, были менее художественны. Большую роль при этом играли сложившиеся неблагоприятные условия для жизни народного творчества. Все то, что создавалось народом, выражая волновавшие угнетенные массы чувства, все то, что отражалось в поэзии народа как кровное, близкое ему, в большинстве случаев душилось и подавлялось. Находясь под запретом, произведение народного искусства не могло активно жить, шлифуюсь и совершенствуясь в коллективном

творчестве трудящихся масс. О развитии свободного коллективного творчества народа в условиях самодержавного режима XIX столетия вообще трудно говорить, памятуя хотя бы, как в николаевской России с невероятным упорством и деспотическим самодурством преследовались проявления народной поэзии. Выразительно свидетельство Л. М. Жемчужникова, характеризовавшего в воспоминаниях отношение правящих кругов к поэзии народа: «Еще забавнее было его (Николая I) отношение к народным песням. Николай Иванович Костомаров рассказывал мне, что, будучи сослан в Саратов, он поместил в «Губернских ведомостях» старинные песни. Неизвестно, как номера Ведомостей, где они были напечатаны, очутились на столе императора, который сделал следующую отметку: «Скверно, такие песни следует не распространять, а искоренять». Этого было достаточно, чтобы началось энергичное преследование народной поэзии. Сидит бывало баба у ворот убогого домишки и напеваает, изливая свое душевное настроение, — и вот на нее налетает полицмейстер в сопровождении казака с пикой и грозно требует замолчать и впредь никогда не петь — на то имеется высочайшее повеление. В Малороссии бандуристов, кобзарей и лирников беспощадно преследовали и секли»¹.

¹ Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого. Вып. 2. В крепостной деревне. 1852—1857 гг. М., 1927.

Если таково было отношение к народной песне вообще, то отношение к народной песне, отразившей суждение народа об историческом событии или историческом лице, нередко опорочиваемом властями, было еще беспощаднее.

В середине и второй половине XIX века условия экономической, культурной, политической жизни народных масс затрудняли создание и, в еще большей мере, коллективную шлифовку произведений народного творчества и в частности исторических песен. Задавленность крестьянских масс, ужасы николаевской солдатчины, самый строй жизни в феодально-крепостнической России обусловили отдаленность трудового народа от многих исторических важных проблем и событий. Этим объясняется, например, скудность и социальная нечеткость отзвуков в народной поэзии декабрьского восстания 1825 года. Типична в этом отношении песня «В непоказанное время царя требуют в сенат». Содержание песни несложно. Царя потребовали в сенат, он едет туда, послав брату записку с просьбой о спасении. Брат царя едет к сенату и, силой войдя в палаты, видит царя, стоящего на коленях.

Перед ним полковник ходит:
— Поскорей, царь, подпишись,
Да недолга твоя жись!
Сенаторы все стоят
Да царю смертию грозят¹.

¹ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 63—64.

То же самое, с большими или меньшими подробностями, повторяют другие варианты песни¹.

Песня не сохраняет воспоминаний о восстании как о таковом; она говорит о требовании об отречении царя от престола, никак не мотивируя излагаемое.

Из песен первой половины XIX века выделяется песня о восстании в Семеновском полку, созданная, видимо, самими восставшими солдатами. Солдаты, «засажонные, завоеванные» «за крепостной за каменной стеной», напоминают, что они «горячу кровь проливали»

И французов в полон брали,
И каменну Москву отбивали!
(«Бежит речка по песку»)

Революционное движение дворянского и разночинского периодов отражается в народном творчестве как песни, сказания и рассказы о «бунтах» — волнениях и восстаниях самих народных масс. События же военной истории входят в песенную поэзию, отражаясь лишь в отдельных песенных текстах. В большинстве случаев солдатские исторические песни XIX века стоят на

¹ Ср., например, в сб. Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова «Онежские былины». М., 1948. В варианте Лоскутовой (стр. 850—851), например, читаем: «Перед ним полковник ходит Да держит саблю навесу: — Да царю голову снесу!»

границ бытовой лирики. Более четко традиции исторической поэзии хранились в среде казачества, — это происходило в силу условий жизни и быта казаков, их постоянного участия в воинской жизни страны.

Отмечаемое уменьшение вновь создававшейся народными массами исторической песни, однако, не означает, что народ теряет интерес к исторической теме и забывает о событиях истории. В XIX столетии песенная поэзия народа не оскудевает; она обогащается произведениями классиков литературы, ставшими достоянием народа в устной передаче. В числе других произведений народ включил в свой репертуар и исторические песни литературного происхождения.

4

Широкое распространение песен русских поэтов в быту — типическое явление культурной жизни русского народа второй половины XIX — начала XX века. В это время становится очевидно, что массовое песенное творчество русского народа, отразившее его историческую жизнь, не исчерпывает вошедших в репертуар песен на исторические темы. Подлинно народными песнями стали многие стихи поэтов¹. Они иногда полностью, иногда в отрывках были восприняты и стали передаваться из уст в уста. Нередко такие песни-

¹ Поскольку песни-стихи поэтов неоднократно публиковались в специальных сборниках, мы не включаем их в печатаемый нами сборник русских исторических песен.

стихи пелись в авторском тексте; но нередко они изменялись. Изменения бывали различны. Иной раз, не поняв слово или фразу, недослышав и не разобрав, что пелось, а иногда забыв какое-то место, певец добавлял кое-что от себя и при этом искажал текст. Но часто бывало и так, что народ редактировал песню-стихи поэта. Редактированию подвергались чаще всего не классические стихи великих русских поэтов, а произведения малоизвестных, иногда вовсе неизвестных писателей. Так, существенной переработке в устном бытовании подвергались песни «Из-за острова на стрежень» Д. Н. Садовникова, «Казнь Стеньки Разина» И. З. Сурикова, «Он» Н. Соколова и другие. При устном редактировании и переработке стихотворения в песню, как правило, текст сокращался, из него отсеивались второстепенные подробности, отпадали книжные выражения и образы, мысль, высказанная автором, уточнялась, шлифовалась. Песня-стихотворение по характеру и простоте описаний, таким образом, сближалась с народной песенной поэзией.

Литературная песня русских поэтов, входя в репертуар народных масс, обогащала его и содействовала дальнейшему развитию народного творчества. Тяга к ней в течение XIX—XX веков становится все сильнее и сильнее; в конце концов эти песни, сделавшись общенародными, иногда даже вытесняли из памяти традиционные произведения с той же сюжетикой. В отношении русской исторической песни можно, например, отметить, что «Ревела буря, дождь шумел» К. Ф. Ры-

леева, «Скажи-ка, дядя» М. Ю. Лермонтова, «Шумел-горел пожар московский» («Он») Н. Соколова, «Есть на Волге утес» А. Навроцкого, «Как четвертого числа» («Солдатская песня») Л. Н. Толстого и другие приобрели огромную популярность и в значительной мере заменили в народном массовом репертуаре многие традиционные исторические песни.

Став столь популярными, они вместе с другими литературными песнями и романсами, оторвавшимися от книжных и нотных страниц и бытующими так же, как народные песни, начинали оказывать все большее и большее воздействие на новые, создаваемые народными массами песни. С конца XIX века получает значительное распространение народная песня, по форме не отличающаяся от литературной. Таковы, например, песни, помещаемые нами в последнем разделе сборника, посвященном революционным песням и стихам 1860—1900-х годов. В этом разделе органически соединяются авторские песни-стихи (Чюминой, Эдиет, Щепкиной-Куперник и др.) с безымянным коллективным творчеством рабочих. Из многочисленных песен революционного пролетариата нами выделены наиболее близкие к истории революционной борьбы. Вообще же надо признать, что рабочая песенная поэзия в целом может быть оценена как замечательный исторический документ, — настолько точно и детально она фиксировала и условия труда и быта рабочих и развитие их революционной борьбы.

Еще в 60-х годах публиковался рабочий фольклор

на страницах революционно-демократической печати¹. В последующие годы рабочие песни начинают записываться в большем количестве. Это были песни о тяжком труде на фабрике, о притеснении рабочих фабрикантом-заводчиком, о появлении деревенского полупролетариата. Песни в ряде случаев документально изображали жизнь и труд на фабрике, говорили о практике грабительских штрафов, о первых стачках². Произведения рабочего творчества, раскрывающие бесправие рабочих, их непосильный труд на хозяев, отсутствие какой бы то ни было охраны труда, говорящие о гибели рабочих на производстве, в своей основе сформировались еще до начала массового рабочего революционного движения и в 1890—1900-е годы только детализировались и пополнялись новыми сюжетами, основанными на фактах, имевших место в действительности. По форме эти песни и стихи уже в последней четверти XIX века совершенно отходят от традиционного стихосложения протяжной песни; они создаются под прямым и непосредственным воздействием книжной поэзии³. Песни о непосиль-

¹ См., например, «Современник», 1864.

² Знаменательно в этом отношении стихотворение Штрипана и Моисеенко «Ткачи». См. П. А. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 34—35.

³ Большое количество подобных произведений печаталось в профсоюзной прессе 900-х годов («Ткач», «Голос ткача», «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств», «Листок булочников и кондитеров», «Печатное дело», «Хлеба и работы», «Листок рабочих портных, портних и скорняков», «Рабочий по металлу» и в других изданиях).

ном труде и бесправии рабочих подвели к мысли о неизбежности революционной борьбы и уничтожении царизма. Но они не являлись песенной поэзией, отразившей основные положения революционной борьбы пролетариата, программные утверждения пролетарской революции. Песни пролетарской революции создаются после 1896 года революционерами, вместе с В. И. Лениным боровшимися за создание русской социал-демократической партии, и привносятся в среду рабочих и революционной интеллигенции. Все основные пролетарские марши и гимны, с которыми народ шел на бой с царизмом и бился в боях Великой Октябрьской социалистической революции — «Интернационал», «Варшавянка», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу», — были созданы в первый период массового рабочего движения под руководством Российской социал-демократической партии — в 1896—1902 годах¹. Эти песни (и окружавшие их — «Пролетарская марсельеза» и некоторые другие) содействовали подготовке организованной политической борьбы с самодержавием и, революционизируя сознание рабочих масс, помогали поднять на высшую ступень агитацию и пропаганду, обличающую произвол царизма и протестующую против невыносимых условий труда и жизни. Песни, раскры-

¹ Тексты революционных стихов и песен и анализ их см. в сб. А. Л. Дымшица «Революционная поэзия (1890—1917)», 2-е изд. «Б—ка поэта», большая серия. Л., 1954.

вающие условия труда и быта пролетариата, приобретали огромное значение как орудие революционной агитации и пропаганды.

Тематика рабочего революционного фольклора чрезвычайно разнообразна. В 900-х годах она выходит далеко за пределы темы труда и быта рабочих и широко вводит в песню и рассказ отзвуки совершавшихся событий — демонстраций, столкновений с полицией и жандармерией, стачек. Но вплоть до 1905 года, точнее до расстрела 9 января, в рабочей революционной поэзии почти полностью отсутствует сатира на царя. Если сатирические песни и стихи и встречаются, то они направлены против министров, жандармов, полицейских. Русско-японская война, революция 1905 года и прежде всего 9 января, когда была расстреляна вера в царя, внесли изменения в рабочий революционный фольклор, осложнили его, заставили по-новому зазвучать и песни об отдельных событиях. В рабочем фольклоре значительное место заняли песни и стихи не с общей, а с конкретной исторической тематикой — получил дальнейшее развитие своеобразный исторический фольклор рабочих, явившийся «летописью» революционных событий.

В революционных песнях и стихах рабочих периода первой русской революции был создан остро сатирический образ Николая II, прозвище которого «Кровавый» вошло во многие произведения. Это — образ царя, пытавшегося превратить Россию в доходный кабак, тратящего на безумную прихоть, роскошь, разврат народные деньги,

дерущего с народа семь шкур. Песня о Николае II говорит:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь изменник, провокатор,
Содержатель кабаков.
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!¹

Николай окружен приспешниками — министрами, генералами, наместниками, фабрикантами, жандармами — богачами, жадной сворой терзающими народ. Некоторые песни дают сатирические характеристики родственникам Николая II, генералу Куропаткину, позорно командовавшему армией во время русско-японской войны, генералу Стесселю, сдавшему японцам Порт-Артур, графу Витте (стр. 347, 348), генералу Трепову (стр. 340, 341, 342) и другим. Разрушение и исчезновение царистских иллюзий, происшедшие после расстрела 9 января 1905 года, отразились и в рабочей исторической песенной поэзии, определив собой характер образов царя, окруженного сонмом министров и жандармов, противостоящего революционному народу.

¹ В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.). Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XX, Русское народно-поэтическое творчество (Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа). М., 1953, стр. 180.

Песни и стихи рабочих повествуют о героической борьбе революционного народа — рабочих и крестьян, — героический образ которого с таким подъемом создан индивидуальным и коллективным творчеством. Это — мирно шедшие 9 января к Зимнему дворцу рабочие (стр. 332, 333); это — калека-солдат, возвращающийся в разоренный дом с кровавых маньчжурских полей (стр. 353); это — герои крейсера «Варяг» (стр. 330); это — дружинники Пресни (стр. 345), моряки Кронштадта (стр. 349, 351) и многие другие. Все эти произведения даже тогда, когда рассказывают о расправе царизма с народом, о поражении восстания, о гибели человека в революционном бою или на баррикаде, полны неугасимой уверенности в победе, в неминуемом свержении царского строя, в грядущем отмщении. Оптимистическая вера, утверждение новой жизни, нового строя звучит в песнях революционной борьбы. Потому и в песнях, посвященных жертвам 9 января, и в других произведениях, говоря о временном поражении, утверждается грядущая победа. Песня рассказывает, как на курган, ставший братским кладбищем погибших 9 января 1905 года, в глубокий вечерний туман приходят рабочие. Только птицы видят их, — видят, как они

...печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..
(«На десятой версте от столицы»)

О той же великой клятве и будущей мести-грозе говорят все другие песни, посвященные событиям первой русской революции. И клятва эта воссоздает образ народа, вступившего в последний и решительный бой с самодержавием, с помещиками и капиталистами и победившего их.

Старые и новые исторические песни русского народа — наше художественное, культурное наследство. Не все они живут в устной передаче. Многие из исторических песен сохранились лишь в записях, забыты, ныне уже не поются. Но, перечитывая то, что было создано трудовым народом, рассказывавшим о своей жизни, а теперь уже не поется, и слушая то, что народ сохранил в памяти и что поет он сегодня, мы вновь переживаем былое. Познавая его, мы лучше понимаем настоящее. Мы лучше понимаем глубокий и сложный облик русского народа, веками складывавшийся национальный характер, закалившийся в борьбе с внешними и внутренними врагами.

ПЕСНИ XIII—XV ВЕКОВ

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Славные старые король Бахмет турецкие
Воевал он на землю Российскую,
Добывал он старую Рязань-город
подлесную.

Он-де стоял под городом
Со своей силой-армией,
Много поры этой было, времени,
Да-й разорил Рязань-город подлесную,
Разорил Рязань-де-город напусто.
Он в Рязани князей, бояр всех вырубил,
Да и княгинь, боярыней
Тех живых в полон побрал,
Полонил он народу много тысячей.
Он повел-де в свою землю турецкую,
Становил на дороге три заставы великие:
Первую заставу великую —
Напускал реки, озера глубокие;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкие;
Становил воров-разбойников;
А третью заставу — темны́ леса,
Напустил зверьев лютых.

Только в Рязани во городе
Оставалась одна молодая женка Авдотья
Рязаночка.

Она пошла в землю турецкую
Да ко старому королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить.

Шла-де она не путем, не дорогою,
Да глубоки-ты реки, озера широкие
Те она пловом плыла;
А мелкие-ты реки, озера широкие
Да те ли она бродком брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля те широкие,
Воров-разбойников тех о полден прошла
(Как о полден воры лютые
Те опочив держат).
Да прошла-де вторую заставу великую,
Да темны-ты леса дремучие,
Лютых зверей тех о полночь прошла
(Да во полночь звери лютые
Те опочив держат).

Приходила во землю Турецкую
К славному королю Бахмету турецкому,
Да в его ли палаты королевские.
Она крест-от кладет по-писаному,
А поклоны-ты ведет по-ученому,
Да она бьет королю-де челом, низко
кланялась:
«Да ты, государь король-де Бахмет турецкий!»

Да скажи ты мне, женка Авдотья Рязаночка,
Как ты эти заставы прошла и проехала? —
Ответ держит женка Авдотья Рязаночка:
«Ай ты, славный король Бахмет турецкие!
Я эти заставы великие
Прошла не путем, не дорогою.
Как я реки, озера глубокие
Те я пловом плыла.
А чистые поля те широкие,
Воров-то разбойников
Тех-то я о полдён прошла
(О полден воры-разбойники
Они опочив держат),
Темные леса-то, лютых зверей
Тех-де я в полночь прошла
(О полночь звери лютые
Те опочив держат)».

Да те ли речи королю прилюбилися,
Говорит славный король Бахмет турецкие:
— Ай же ты, молодая женка Авдотья Рязаночка!
Да умела с королем речь говорить,
Да умей попросить у короля из полону-де
головишки,
Да которой головишки больше век не нажать
будет. —

Да говорит молодая женка Авдотья Рязаночка:
«Ай ты, славный король Бахмет турецкие!
Я замуж выйду да с мужем наживу:
Да у меня будет свекор — стану звать батюшкой,
Да ли будет свекровка — стану звать матушкой,

А я ведь буду у их снохою слыть.
Да поживу с мужем — да я сынка рожу,
Да воспою-вскормлю, у меня и сын будет,
Да станет мѣня звати матушкой.
Да я сынка женю да и сноху возьму,
Да буду ли я и свекровью слыть.
Да еще же я поживу с мужем —
Да и себе дочь рожу.
Да воспою-вскормлю, у меня и дочь будет,
Да станет меня звати матушкой.
Да дочку я замуж отдам,
Да-й у меня и зять будет,
И буду я тещей слыть.
А не нажить-то мне той будет головушки,
Да милого-то братца любимого,
И не видать-то мне братца будет век и
пó веку».

Да те ли речи королю прилюбилися,
Говорил-де он женке таковы слова:
— Ай же ты, молодая женка Авдотья Рязаночки!
Ты умела просить у короля из полона
головашку,
Да которой-то не нажить и век будет.
Когда я разорял вашу старую Рязань-город
подлесную,
Я князей-бояр-де всех повырубил,
А княгинь-боярыней я тех живых в полон
побрал.
Брал полону народу много тысячей,
Да убили у мя милого братца любимого
И славного пашу турецкого.

Да-й не нажить мне братца будет век и
по́ веку!

Да ты, молодая женка Авдотья Рязаночка,
Ты бери-тко народ свой полоненые,
Да уведи их в Рязань до единого.
Да за твои ты слова за учливые
Да ты бери себе золотой казны
Да в моей-то земле во турецкие,
Да ли столько бери, сколько надобно. —

Тут женка Авдотья Рязаночка
Брала себе народ полоненые,
Да и взяла она золотой казны
Да из той земли из турецкие
Да сколько ей-то было надобно.
Да привела-де народ полоненые
Да во ту ли Рязань во опустелую,
Да она построила Рязань-город наново.
Да с той поры Рязань стала славная,
Да с той поры стала Рязань-де богатая,
Да тут ли в Рязани Авдотьино имя
возвеличилось,
Да и тем дело кончилось.

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешám.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал
Любимого шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловал?

И за то он не пожаловал,
Его дома не случилось, —
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синие;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты;
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет —
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет —
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет —
Того самого головой возьмет.

Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде — цены ей нет.
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога —
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни променять

И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дудентьевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старую,
Тверью богатую,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».

Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
— Гой еси, шурин мой
Щелкан Дудентьевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старую,
Тверью богатую,

Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи. —

Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия;
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

И втапоры млад Щелкан,
Он судьёю насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.

А не много он судьёю сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны дёвицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.

Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.

От народа они с поклоном пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатного жемчуга.
Изошли его в доме у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапору млад Щелкан
Зачванился он, загординился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилась,
Ни на ком не сыскалося.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVI ВЕКА**

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты.

А из спальни белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону-царю она сон
рассказала:

«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалось,
В сновиденнице много виделось:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизый орлище встrepенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».

А из сильного Московского царства
Подымался великий князь Московский,
А Иван сударь Васильевич, прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за
пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую, под реку под
Казанку;

С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь Московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозритель,
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.

Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету.

Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь, князь Московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».

Позадумался князь Московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою.
Еще как бы это дело оттянути.

Они те-то речи говорили —
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом.
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокою гору,
Разбросало белокаменны палаты.

И бежал тут великий князь Московский
На тую ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.

Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью Московского князя
встречала.
А того ли Ивана сударь Васильевича.
прозрителя.

И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.

А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынул ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую порфиру,
Он и царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел на Московское царство.

Что тогда-де Москва основалася.
И с тех пор великая слава.

СМЕРТЬ НАСТАСЬИ РОМАНОВНЫ

Приутихло, приуныло море синее,
Приутихли, приуныли реки быстрые,
Приутихли, приуныли облака ходячие, —
Благоверная царица преставлялася,
Воску ярого свеча перед ней да загорелася.
Перед ней стоят два млáдого два царевича,
Да стоят они, слезно уливаются.
Во ногах сидит Настасья, дочь царевна-то,
А сидит она, слезно уливается.

Говорит-то царица православная:
«Уж вы гой еси, два млáдого царевича,
Две мои ли две свечи да воска яровые,
Две мои ли две верб́ы две кудреватые,
Вы две круглы две скачены две жемчужинки,
И два русского два молодого, могучего
богáтыря!

Идите-ка сходите ко грозному царю,
Вы ко грозному царю Ивану-ту Васильевичу,
К своему ли вы к батюшке к родимому,
Еще пусть же придет со мной проститися».

Тут ведь млáды-то царевичи не ослушались,
Да приходят ко батюшке к родимому;

Они падали ко батюшке ко резвым ногам:
— Уж ты гой еси, батюшка родимый наш,
Уж ты грозен царь Иван Васильевич!
Ты поди-тко-се с матушкой проститися, —
У нас матушка родима преставляется. —

Отвечает-то грозен царь Иван Васильевич:
«Уж вы гой еси, млады мои царевичи!
Уж вы как да это дело пришли, вздумали
ко мне?
Недосуг мне-ка идти с нею проститися!»

Как приходят с ответом к родной матушке,
Еще к той нашей царице православною.
Посылает царица во второй их након,
Посылает царица во третий их во након:
«Вы подите-ка, млады мои царевичи,
Вы подите-ка, вербы мои да кудреватые!
Вы зовите-ка его да немедленно сюда.
Уж вы, милые млады мои царевичи,
Уж вы падайте ему да во резвы во ноги!»

Говорят опять ему таковы же речи:
— Ты пойди, пойди, батюшка, — проститися
зовет! —

«Уж вы гой еси, млады мои царевичи! —
Он вскричал на них опять да зычным
голосом. —

Недосуг мне-ка идти мне с ней прощатися:
Я сижу-то за письмом, пишу грамотку,
Не пером я пишу, сижу, не чернилами,
Не по белой по гербовой по бумажечке —

КОСТРЮК

При нынешних при царях,
При досюлешних королях
Царица-то крымская,
Купава татарская,
У царя сдоложилася,
А с Кострюком подумѣлася,
С молодым сговорилася
Ехать во землю во Русскую,
В сильно царство Московское,
Отведать силу богатырскую,
Плечо молодецкое;
И снарядились и поехали.

До Москвы не доедучи,
Среди поля чистого,
Среди луга зеленого
Шатры раздернули
Белополотняные,
Столы расставили
Белодубовые.
И пишет ярлык скорописчатый,
Посылает посла в каменну Москву:
«Ай же ты, молодой посол!
Не едь прямо воротами,

А едь чрез стену городовую.
Прямо на царский двор;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Приковывай, привязывай
Своего коня доброго;
А поди в палату белокаменну,
Во гридню столовую,
Бела лица не крести,
Государю челом не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый стол,
Говори царю не с укладкою,
Говори со прикладкою:
«Ай же ты, грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Дворы с придворками,
Конюшни споражнивай,
И дворы разглаживай,
И питья размеривай,
Ества налаживай,
Ества сахарные,
Питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами
И удалых добрых молодцев ширинками.
Едет Кострюк Кострюков сын,

Молодой черкашенин,
С царицею крымскою,
С купавой татарскою,
Едет в Москву поборотися,
Отведать силу богатырскую,
Плечо молодецкое:
Тридцать орд воевал,
Тридцать борцов борол,
Не мог отведать силы богатырской,
Плеча молодецкого.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,
Все царство твое припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет».

И поехал молодой посол,
Татарин нечистый,
Татарин поганый,
В землю во русскую,
В сильно царство Московское.

Не ехал он воротами —
Ехал прямо через стену городовую,
Заехал он на царский двор;
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому
Приковывал-привязывал
Своего коня доброго,
Идет в палату белокаменну,
Во гридню столовую,

Бела лица не крестит,
А государю челом не бьет,
Кладывает грамоту посольную
На дубовый стол,
И говорит царю не с укладкою,
Говорит со прикладкою:
«Ай же ты, грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Конюшни споражнивай,
Дворы разглаживай,
Питья размеривай,
Ества налаживай,
Ества были бы сахарные,
А питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками».

Убоялся тут грозный царь
Иван Васильевич
Грозы великия Кострюковья:
И тут чистил улки с приулками,
Конюшни споражнивал,
Дворы разглаживал,
Питья медвяные размеривал,
Ества сахарные налаживал;
Тут наваживал-налаживал
Красных девушек толпицами,

Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками.

И наехал тут Кострюк Кострюков сын
На широкий двор на царский,
Ко крылечку переному;
Идет по нову крыльцу —
Переклады гиблются,
Переходы колеблются,
Ступеньки подгибаются.
Идет в палату белокаменну,
Во гридню столовую —
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет,
А садится за столы дубовые,
За ества сахарные,
За питья медвяные.
И сидит за столом за дубовым,
Не ест, не пьет, не кушает
И белы лебеди не рушает.

И говорит тут грозный царь
Иван Васильевич:
— Ай же ты, Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ешь, не пьешь, не кушаешь
И белой лебеди не рушаешь? —

А царица-то крымская,
Поляница удалая,
Говорит царю:

«Ай же ты, грозный царь
Иван Васильевич!
Дал бы Кострюку,
Дал бы ты удалому
Борца поборотися,
Отведать силу богатырскую,
А плечо молодецкое,
То чтобы стал Кострюк
Есть, пить, кушати
И белу лебедь рушати.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,
Отведать силу богатырскую,
Плечо молодецкое,
То все твое царство припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет».

Тут говорит грозный царь
Иван Васильевич:
— Ай же ты, Федька-дьяк,
Молодой посол!
На ножку припадывашь,
Сподлобья выглядывашь.
Поди-ка выскочи
Среди царства Русского,
Государства Московского,
И закричи во всю голову,
Чтобы слышно было во всю Москву:
Есть ли в Москве борцы,
Добры молодцы? —

В Москве борцов не случилось, —
Случилось с Подпятницкой пятаины,
С Подвологодской стороны
Два братца родимых,
Они дети Андреевы,
Родом поволжана:
Одного зовут Федькою,
А другого Михалкою.
Федька-то хвалится,
А Михалка нарывается
С Кострюком поборотися,
С молодым поломатися.

Будут борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говорит грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты, Кострюк Кострюков сын!
Хлеб да соль на столе,
А бог тебе на стене,
Удалы добры молодцы
На дворе стоят».

Не орел головѣ здынул,
А Кострюк чрез стол скочил,
Зацепил ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавил,
Тридцать поганных задавил.
Татара лежат,
Будто мыши пищат,
А сами клянутся да проклинаются
— Дай тебе господи

Скоком на двор идти,
А со двора раскорякою! —

Он Михалку раз поткнул,
И в другой поткнул,
И третий поткнул —
Стоит Михайло, не шáтнется,
И желты кудри не стря́хнутся.
Говорит Михайло-борец,
Удалой добрый молодец:
«Ай же ты, грозный царь
Иван Васильевич!
Благослови-ка Кострюка бороть,
И благослови рука-нога ломить,
А глаз вон воротить».

Говорит грозный царь
Иван Васильевич:
— Ай же ты Михайло-борец,
Удалой добрый молодец!
Еще бог тебе пособил бы
Кострюка побороть,
Молодого одолеть,
И рука-нога ломить,
И глаз вон выворотить! —

Тут Михайло-борец,
Удалой добрый молодец,
Припадывал пониже себя,
Выздымливал повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила архангела,

Креста благовещенска,
Ивана Великого,
Отпускал о сыру землю.
Тут на нем кожа-то треснула...
Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломил
И глаз выворотил.

Тут царица крымская,
Поляница удалая,
Купаво приехала,
А не купаво поехала —
Поехала по задним по выходам.

ГРОЗНЫЙ ДУМАЕТ ДУМУ О КУРЬСКОМ

Не во матушке было во Россиюшке,
Было в каменной Москве,
Во палатушках было белых каменных,
Там столы стоят черны дубовые,
А на столах скатерти белы шелкóвые,
Они того-то шелку шемаханского.
На столах-то стоят блюда позлащенные,
А во блюдах яствица сладки сахарные,
На столах-то стоят пойлица разнопьяные.
За столом стоят стулочки кленовые,
На стулочках сидят они,
Воеводушки сидят всё московские,
А по конец-то столов стоит
Уж он, разукрашенный стул.
На стуле сидит батюшка православный царь,
Православный царь, православный государь
Да Иван Васильевич.
Он не пьет-то, не гуляет, не прохлаждается, —
Призадумался, повесил свою буйную головушку
На белые груди.
Он думал думушку ее заединую
Об измене его ли, князя Курбского,
Перебежчика к королю польскому.

НАБЕГ КРЫМСКОГО ХАНА

А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули:
Куда едет собака крымский царь?
А ко сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем — Рязань возьмем!»

А как будут они у Оки, у Оки-реки,
А тут они станут белы шатры расставляють

— А думайте вы думу с целá ума:
Кому у нас сидеть в каменной Москве?
А кому у нас в Володимире?
А кому у нас сидеть в Суздале?
А кому у нас держать Рязань старая?
А кому у нас в Звенигороде?
А кому у нас сидеть в Новгороде? —

Выходит Диви-Мурза сын Уланович:
«А еси, государь наш, крымский царь!
А тебе, государь, у нас сидеть в каменной
Москвае,

А сыну твоему в Володимире,
А племяннику твоему в Суздале,

А сродичу в Звенигороде,
А боярину конюшему держать Рязань старая,
А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
У меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
Диви-Мурза сын Уланович».
Прокличет с небес господень глас:
— Ино еси собака крымский царь!
То ли тебе царство не ведомо?
А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
Опришенно трех святителей!
Еще есть на Москве православный царь! —

Побежал еси собака крымский царь
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному!

ОСАДА ПСКОВА

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков;
Накопивши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На три города на три стольные:
На первый на город — на Полоцкий,
На другой-то на город — Велики Луки,
На третий — на батюшку на Опсков-град.

Он и Полоцкий город мимоходом взял,
А Велики Луки он насквозь прошел.
Подходил он под батюшку под Опсков-град.
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, на зóлот стул,
Смекал-то силушку по́ три дня,
По́ три дня и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?

Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.

Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зелены луга государевы.
Бери свово коня-бахмута,
Поезжай во батюшку во Опсков-град:
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».

За столами сидит воевода царев,
Карамышев Семен Константинович:
— Ох ты гой еси, воевода царев,
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Опсков бѣз бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистити,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохладитися;
Князей твоих, бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду! —

Возгóворит воевода царев,
Карамышев Семен Константинович:
«Блуден сын, король с королевичем,
С паном-гетманом Хотеновичем
И с воинским конем Вороновичем!

ГРОЗНЫЙ В ЦЕРКВИ ПОСЛЕ УБИЙСТВА СЫНА

Собирается наш православный царь
Да он ко заутрени,
Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому.
Как становился наш православный царь
Да на свое место,
Как становился наш православный царь.
У правого клироса.
Уж как молится наш православный царь
Ивану Великому,
Уж он молится, наш православный царь,
Да он низко кланяется.

Как позадь-то его все бояре-князья,
Они остановились,
Как промеж-то себя ухмыльнулись,
Князья усмехнулись.

Уж как гневно на них православный царь
Да он оглядается.
«И чему-то, чему вы, бояре-князья,
Чему больно радостны?»

Или не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?
Знать, не ведома-то вам кручинушка
Безысходна царская!
Как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича!»

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

Ай когда же воссияло солнце красное:
А на том было на небушке на ясном,
Как в ту пору теперичку
Воцарился наш прегрозный царь,
Наш прегрозный судáрь-царь Иван

Васильевич.

Он повывел тут измену из Казань-градá,
Он повывел тут измену из Рязань-градá,
Он повывел-то изменушку из Опскова,
Ай повынес он царенье из Царя-градá,
А царя-то Перфила он под меч склонил,
А царице-то Елене голову срубил,
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль да себе в руки взял.

Заводил же он почестный пир,
А на князей пир, на бояр пир,
А на всех гостей да званых браных.
Все же на пиру да напивались,
Все же на пиру да порасхвастались.

Порасхвастался прегрозный царь,
Наш прегрозный судáрь-царь Иван
Васильевич:

«Я повывел тут измену из Казань-градá,
Я повывел тут измену из Рязань-градá,
Я повывел-то изменушку из Опскова,
А-й повынес я царенье из Царя-градá,
А царя-то Перфила я под меч склонил,
А царице-то Елене голову срубил,
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль да себе в руки взял.
Я повывел нунь измену с Новгородчины,
Я повыведу измену с каменнóй Москвы».

Ходит тут Иванушко, царевич-государь,
Сам же испрогóворит:

— Ай, прегрозный судáрь-царь Иван
Васильевич,
Не повывести измены с каменнóй Москвы:
За одним столом измена хлеба кушает,
Платыцца-то носит одноцветные,
А сапожки-то на ножках одноличные. —

Мутно его око помутилося,
Царско его сердце загорелося.
«Ай же ты, Иванушко, царевич-государы!
А подай-ка мне изменщика да нá очи,
Я теперичку изменщику да голову срублю!»

Ходит тут Иванушко, царевич-государь,
Сам Иванушко да испрогóворит:
— Я же глупым да разумом промолвился.
На себя сказать — так живу не бывать,
Ай на братца сказать — братца жаль,
А и жаль братца не так, как себя.

Ай, прегрозный судáрь-царь Иван
Васильевич,
Ай, родитель наш же батюшкэ!
Ты-то ехал уличкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достáльניים по тюрьмам садил.
Я-то ехал уличкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достáльניים по тюрьмам садил;
А середочкой да ехал Федор да Иванович,
Бил-казнил да иных вешал ли,
Достáльניים по тюрьмам садил, —
Наперед же он указы да порассылал,
Чтобы малые да поразбегалися,
Чтобы старые да растулялися.
А нунечку-теперичкэ
Вся изменушка у нас да вдруг повысталá. —

Мутно его око помутилося,
Его царско сердце разгорелосá:
«Ай же, палачи вы немилóстивы!
Вы возьмите-тко нунь Федора Иванова
За тыи за рученьки за белые,
За тыи перстни да за злаченые,
Вы сведите Федора да во чистó полé,
На тое болотце да на Житное,
На тую на плаху да на липову,
А срубите Федору да буйну голову
За его поступки неумильные!»

Сидят тут палачи да немилóстивы,
Большый тулится за среднего,

Средний тулится за меньшего,
А-й от меньшего-то, братцы, век ответу нет.
Сидит маленький Малютка вор Скурлатов

сын:

— Ай, прегрозный царь Иван Васильевич,
Много я казнил князей, князевичей,
Много королей да королевичей,
Нунь да Федору я не спущу. —

Брал тут Федора Иванова
За тьи за рученьки за белые,
За тьи перстни да за злаченные,
Вел же Федора в чисто поле,
На тое болотце да на Житное,
На тую на плаху да на липову.

А и Марфа-то Романовна,
Кинулась она в одной рубашке без кбстыча,
А в одних чулочиках без чоботов,
А накинула тут шубку соболиную,
Черных соболей да шубку во пятьсот рублей,
А-й бегом бежит на горочку на Вшивую
К тому братцу ко родимому,
Ко Микитушке Романову.

Прибегала тут на горочку на Вшивую
К тому братцу ко родимому,
Ко Микитушке Романову. —
Не спрашивают тут у дверей придверничков,
У ворот да приворотничков,
А прочь взáшей она да всех отталкиват.
Ай придвернички да приворотнички,
Они вслед идут да жалобу творят:

«Ай, Микитушка Романович!
Да твоя-то есть сестрица да родимая,
Что ли Марфа-то Романовна,
А-й бежит она не в покруте,
Над тобой она да надсмехается,
Всех же нас да взáшей прочь отталкиват».

Говорит же тут Никитушка Романович:
— Что же ты, сестрица да родимая,
Что бежишь, над нами надсмехаешься,
Наших взáшей прочь отталкивашь? —

Тяжелешенько она да порасплакалась,
А Микитушке Романову разжалилась:
«Ай ты, братец ты родимый
Да Никитушка Романович!
Я ли над тобой да надсмехаюся,
Али ты же надо мной да надсмехаешься,
Али над собой невзгодушки великия не
ведаеть,

Али над собой да нуне надо мной,
Над сестрицей да родимою?
Твоего-то племянника,
Племянника да крестника,
Али Федора Иванова,
Увели его да во чисто полé,
На тое болотце да на Житное,
На тую на плаху да на липову,
Срубить Федору да буйну голову
За его поступки неумильные!»

Старый Никита да Романович,
Бросил он кафтан да на одно плечо,

Кинул шляпу на одно ухо,
Тяпнул в руки саблю вострую,
Он садился на коня да не на седлана,
Не на седлана коня да не на уздана,
Он садился на коня одним стегном.
Городом-то едет, голосом кричит,
Голосом кричит да сам шляпой машет:
— Ах ты, маленький Малютка вор Скурлатов
сын!

Не клони-тко нунь же Федора Иванова
На ту было на плаху да на липову,
Не руби-тко Федору да буйной головы
За его поступки неумильные.
Срубишь же ты Федору да буйну голову —
Не тот же кусок съешь, а сам подавишься,
Не тот же стакан выпьешь, сам заклекнешься! —

А не спрашивает Малютка вор Скурлатов сын,
Клонит Федора Иванова.

А скричал же тут Микитушка Романович:
«Ай же ты, Федор да Иванович!
Не клони-тко своей буйныи ты головы,
Царский род на казени не казнится!»

А не стал же Федор да сдаваться,
А не стал клонить своей да буйной головы
А на тую он на плаху да на липову.
А разъехался Микитушка Романович
А к тому же палачу да немилостиву,
К малому Малюте да Скурлатову.
Не клонил же он Малютки да Скурлатова
На тую на плаху да на липову,

Как смахнет он да саблей вострою,
Он отсек Малютке буйну голову
За его поступки неумильные,
Что зачем везет на казень царский род,
А срубить-то ему буйну голову.

Он брал Федора было Иванова
За тыи за рученьки за белые,
Целовал в уста его сахарные,
Посадил его на добра коня,
На свое садил было да на право стегно,
Повез Федора Иванова
А на тую было на горочку на Вшивую
А к тому было к подворьницу Микитину.

Сегодня, братцы, день субботнии,
Завтра день да воскресеньице,
Им идти-то ко божьей церкви.

А вставал же тут прегрозный царь Иван
Васильевич

Он по утрышку ранехонько,
Умывается он да белехонько,
Снаряжается он хорошоохонько,
Одевает платья опальные,
Коней подпрягают вороненых.
Ай поехал тут прегрозный царь Иван
Васильевич,

Он поехал ко заутрени.
А ставае тут Микитушка Романович
Ай по утрышку ранехонько,
Умывается он да белехонько,

Снаряжается он хорошохонько,
Одевает платья красные,
Коней подпрягают все же рыжих,
Кареты подпрягают золоченые;
Приезжает он да тут же ко заутреньке.

Испрогóворит Микитушка Романович:
«Здравствуй ты, прегрозный судáрь-царь
Иван Васильевич,
Со своей да любимой семьей,
А со Марфой-то Романовной,
Да со Федором Ивановым,
Со Иваном-то Ивановым!»

Говорит же тут прегрозный царь,
Наш прегрозный царь Иван Васильевич:
— Ай ты, старьи Никита да Романович,
Ай ты, шурин да любимы!
Ты невзгодушки не ведаешь,
Надо мной великой невзгодушки?
Твоего-то племничка,
Племничка да крестничка,
Что ли Федора Иванова,
Нету Федора во живности! —

Старьи Микитушка Романович
Снова тут его да он проздравствовал:
«Здравствуй ты, прегрозный судáрь-царь
Иван Васильевич,
Со своей да любимой семьей,
А со Марфой-то Романовной,
Да со Федором Ивановым,
Со Иваном-то Ивановым!»

Говорит же наш прегрозный царь,
Наш прегрозный царь Иван Васильевич:
— Ах ты, старьи Никита да Романович!
Что же в речи ты не вчуешься,
Сам ты к речам да не примешься?
Твоего-то племянника,
Племянника да крестничка,
Нету Федора во живности! —

Говорит же тут Микитушка да в третий раз:
«Здравствуй ты, прегрозный сударь-царь
Иван Васильевич,
Со своей да любимой семьей,
А со Марфой-то Романовной,
Да со Федором Ивановым,
Со Иваном-то Ивановым!»

Мутно его око помутилося,
Царско его сердце разгорелось,
Отвечает тут прегрозный царь Иван
Васильевич:
— Ах ты, старый пес Микитушка Романович!
Надо мною, знать, Микита, насмехаешься?
Выйдем от великоденныи заутрени,
Прикажу тебе, Микита, голову срубить! —

Тяжелешенько тут царь да порасплакался:
— По ворам да по разбойничкам
Есть заступнички да заборонщички —
По моем рононом по дитятке
Не было нунь да заступушки,
Ни заступушки, ни заборонушки! —

Говорит же тут Микитушка Романович:
«А бывает ли тут грешному прощеньице?»
— А бывает тут да грешному прощеньице, —
Того грешного да негде взять! —

Говорил было Микитушка во дрúгой раз:
«А бывает ли тут грешному прощеньице?»

— А бывает тут да грешному прощеньице,
Того грешного да негде взять! —

Говорит же тут Микитушка да в третий раз:
«А прости-тко того грешного!»

— Того грешного нунь бог простит, —
Того грешного нунь негде взять! —

Отвечает тут Микитушка Романович:
«Ай, прегрозный судáрь-царь Иван Васильевич!
Не отрублена да Федору да буйна голова,
А отрублена Малютке да Скурлатову
За его поступки неумильные.
Да зачем же иде казнить царский род:
Царский род на казени не казнится!»

Говорит же наш прегрозный царь,
Наш прегрозный судáрь-царь Иван
Васильевич:

— Ах ты, старьи Микитушка Романович,
Ай да, шурин да любимьи!
Что тебе, Микитушка, пожаловать?
Города ли тебе дать да с пригородками,
Али села дать да со приселками?

Али силушки тебе-ка-ва по на́добью?
Али золотой казны тебе-ка-ва по на́добью?
Али добрых ко́моней тебе-ка-ва по
на́добью? —

Отвечает тут Микитушка Романович:
«Не надо мне-ка городов да с пригородками,
Не надо мне-ка сел да со приселками,
Мне-ка силушки по на́добью,
Золотой казны по на́добью,
Добрых ко́моней по надобью:
Золота казна у молодца не держится,
Добры ко́мони у молодца не ездятся.
Дай-ка мне Микитину да отчину:
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Хоть каку ни есть победушку да сделай ли,
Да в Микитину да отчину уйди —
Того доброго же молодца да бог простил».

Ай прегрозный царь Иван Васильевич
Дал Микитину да отчину. ,

МОЛОДЕЦ НА ПРАВЕЖЕ

Еще сколько я, добрый молодец, ни гуливал,
Что ни гуливал я, добрый молодец, ни хаживал,
Такого я чуда-дива не нахаживал.
Как нашел я чудо-диво в граде Киеве:
Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодичка глубокого,
У того было ключа-то подземельного,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата
Уж как бьют-то добра молодца на правеже,
Что на правеже его бьют за напраслину,
Что нагого бьют, босого и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то без чоботов, —
Правят с молодца казну да монастырскую.

Из-за гор-то было, гор, из-за высоких,
Из-за лесу-то было, лесочку, лесу темного,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко выкатается:
Выкаталась бы там карета красна золота,
Красна золота карета — государева;
Во каретушке сидел православный царь,
Православный царь Иван Васильевич.

Случилось ему ехать посередь торгу,
Уж как спрашивал надежа православный царь,
Уж как спрашивал доброго молодца на правеже:
«Ты скажи, скажи, детина, правду-истину,
Еще с кем ты казну крал, с кем разбой держал?
Если правду ты мне скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мне скажешь, я скоро сказню:
Я пожалую тя, молодец, в чистом полé
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя петелькой шелковою».

Отвечал ему удалый добрый молодец:
— Я скажу тебе, надежа православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину,
Что не я-то казну крал, не я разбой держал,
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы, донские казаки.
Случилось мне, молодцу, идти чистым полém,
Я завидел, в чистом полé сырой дуб стоит,
Сырой дуб стоит в чистом полé, крякóвистый;
Что пришел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Что под тем было под дубом под крякóвистым,
Что донские-то казаки они дел делят;
Они дел делили, дуван дуванили;
Подошел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,
Как отряхивал коренья о сыру землю.
Уж как тут-то добры молодцы испугались,
Со делу они, со дувану, разбежались,
Одному мне золота казна досталася,

Что не много и не мало — сорок тысячей.
Я не в клад-то казну клал, животом не звал,
Уж я клал тое казну во большой-то дом,
Во большой-то дом, во царев кабак!

ВЫБОР ЕРМАКА АТАМАНОМ

Как далече, далече,
На синиим моречке
Не ясны соколы солеталися —
Собиралися-соезжалися
Добрые молодцы.
Они думали-гадали
Думу крепкую:
«Што кому из нас, ребятушки,
Атаманом быть,
Атаманом быть,
Есаулом слыть?
Атаманом быть
Ермаку сын Тимофеичу,
Есаулом слыть
Ванюхе, знать, Колечушку».

Как возгóворит тут
Добрым молодцам
Ермак сын Тимофеевич:
— Еще полно нам, ребята,
На море стоять,
На море стоять, ребята,
Здесь разбой держать!
Не пора ли нам, ребята,

Отправлятся
Во тое же ли
Во матушку —
За добычушкой,
За добычушкой —
Во Россиюшку.

ЕРМАК ЗОВЕТ КАЗАКОВ В ПОХОД

Ай да на славной было, братцы, на речушке,
Да на славной было, братцы, на Камышинке,
Собиралися там люди вольные —
Все донские, гребенские, казаки яицкие.
Собирались они, братцы, во единый круг.
Во кругу-то стоят они, думу думают:
«Ну кому-то из нас, братцы, атаманом быть?»

— Ай старику Ермаку сыну Тимофеевичу! —

Ну старик-то Ермак, братцы, неглупый казак,
Он речь говорит, ровно во трубу трубит.

Не золотенькая трубочка вострубила —
Ну Ермак-то казак, братцы, речь возговорил:
«Ай ну проходит у нас, братцы, лето теплое,
Заступает у нас зимушка холодная, —
Ну и где же, братцы, зиму зимовать будем?
На Яик-то идти, братцы, — переход велик,
На Тихой Дон идти — нам ворами слыть,
Как ворами-то слыть — нам быть

переловленным»

Да по крепким тюрьмам быть порассаженным.
Ну пойдете-ка мы, братцы, на Куму-реку:
На Куме-то-реке там и земли вольные,

На Куме-то-реке растут леса темные!
Мы пороемте там, братцы, себе ямушки,
Мы поделаем там себе балаганушки,
Ну построим себе, братцы, мы землянушки, —
Вот и там-то, братцы, зиму зимовать будем.
Ну поедемте мы, братцы, на охотушку,
Да на Кумские, братцы, на вершинушки;
Как и будемте, братцы, бить куниц, лисиц,
Мы куниц-то, лисиц, еще черных соболей:
Да мы куничьи пошьем себе куньи шапочки,
Ну лисичии, братцы, себе лисьи шубочки,
Соболевинькии всё себе сапожечки!»

СБОРЫ ЕРМАКА В СИБИРЬ

Как на Волге на реке, да на Камышинке,
Казачи, братцы, живут, люди вольные:
Все донские, гребенские со яицкими.
У казаков был, братцы, атаманушка,
Ермаком звали Тимофеевичем.

Не злата труба, братцы, вострубила им,
Не она звонко взговорила речь —
Взговорил речь Ермак Тимофеевич:
«Ой вы, братцы казаки, вы послушайте,
Да мне думушку попридумайте:
Как проходит у нас лето теплое,
Наступает, братцы, зима холодная, —
Куда, братцы, мы зимовать пойдем?
Нам на Волге жить — все ворами слыть!
На Яик идти — переход велик!
На Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь стоит все немилостивый.
Он послал на нас рать великую,
Рать великую — в сорок тысячей;
Так пойдем же, братцы, да возьмем Сибири!»

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Шатался-мотался Ермак сын Тимофеевич,
Он шатался-мотался по чисту́ полю,
По чисту́ полю Ермак да по синю́ морю́,
Разбивал же Ермак все бусы-корабли:
Татарские, армянские, басурманские,
А и больше того — корабли государевы!
Государевы кораблики без приметушек,
Да без царского они без гербычка.
Возговорил Ермак сын Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, мои братья-товарищи,
Вы морские удалые разбойнички!
Еще где мы зиму зимовать будем?
Нам на Волге жить, братцы, — все ворами слыть,
На Яик идти — переход велик.
Идти ль нам, не идти на Иртыш-реку:
Мы с Иртыш-реки возьмем Tobол-город,
Tобол-город возьмем белой грудю́,
Белой грудю́ возьмем, без свинца, без пороха,
Без свинца, без пороха, с камчатной одной
плеткою,
И поедем мы к царю с повинною,
Повезем ему свои буйны головы,
Во правой руке повезем топор-плаху».

Ермак Тимофеевич ловил себе добра́ коня,
Добра коня что ни лучшего,
Добра коня богатырского,
Надевал на него узду тесьмяную,
Накладывал потнички белы-бумажные,
Накидывал седелище черкасское,
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Не для красы — для крепости.

Садился-де Ермак на добра́ коня,
На добра коня Ермак на иноходного.
Передом едет Ермак сын Тимофеевич,
Уж он едет, едет потихохоньку,
Уж он едет, едет посмирнехоньку.
Подъезжает он к широку дворцу,
К широку дворцу да ко царскому,
Ко крылечку подъехал ко крашеному.

Как слез Ермак со добра́ коня
И пошел Ермак в царские палатушки.
Уж идет ли он без докладушек,
Идет Ермак потихохоньку, посмирнехоньку.

Как вошел Ермак во палатушки,
Во светлые царски залушки,
Возгóворил Ермак сын Тимофеевич:
«Здорово ты, наш батюшка православный царь,
Православный царь ты, Иван Васильевич,
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермак ты сына Тимофеевича?
Я приехал к тебе со повинною,
Привел тебе свою буйну голову,

Во правой руке — топор-плаху.
Я шатался, я мотался по чисту полю,
По чисту полю, по синю морю,
Разбивал я, Ермак, бусы-корабли:
И татарские, и армянские, и басурманские,
А и больше твои, государевы,
Государевы кораблики без приметушек,
Да без царских они без гербычков».

Возгóворил наш батюшка православный царь:
— Уж вы гой еси, мои князья-бояры,
И вы, думчие мои сенатóрушки,
Еще что нам с Ермаком будет делати:
Иль казнить его, или вешати,
Иль во всех винах его простити?
Иль велеть ему Казань, Астрахань взять? —

Возгóворит-де один боярин-то,
И старший думчий-сенатóрушка:
«Ой ты гой еси, батюшка православный царь!
Еще мало нам Ермака казнить-вешати».

Тут возгóворил Ермак сын Тимофеевич:
— Ой ты гой еси, ты врешь, собака!
Без суда, без допроса хочешь Ермака
вешати! —

Богатырская сила в нем разгоралася,
Богатырская кровь в нем подымалася,
Вынимал он из колчана саблю вострую,
Он срубил-смахнул боярину буйну голову, —
Буйная его головушка от плеч отвалилася

Да по царским залушкам покати́лася.
А и царская картина пермени́лася,
А и думские сенаторы испугали́ся
И по царским залам разбежали́ся.

Возгóворил наш батюшка православный царь:
«Ермак во беде сидит, бедой крутит,
Еще что нам над Ермаком делати?»

Ни один князь ответу не дал;
Во всех винах прощал его
И только Казань да Астрахань взять велел.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ БЕРЕТ КАЗАНЬ-ГОРОД

На усть было матушки Волги-реки
Собирались казаки-охотники —
Донские казаки со яицкими;
Атаманушка был у казаков
Ермак сын Тимофеевич,
Есаулушка был у казаков
С тихого Дона донской казак
Тот Гаврюшка сын Лаврентьевич.

Ермак возгóворит, как в трубу вострубит:
«Вы, други мои донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходит, други, лето теплое,
Настает зима холодная, —
И где-то мы, други, зимовать будем?
На тихий Дон идти — переход велик,
А на Яик пойти — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит,
У государя силы много множество,
Ни много ни мало — сорок тысячей,
Там нам, казакам, быть половленным,
По темным темницам порассаженным,

А мне, Ермаку, быть повешенным
Над самой матушкой над Волгой-рекой!»

Тут не черные черни зачернелися,
Не белые снежочки забелелися —
Зачернелись лодки-коломенки,
Забелелись парусы бязинные.
Тут казаки поиспужалися,
По темным лесам разбежались,
Один оставался атаманушка
Тот Ермак сын Тимофеевич, —
Он речь говорит, как в трубу трубит:
«Ой вы, други мои донские казаки!
Донские, гребенские со яицкими!
А что ж вы, други, попужалися,
По темным лесам разбежались?
Это едет-поедет к нам посланник царев.
Садитесь вы в лодки-коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловые,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
По матушке Волге под Казань-город.
Я сам к царю на ответ пойду,
Я сам государю отвечать буду!»

Приставали к крутому красному берегу,
Выкидали потопчины дубовые,
Выходили на крут красный бережок,
Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу
ножку,

Кармазинную черкесочку нараспашечку,
Соболиную шапочку на правый бочок.
Идет Ермак к самому царю,
К тому шатру полотняному, —
Идет Ермак, отряхается,
А государь глядит в окно, улыбается.

Пришел Ермак к самому царю,
Стал государь его спрашивать:
— Хорош-пригож молодец народился,
В три ряда черны кудри завивались,
На каждой кудринке по жемчужинке.
Не ты ли Ермак Тимофеевич?
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходил-гулял по синю морю?
Не ты ли разбивал бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, мои государевы? —

Ермак говорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка надежа-свет великий государь!
Не вели казнить, вели речь говорить:
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морские охотники,
Ходили-гуляли по синю морю
Ни много ни мало — ровно тридцать лет,
Разбивали мы бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, государевы, —
Которые были не орленые,
Признавали мы их за фальшивые;
Коли б они были государевы,
На них бы были орлы двухглавые,
А то они негербованные!»

Государь возговорит, как в трубу вступит:
— Хорошо, Ермак, на суду стоял,
Хорошо перед государем ответ держал,
Но ой ты, удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Достань ты мне славный Казань-город,
Возьми у меня силы сколько надобно! —

Ермак возговорит, как в трубу вступит:
«Батюшка надежа-свет великий государь!
Не надо мне твоей силы многа множества,
Прикажи идти с донскими казаками-
охотниками,

А ты подойди со своею армиею
Под славный под Казань-город,
А я на белой заре двери растворяю
И армию в город пушу!»

— Ой, мой удалый добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Как знать войти в Казань-город? —

Ермак возговорит, как в трубу вступит:
«Батюшка надежа-свет великий государь,
Если рыть подкопы глубокие под Казань-
город,
Закатить бочонки зелья лютого,
Поставлю тебе две свечи воску ярого
И поставлю часового своего надежного,
Донского казака, есаулушку любимого, —
Ты узнаешь, как в Казань-город войти,
Как догорят две свечи воску ярого!»

Скликает Ермак Тимофеевич донских
казаков:

«Ой вы, донские казаки-охотники,
Вы донские, гребенские со яицкими!
Садитесь вы в лодочки-коломенки,
Гряньте, погряньте вверх по Волге-реке
В тот славный Казань-город,
К тому повелителю казанскому!»

Приезжает Ермак в Казань-город,
Встречают его жители казанские,
Берут Ермака под белы руки,
Ведут к повелителю казанскому
Во те палаты белокаменные;
Видит повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Берет Ермака за праву руку,
Ведет в палаты белокаменные,
Сажает за столы дубовые,
За скатерти шелковые,
Ставит яство сахарное,
Пойло ставит разнопьяное.

Тут Ермака повелитель начал просить:
— Ой ты, Ермак сын Тимофеевич,
Помоги отстоять Казань-город! —

Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
«Могу отстоять, когда послушаешь —
Я займу места притинные,
Поставлю свои караулы крепкие

Над пушками долгомерными
И буду стрелять-от царя белого!»

— Ой вы, мои донские казаки,
Занимайте места притинные,
Становите свои караулы крепкие
Над теми воротами уездными,
Переворачивайте пушечки долгомерные
Во славный во Казань-город,
Отбивайте со вратах засовы железные,
Поставьте знамечко царя белого! —

На белой заре на утренней
Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливают;
Царя белого армеюшка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань-город,
Вперед Ермака государь здравствует:
— Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич,
с радостью! —

«А тебя, государь, поздравляю с победою!»

Берет государь Ермака за праву руку,
Ведет по славному городу Казанскому,
Выходит государь во чисто поле,
Расставляет шатры полотняные,
Призывает Ермака Тимофеевича;
Государь взговорит, как в трубу втрубит:
— Ой ты, удамый мой добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVII ВЕКА**

*Песни о набегах татар XVI —
начала XVII века*

ТАТАРИН И ПОЛОНЯНКА

За горою за высокою
Плачет тут девка,
Плачет тут красна,
Русская полонянка.

Тешили девку,
Тешили красну,
Русскую полонянку
Пан да татарин,
Третий — воевода:
«Не плачь ты, девка,
Не плачь ты, красна,
Русская полонянка.
Сошьем тебе, девке,
Шубку татарску,
Шапку литовску,
Сапог по-московски».

— Не надо мне, девке,
Не надо мне, красной,
Шубка татарска,

Шапка литовска,
Сапог по-московски.
Надо мне, девке,
Надо мне, красной,
На Русь побывати,
С батюшкой повидаться! —

«Вона ты, девка,
Вона ты, красна,
Батюшка в гости едет».

— Ой вы, татара,
Злы вы, поганы!
Не могу вставати,
Рук поднимати,
С батюшкой повидаться!

ДЕВУШКА В ПОЛОНЕ

Не спала млада, не дремала,
Ничего во сне не видала.
Только видела-сповидала:
Со восточную со сторонку
Подымалася туча грозна,
Со громáми, с молоньями,
Со частыми со дождями,
Со крупными со градáми.
С теремов верхи посломало,
С молодцов шляпы посрывало,
Во Оку-реку побросало,
А Ока-река не примала,
На крут бережок выбросала,
Как на желтенькой на песочек,
На муравую на травку,
На лазоревы на цветочки,
На бумажные на листочки.

А на лугу на том стоял шатрик,
Во шатре-то был постлан коврик,
На ковре сидит татарин,
Перед ним стоит красная девка,
Она плачет и возрыдает,
Ко Оке-реке причитает,

А татарина увещает:
«Ох ты гой еси, злой татарин!
Отпусти меня в Русску землю,
К отцу, к матери на свиданье,
К роду к племени на плаканье».

МИХАЙЛО КОЗАРЕНИН

Во том во городе во Голицыне,
У того же у Петра, купца богатого,
Родилось да чадо милое,
Чадо милое, чадо любимое,
Милое чадо все Михайлушко.
Появились на крестинах люди злы-лихи, —
Остудили Михайлушку от батюшки,
От батюшки, от родной матушки;
Относили Михайлушку ко бабушке,
Ай ко той ко бабушке к задворенке.

Кормила его бабушка-задворенка
А теми его кусочками прошóными;
А поила его бабушка-задворенка
Его тем молочком да все козьим-то:
Еще прозвали Михайлушку Козаренином.

Еще вырастал Михайлушко двенадцати лет,
Еще стал же ведь Михайлушко конем
владеть,

Он конем владеть да вострой сабелькою.
Он пошел как Михайлушко ко батюшке,
Ай ко батюшке да к родной матушке —
На Михайлушку батюшка очми не взвел.
Выходил же как Михайло на конюшен двор.

Он брал коня да лошадь добрую,
Ай садился как Михайло на добра коня,
Он на то же на седельшко черкасское,
А поехал как Михайло да во чистó полé.
Ай не видели у Михайла его поезду,
Только видели у Михайла — в поле дым
столбом.

А приехал как Михайло ко честнóу дрéвú,
Он ко той же ко березе все ко белою.
На том же на древе-то на честном,
Ай на той же на березе на белое
Сидит птица, птица вещая,
Вещая птица, все черный ворон.
Ай натягивает Михайлушко свой тóгой лук,
Он направливает, Михайлушко, каленую
стрелу —

Он вымает калену стрелу из налучничка, —
Он хочет черна ворона подстрéлити.
Взговорит птица, птица да русским языком,
Русским языком да человеческим:
«Ой еси Михайлушко Козаренин!
Не стреляй-ко ты меня, да черна ворона:
Моего мяса тебе не наестися,
Ай моей крови тебе да не напиться.
Я скажу тебе, Михайло, такую весточку:
Что у вас было во городи во Голицыне
У того же у Петра, купца богатого,
Вечор было — три поганые татарина
Увезли у него да дочь Аннушку.
А тепере те татарья во чистóм полé,
Во чистóм полé да во белóм шатре».

Помутились у Михайла очи ясные,
Защемило у Михайла ретивó сердце.
Отворачивал Михайло добра комоня,
Он поехал как, Михайло, во чисто полé.

Он приехал как, Михайло, ко белú шатру,
Он вокруг шатра да поезживает,
Речи у них да все выслушивает.

Три-то ведь поганые татарина
Они шум шумят да сами дел делят:
На первой-от пай кладут да красно золото,
На другой-от пай кладут да чисто сéребро,
На третий-от пай кладут да красну девицу.

Девица плачет, как река течет.
Еще первой-от татарин девку тешит он:
«Ты не плачь, не плачь, девица-душа красная:
Уж ты мне ли, красна девица, достанешься —
Я сведу тебя, девица, на святу на Русь,
На святу Русь, девица, ко отцу к матери».

Второй-от татарин девку тешил он:
— Ты не плачь, не плачь, девица-душа красная:
Уж ты мне, красна девица, достанешься —
Я отдам тебя, девица, за племянничка,
Будешь ключницей, станешь ларечницей. —

Девица плачет, как река течет.
Третий-от татарин девку тешит он:
«Ай вечер моя сабелька не ужинала,
Не ужинала сабелька, не поужинала,

А сегодня моя сабля не обедала;
Я срублю тебе, девица, буйну голову,
Рассеку тебя, девица, в мелки жеребьи,
Размечу тебя, девица, по чисту полю
На терзанье тебя серым волкам,
Черным воронам да все на гáленье».

Помутились у Михайла очи ясные,
Он кличет татаровей к себе на́ поле:
— Вы подите-тко, татары, ко мне на́ поле,
Ко мне на́ поле, татары, со мной
брататься. —

Еще вышли как татары к нему на́ поле,
Он первого-то татарина живого пустил,
Он за те же ведь за речи за ласковы,
За те слова за приятливы,
А другого-то татарина конем стоптал,
А третьего-то татарина копьем сколол.
Заходил же как Михайлушко во белой шатер,
Чисто серебро да по карманам клал,
Красно золото да по запáзушью;
Брал девицу за белы́ руки́,
За те же ведь за перстни злаченые.
А садился как Михайло на добра коня,
Он ведь брал девицу позади себя.

Ехали они да день до вечера,
Никоторый никоторому не выговорил.
Взговорит только Аннушка Михайлушке:
«Не пора ли, молодец, шатер ставить,
Не пора ли, молодец, да думу думати?»

Как ответ держит Михайлушко Козаренин:
— Уж ты, глупая да красна девица,
Неразумная да дочь отецкая;
Еще я ведь, девица, тебе брат родной. —

«Прости-тко, прости, брателка Михайлушко,
Ты за те меня за речи за глупые,
За те слова да неразумные».

А приехали в тот город во Голицын-то,
Ко тому же ко Петру, купцу богатому.
Выходил как Петро на новы́ сені,
Он на те же на балясы на прекрасные,
Он выходит, Петр-то, низко кланяется:
— Ты, любима дочь, да дочь Аннушка,
Ты пойди ко мне да хлеба кушати,
Хлеба кушати да перевару пить. —

На Михайлушку батюшка очми не взвел.

Заходит Анна к отцу к матери,
И споведала Аннушка все в доме,
И вышла как Анна на ново крыльцо,
На ново крыльцо, на балясы на прекрасные:
«Ты, родимый брателко Михайлушко,
Ай во том было во городе во Голицыне
У того же у Петра, купца богатого,
Были поганые татарины,
Увели у него меньшого сына Иванушку».

Помутились у Михайла очи ясные;
Отворачивал Михайло добра коня,

Он поехал как, Михайло, во чисто поле,
Он приехал как, Михайло, в саму ма́тицу,
Он прибил-притоптал да всех татаровой,
Чисто серебро да по карманам клал,
Красно золото да по запазушью.
Он брал молодца да за белы́ руки,
Он за те же за перстни за злаченые.
Он садился как, Михайло, на добра́ коня,
Он брал молодца да позади себя.

Они ехали двоима день до вечера,
А приехали во тот город во Голицын,
Ко тому же ко Петру, купцу богатому.
Выходит Петр-от на новы́ сенй,
Он на те же на балясы прекрасные,
Он выходит, Петр-от, низко кланяется:
— Ты, любимое дитяtko Иванушко,
Ты поди-ко ко мне да хлеба кушати,
Хлеба кушати да перевару пить. —

На Михайлушку батюшка очми не взвел.
Слезал тут Михайлушко с добра́ коня,
Он срывал балясы-те прекрасные,
Еще сам он по балям похаживает:
«Не в первый я зашел, да в последний
к вам!»

ТАТАРСКИЙ ПОЛОН

У колодеза у холодного,
Как у ключика у гремучего
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Полонили они красную девушку,
Полоня, ее замуж выдали
За младого за татáрченка.

Как прошло тому ровно три года,
Полонили они старую женщину,
Полоня, ее стали делить,
Кому она достанется?

Как досталась теща да зятю.
Он заставил ее три дела делать:
Белыми руками тонкой кужель прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать

Качает дитя — прибаюкивает:
«Ты баю, баю, мое дитяtko,
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татáрченoк,
А по матушке родной внучек мне».

Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
— Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,
Качает дитя — прибаюкивает:
«Ты баю, баю, мое дитятко
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татарченоч,
А по матушке родной внучек мне!»

Бежит, бежит молода жена,
В одной сорочке без пояса:
— Государыня моя матушка!
Для чего ж ты мне давно не сказалася?
Ты бы пила-ела с одного стола,
Носила б платье с одного плеча!

ПОЛОНЯНОЧКА

Не белая лебедка в перелет летит —
Красная девушка из полону бежит;
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На белой груди скат-жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень как жар горит.

Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красна девушка на крутой
бережок

Закричала она своим зычным голосом:
«Ох ты гой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовщички,
Еще есть ли по тебе перевозчички?»

Неоткуль взялся перевозчичек,
Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь.
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,

А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат-жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка!»

— А пойдешь ли, красна девица, замуж
за меня? —

«Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»

Бежали за девушкой два погонщика,
Два погонщика, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица словно ключ ко дну.

ПОЛОНЯНИН

Как издалеча, из чистá поля,
Из того было раздольица широкого,
Шли-прошли собаки — злы татарове.
За собой вели собаки много пóлону,
Много пóлону, много князей-бояр.
Назади ведут удала добра молодца,
По имени зовут его Сироточкой,
Сироточкой, вдовьиным сыном.
Завязаны у молодца ручки белые
Во крепкие чумбуры во шелковые;
Закованы у молодца ножки резвые
Во крепкие железы во немецкие;
И завешены у молодца очи ясные.

Как прогóворит удалый добрый молодец:
«Ой вы гой еси, собаки, злы татаровья!
Развяжите вы мне, мóлодцу, ручки белые,
Раскуйте добру молодцу ножки резвые,
Вы развесьте добру молодцу очи ясные!
Я спою-де вам, собакам, песню вчерашнюю,
Мы котору песню пели на синём морé,
Мы на батюшке на Соколе, черном корабле.
Мы не песню, братцы, пели, горе мыкали!»

Песни о событиях первой половины XVII века

ПЛАЧ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ

Сплачется мала птичка,
Белая перепелка:
«Охти мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малыи дети побити,
Меня, перепелку, поимати».

Сплачется на Москве царевна:
— Охти мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев расстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческий чин наложити!
Ино мне постричися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молодцев посмотрети.
Ино, ох, милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити

После царского нашего жития
И после Бориса Годунова?
Ах, милые наши теремы!
А кому будет в вас да сидети
После царского нашего жития
И после Бориса Годунова?

ПРО ГРИШКУ-РАССТРИЖКУ

Ты, боже, боже спас милостивый!
К чему рано над нами прогневался —
Послал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева?
Ужели он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Дмитрием Ивановичем Углицким.

Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига жениться;
Не у себя-то он в каменной Москве —
Брал он, расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.

На вешний праздник Николин день,
В четверг у расстриги свадьба была;
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрене,
А Гришка-расстрига он в баню с женой;
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущатой камки.

А час-другой поизбѣдучи,
Уже князи и бояра — от заутрени,
А Гришка-расстрига — из бани с женой.

Выходит расстрига на Красный крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное;
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньей».

А втапору стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
— Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрий Иванович? —

А втапору царица Марфа Матвеевна
заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрий
Иванович
На Угличе от тех от бояр Годуновых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софен Премудрыя;

У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякие праздники совершают панихиды,
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых-бояр проклинаят завсегда».

Тут стрельцы догадались,
Все они собирались,
Ко Красному царскому крылечку метались,
И тут в Москве взбунтовались.

Гришка-расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается;
И злая его жена, Маринка-безбожница,
Сорокою обернулася,
И из палат вон она вылетела.
А Гришка-расстрига втапору догадлив был —
Бросался он со тех чердаков на копья острые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам:
И тут ему такова смерть случилась.

МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Прикажи, судáрь-хозяин, Скопина
просказать,

Скопина-князя Михайла Васильевича!

Снаряжается Скопин в каменну Москву,
В каменну Москву, да и во Шведскую,
Во Шведскую да во Немецкую.

Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не ездн, Скопин, в каменну Москву,
Не водись со князьями-боярами,
Со всею поляницею удалою,
С Малютовой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой-Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шуйского
женой».

Скопин своей матушки не слушает;
Он сам выходит на красно крыльцо,
Он сам говорил таково слово:
— Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги, с подконюшниками?
Походите на конюшню белодубовую
По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкасское,
Уздайте уздою тесьмяною,

Подтягивайте подпругами шелковыми
Белого шелку шамаханского,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крепости,
Ради крепости богатырския! —

Сходил Скопин со красного крыльца,
Со того крыльца княжеского,
Садился Скопин на доброго коня,
На любимого на бахманца,
Поехал Скопин с широкого двора,
Он плеткой помахивал,
Золотой уздой побрякивал.

Приехал Скопин в каменну Москву,
На ту площадь Красную,
К тому собору Успенскому;
Скумился с кумой крестовою,
Малютовой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой-Шербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шуйского женой.

У князя у Владимира
Был весел пир на радости.
Ах, белый день ко вечеру,
Ах, солнышко катится ко западу.
До полусыта бояра наедались,
До полупьяна напивались,
Между собой расхвастались.

Первый-от боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
«У меня много золотой казны».

Второй боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
— У меня много скатного жемчуга. —

Еще боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
«У меня много добрых коней».

Помолчавши, Скопин слово выговорил:
— Еще, пищики, бояра, послушайте:
А кто-де Москву приочистил всю?
Кто поделал улочки широкие,
Переулочки чистые? —

За беду боярам слово показалось,
За досаду куме объявилось,
Сама говорила таково слово:
«Позабыла я кума попотчевати,
Попотчевати, почествовати».

Еще говорила таково слово:
«Где вы, слуги мои верные?
Скоро-борзо походите во питейный кабак,
Вынимайте мой золотой кабан,
Не велик не мал — в полтора ведра вина;
Влейте ведро зеленого вина
Да полуведро зелья лютого,
Поднесите бокал Скопину-князю!»

В середи чары огонь горел,
По краям чары ключи кипят.

Принимает Скопин единой рукой,
Выпивает Скопин на единый дух:
Как тут ясные очи замутились,
Белые ручки опустились,
Резвые ножки подломились,
Загорелось ретивое сердце.

Садился Скопин на доброго коня
Не по-старому, не попрежнему.

Как издалече-далече, из чистого поля
Завидела его матушка,
Сама говорила таково слово:
— Не кума ли ты, дитяtko, употчевала?
Не крестовая ли ты, дитяtko,
учествовала? —

Через три часа Скопин преставился.

Мыли его тело белое
Тремя водами ключёвыми;
Пеленали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату;
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову;
Выносили его тело белое
Ко свету Михаилу Архангелу
Во ту церковь соборную;
Хоронили его тело белое
Со всеми попами со дьяконами,
Со всеми протопопы и архимандритами.

СМЕРТЬ МИХАИЛА СКОПИНА-ШУЙСКОГО

Ино что у нас в Москве учинилось:
С полуночи у нас в колокол звонили?

А расплачутся гости-москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»

А съезжались князи-бояра супротиво к ним,
Мстиславский князь, Воротынский,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
— Высоко сокол поднялся
И о сыру мать землю ушибся! —

А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»

Побежали немцы в Нов-город,
И в Нове-городе заперлися,
И многий мир-народ погубили,
И в латинскую землю превратили.

УБИЙСТВО КНЯЗЯ КАРАМЫШЕВСКОГО

Уж не травушка в чистом поле зашаталась,
Не муравая ко сырой земле приклонялась —
Подымается с Москвы большой боярин,
Он на тихий Дон на Иванович гуляти.
Не доехавши он тиха Дону становился,
Похвалялся он казаков всех там перевешать

Во единый круг казаки тотчас собирались,
Посередь круга становился царев боярин:
Он начал читать государевы для них указы.
Дочитался он до царского только титула —
Казаки тотчас все шапки тут поснимали,
А большой-от царев боярин шляпы не снял.
От того-то все казаки тотчас взволновались,
Разъярившись, они на боярина вдруг бросались,
Буйну голову от бела тела отрубили,
А бело тело во тихий они Дон бросали,
А убивши, они его телу говорили:
«Почитай ты, большой боярин, государя,
Не гордися ты перед ним, боярин, и не слався».

Ко царю они с повинной приходили:
— Ты гой еси, наш батюшка православный царь!

Ты суди, государь, нас праведной
расправой,
Повели над нами делать что изволишь,
Уж ты волен над нашими головами.

ОБОРОНА СМОЛЕНСКА

Жил-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский.
И выходит от ранней заутрени христосской,
И ставится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю думу думать,
Думу думать, а и не продумать бы,
Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец».

А из больших бояр боярин выступает,
Он близенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорил великий боярин:
— Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови словцо сговорити,
А не прикажи-ка за слово меня сказнити:
А Смоленец есть строенье не московско,
А Смоленец есть строеньице литовско;
Во Смоленце силы нету, казны не бывало:
Отдадим-ка мы город Смоленец

Без бою, без драки великия
И без большого кроволития. —

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорил государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю думу думати,
Думу думать, и не продумать бы.
Наступает на Смоленец король литовский,
Станем ли за Смоленец постояти?»

Из средних бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит великий боярин:
— Ай же ты, государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови мне словцо сговорити,
А не прикажи за словцо сказнити:
А Смоленец есть строенье не московско,
А Смоленец есть строеньице литовско.
Силы во Смоленце нету, казны не бывало:
Отдадим-ка мы город Смоленец
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволития. —

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорит государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю думу думать,
Думу думать, а не продумать бы.

Наступает на Смоленец король литовский.
Станем ли за Смоленец постояти?»

Из меньших бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испрогóворит меньший боярин:
— Ай же ты, государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови мне словечко сговорити,
А не прикажи за слово сказнити:
А Смоленец есть строенье не литовско,
А Смоленец есть строеньице московско,
Во Смоленце силы сорок тысяч,
Казна есть бессчетна:
Надо нам постоять за Смоленец,
А не надо нам отдавати. —

Испрогóворит слово государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ты знаешь с государем говорити:
Поезжай-ка в Смоленец воеводой,
Постой за город за Смоленец».

Этих первых двух бояринов
Приказал царь сказнити.

Песни о Степане Разине и разинцах

РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе,
Породился удалый добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.

Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколь надобно,
Поедете, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

СТРУГИ СТЕПАНА РАЗИНА

Ай по морю, по морюшку,
Морю по турецкому,
Тихому Дунаю,
Что плывут-то, плывут,
Они восплывают,
Вот бы черноморские
Плывут три стружочка.
Как один-то из них
Лёгонький стружочек,
Вот и был он резвый, —
Вперед избегая.

Как на этом-то
Лёгоньком стружочке
Там людей немножко —
Семеро гулебщичков,
Семеро гулебщичков,
Молодых казаченьков,
Вот и с Дону тихого
Удалых охотничков.
Ой да ну восьмой-то у них,
Восьмой воду носит,
Вот и а девятый-то
Сидит ружье чистит,

Как десятый молодец,
Вот бы сам хозяин,
Он сам атаманик —
Степан Тимофеич.
Ой да по кораблику
Он ходит, гуляет,
Песенки все вольные,
Песни распевает,
Вот и сам во гусельки,
Во гусли звончатные
Заливно играет,
Друзей забавляет:
«Ой да вы, работнички,
Разински охотнички,
Вы ударьте легкими
Бабайками долгими».

РАЗИН ДОГОНЯЕТ БАСУРМАНСКИЕ КОРАБЛИ

Ой да на усть было Дона тихого,
Да по край было моря синего,
Да построилася там башенка,
Да и башенка все высокая.
Да на этой было на башенке,
Да на самой было на маковке,
Да стоял, стоял часовой казак;
Да стоял казак, приумаялся,
Со часов долго не сменяючись.

Не с ружелюшка турка вдарила,
А со пушечки долгомерной.
Услыхал казак, бежит на́скоро
С караулушки со казацкого.
Он бежит, бежит, спотыкается,
Говорит речь, сам задыхается:
«Да родимый же ты наш батюшка,
Да Степанушка Тимофеевич!
Да у нас ноне на синем морé
Да несчастьице случилось:
Да не чернь-чернью зачернелася,
Да не бель-белью забелелася —
Зачернелися на синем морé
Да кораблики все турецкие,

Забелелися на корабликах
Парусочки на них брезентовы.
Нагружѣнные те кораблики
Да снарядами все военными,
Нагружѣнные свинцом-порохом,
Да и ядрушками, картечами».

Речь возгóворит атаманушка,
Атаман Степан Тимофеевич:
— Да вы, братцы, мои товарищи!
Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте вы по пушечке,
Да по пушечке все по медненькой,
Догоняйте вы-то кораблики,
Да кораблики басурманские,
Разбивайте их чисто-начисто,
Забирайте вы золото-серебро,
Да оружице все турецкое!

СЫНОК СТЕПАНА РАЗИНА

Во славном было во городе во Астрахани,
Появился тут детинушка, незнаем человек,
Незнаем, незнакомый из новых городов.

Он по городу, детинушка, погуливает,
Плисовый кафтан нараспашечку таскает,
Синий шелковый кушак на правом на плече,
Серая шляпа пуховая на буйной голове.
Он по городу, детинушка, погуливает,
Он военным услужителям челом, парень, не бьет,
А гражданским обывателям не кланяется,
Астраханскому губернатору под суд нейдет,
Под суд нейдет, головы не гнет.

Услыхал наш губернатор про удалого молодца:
«Уж вы, слуги, слуги верные мои,
Вы подите приведите удалого молодца!»

Как схватили молодца среди Волги-реки,
Среди Волги-реки, на царевом кабаке;
Еще начал губернатор его строго спрашивать:
— Ты откуль, скажи, детинушка незнаем человек,
Ты казанец, аль рязанец, или астраханец,
Ты из-за моря купец иль купеческий сынок? —

«А не тебе ли, губернатор, строго спрашивать,
Да не мне ли, добру молодцу, ответ держать!
Я со матушки со Волги, со Камы-реки,
Атамана Сеньки Разина сын.
Хотел-то мой батюшка сюда в гости побывать,
Не уметь тебе встретить, уметь потчевати,
Уметь потчевати, низко кланяться».

Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече — в белокаменну тюрьму.

Что по матушке по Волге, по Каме-реке
Легка шлюпочка скорешенько плывет,
Что во этой легкой шлюпке Сенька Разин атаман:
— Вы подайте-ка, ребятушки, с правой руки
воды!

Как во славном во городе во Астрахани
Мое дитяtko посажено сидит;
Погребайте-ка, ребятушки, по Волге-реке!
Я гражданскому губернатору не стану челом
бить,

Челом бить да кланяться,
Я гражданского губернатора в полон сейчас
возьму.

А своего дитяtko к себе возьму,
Астрахань-город в огонь спущу!

Со своей высокой башни, воеводе доложили.
Астраханский воевода велел в колокол звонить,
Велел в колокол звонить да из пушек палить.

Что возгóворит Стенька Разин: «Ой ты гой еси,
воевода,
Пушкарей ты не трубачь же, свово пороху
не трать же,
Меня пушечка не вóзьмет, меня ядрышко
не úбьет!»

КАЗНЬ ГУБЕРНАТОРА

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река-матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.

Как по той ли реке-матушке Камышенке
Выплывают ли стружочки есаульские.
На стружочках тех сидят гребцы бурлацкие:
Всё бурлаки, всё молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы;
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становились:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.

Как возгóврят бурлаки тут удалые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?»

Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет».

Астраханский губернатор догадался тут:
— Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские. —

Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна,
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам твоя буйная головушка».

Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехались:
«Ты добре ведь, губернатор, к нам
строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку
ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

О ПОХОДАХ РАЗИНА

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося:
Замерз-то наш воровской стружок.

Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселечки,
Вы бейте-пробивайте тонкий осенний лед.
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточинки Червонные,
Что до славного до острова Кавалерского?
Ах, там ли вам, братцы, дуван делить,
Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны — сколько надобно!»

РАЗИН В АСТРАХАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Уж вы, горы мои, горы!
Прикажете-ка вы, горы,
Под собой нам постояти:
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
Во глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.

Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.

«Ваши пушки меня не вóзьмут,
Легки ружьица не прóймут;
Уж как вóзьмет ли, не вóзьмет
Астраханска девка Маша».

По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет;
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала;
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убрáн стол посадила,
Пивом-медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Железными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во железную во клетку.
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

ССЫЛКА РАЗИНЦЕВ

- А**х, да наши леса ль, лесочки,
Леса темные,
Ах да вы, станы ли наши,
Станы наши теплые!
- А**х да еще все-то наши, братцы, да лесочки,
Все леса наши порублены!
Ах да еще все-то наши, братцы, да кусточки,
Все кусты наши повыжжены!
Ах да еще все-то наши, братцы, друзья-товарищи,
Ой, братцы, все переловлены.
Ах да все в железные в ручные они кандашкѣ
Да все позакованы!
Ах да все по уездным, братцы, городкам
Они все поразосланы,
Ах да все по местам они только по допросам
Они подпрошены!
Ах да что один за нас, братцы, только товарищ,
Один только не пойман был,
Да по прозваньицу был-то он, по фамильице,
Он был Сенька Разин сын.
Ах да зашаталась его буйная вот головушка
Она только по чистому полю.

О ВЫДАЧЕ РАЗИНА МОСКВЕ

Как у нас было на батюшке
На тихом на Дону,
Что на тихом Дону на Иваныче,
Что во славном было городе во Черкасске.
Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы, други мои, донские казаки,
Вы испейте-ка дорогого вина,
Дорогого вина, пойлица некупленного;
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет весь повальный круг.
Что и всех ли то казаченьков
Сорок тысяч будет,
Кроме старых-стародавних,
Кроме малых-малолетних».

Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка.
Перед ним стоит войсковой писарь,
Во руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву.

А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
— Что не царские-де это грамоты,
А боярские-де это вымыслы! —

И сказавши этак, он вышел из круга.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых мóлодцев, людей беглых:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички!
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем!»

КОРНЕЙ ЯКОВЛЕВ И КАЗАКИ

Как у нас на Дону, на Черкасском острове,
Как раным было, зарею, круг становится.
Среди круга стоит золотой бунчук,
А под бунчуком стоит раскидно стуло,
А на стуле сидит войсковой наш атаман,
Войсковой наш атаман Корней Яковлевич.

Тут-то молвили казаки, среди круга стоячи.
«Ты скажи нам, надежа войсковой наш атаман,
Почто жалует государь-царь и князей и бояр?
Почто ж нас, казаков, не пожалует ничем?»

Речь возговорил надежа войсковой наш
атаман:
— Царь пожаловал меня чудным образом,
А вас, казаков, свинцом, порохом.

ДУБРОВУШКА

Ой да вот и не шуми, шумка,
Дуброва зеленая,
Вот и не бушуйся,
Ай да вот и не мешай
Раздоброму молодцу,
Мне думушку, думу думати!
Ай да вот все я думушки,
Раздобрый вот молодец,
Все я, ой, передумал;
Ай да вот как одна думушка
У раздоброго молодца,
Думушка все с ума нейдет:
Ай да вот как заутра-то
Да мне, Стеньке Разину,
Заутра мне на суд ийти,
Ай да вот и мне на суд-то ийти,
Раздоброму молодцу,
Вот и мне ответ держать.
Ай да вот и как и станут-то меня,
Раздоброго молодца,
Станут меня спрашивать:
«Ай да вот и ты скажи-расскажи,
Скажи, с кем ты бражничал,
Скажи, с кем разбойничал?»

— Ай да вот и я скажу-расскажу
Удал добрый молодец,
Скажу, ой, правду-истину:
Ай да вот и я не бражничал,
Раздобрый я молодец,
Вот я не разбойничал,
Ай да вот и со голытьбой-то своей,
Удал добрый молодец,
Вот я по морям гулял,
Ай да вот и по морям-то да рекам
Гулял, добрый молодец,
Вот и корабли разбивал,
Ай да вот и я бояр да купцов,
Удал добрый молодец,
Вот и я топил-морил,
Ай да вот и я голытьбушку свою,
Удал атаманушка,
Вот ее на бой, я на бой водил, —
Ай да вот и ну голытьбы-то моей,
Да моих товарищей,
Вот и всех не счесть-перечести!

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре-то было, братцы, на утренней.
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью —
Есаул гулял по насадику.

Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски, —
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон
Со вершины до черна моря,
До черна моря, Азовского,
Помешался весь казачий круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА**

«Уж ты здравствуй, царь-государь, со своей
царицей!
Уж ты жалуй, царь, господ разными чинами,
А меня, князя Голицына, малым городочком,
Да вот малым городочком — славным
Ярославлем».

ПОХОД К АЗОВУ

Ах, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покоя нет.

Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят.

Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Что возгворит наш батюшка православный
царь:

«Ах вы гой еси, все князья и бóяре,
Вы придумайте мне думушку, пригадайте:
Еще как нам Азов-город взять?»

Еще князья и бóяре промолчали,
Еще ж сам наш батюшка прослезился.
«Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!
Вы придумайте мне думушку крепкую:
Еще как-то нам Азов-город взять?»

Как не ярые пчелушки зашумели,
Что возговорят солдаты и драгуны:
— Взять ли нам, не взять ли — белой
грудью. —

На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца,
На заре они на приступ пошли,
Под тот ли под славный под Азов-город,
Что под те ли стены белокаменные,
Ах под те ли под раскаты под высокие.

Что не с гор ли белы камни покатились —
Покатились со стен неприятели;
Не белы снегí в поле забелелися —
Забелелися белы груди басурманские;
Ах не с дождичка ручьи разливались —
Разливалась тут кровь нечестивая.

ДОНСКОЙ КАЗАК В ПЛЕНУ АЗОВСКОМ

Ах талан ли мой, талан таков,
Или участь моя горькая!
Ты звезда моя злосчастная!
Высоко звезда восходила, —
Выше светлого млада месяца,
Что затмила солнце красное!

Ах талан ли мой, талан таков,
Или участь моя горькая;
На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталось,
Что со младости до старости,
До ссдого бела волоса,
Во весь век мне горе мыкати,
Что до самой гробовой доски!

Во Азове славном городе,
Во стене ли белокаменной,
Как была тут темна темница:
Без дверей и без окошечек.
Ах во той ли темной темнице:
Что сидел тут добрый молодец,
Добрый молодец, донской казак,
В заключеньи ровно двадцать лет,
Ровно двадцать лет и два года.

Случилось тут мимо ехати
Самому царю турецкому,
Что султанскому величеству.
Что возгóворит добрый молодец:
«Ах ты гой еси, турецкий царь,
Ты, султанское величество!
Прикажи меня поить-кормить;
Не прикажешь ты поить-кормить —
Прикажи меня скорей казнить;
Не прикажешь ты меня скорей казнить —
Прикажи на волю выпустить;
Не прикажешь ты вон выпустить —
Напишу я вскоре грамоту
Не пером и не чернилами —
Я своими горючьми слезьми
Ко товарищам на тихий Дон!
Славный тихий Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу турецкую
И тебя, царя, в полон возьмут!»

Ай что взгóворит турецкий царь,
Что султанское величество,
Ко своим ли ко фельдмаршалам:
— Выпускайте добра молодца,
Доброго молодца донского казака
Во его ли землю русскую,
Ко его да царю белому.

ДОНСКОЙ КАЗАК В ПЛЕНУ ТУРЕЦКОМ

По тому-то было морю, морю синему,
Там плыли-воспльвали пятьсот кораблей,
А одно-то из них суденышко наперед бежит.
Хорошо-то это суденышко изукрашено:
У него нос со кормой по-звериному.

На этом на суденышке стояла палатушка,
Во этой-то палатушке сидел турецкий паша,
Перед ним-то стоит млад донской казак,
Млад донской казак невольничек.
Стоит-то он, молодец, — как свеча горит,
Он речи-то говорит — как в трубу трубит:
«Как ты, славный турецкий паша,
Отпусти меня на волюшку!»

Отвечает ему турецкий паша:
— Загадаю я тебе, донской казак, три
загадочки;

Отгадаешь ты мне три загадочки,
Тогда-то я отпущу тебя на Тихий Дон.
Чего у нас на свете без ног резво бежит?
Чего у нас на свете без крыл скоро летит?
Чего у нас на свете без огня жарко горит? —

Отвечает ему донской казак:

«Без ног у нас бежит твое судно легкое,
А без крыл-то летит буйный ветер,
Без огня-то печет на свете красное солнышко!»

ПЕТР I БОРЕТСЯ С ДРАГУНОМ

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у крашóного,
Стоял тут раздвìжный стул,
На стуле сидит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Перед ним стоят князья-баре.

Речь возгóворил православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бóяре,
Нет ли из вас кого охотничка
Со белым царем поборотися,
За проклад царя потешити?»

Все князья-бóяре испугалися,
По палатушкам разбежалисься.

Перед ним стоит молодой драгун,
Молодой драгун лет пятнадцати, —
Речь возгóворит он белу царю:
— Гой ты гой еси, православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не прикажи ты меня казнить-вешати,
Прикажи мне слово молвити,
Слово молвити, речь возгóворити:

Я охотничек с тобой, со белым царем,
поборотися,
За проклад царя потешити! —

«Когда поборешь ты меня, молодой драгун, —
милую тебя,
А я поборю — казнить буду тебя!»

Речь возгóворил молодой драгун:
— Есть воля божья и твоя царева! —

Подпоясывал православный царь шелков кушак,
Выходили они с молодым драгуном,
сухваталися,

Речь возгóворил ему молодой драгун,
Белу царю Петру Алексеевичу:
«Гой ты, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Да я тебя, православного царя, побороть хочу!»

Левой рукой молодой драгун побарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал —
Не пускал царя на сыру землю.

Речь возгóворил православный царь:
— Исполать тебе, драгун, боротися! —

Подходил к нему драгун близехонько.
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Не погневайся на мое бороньце!»

СТРЕЛЕЦКИЙ АТАМАН И ПЕТР I

Во далече, во далече во чистом полѣ,
А еще того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталось —
Выезжает-то удалый добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нем шапка до могучих плеч,
На нем тугий лук как светёл месяц,
Калены стрелы как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну
Москву,

Он и горы и доли вперескочь скакал,
Темны леса между ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.

Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушку государеву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом,
Он и бьет свою добра коня, не жалуется, —
Его добрый конь осержается,

От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивал он стенишку белокаменну.

Подъезжает он ко крылечушку государеву,
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный

царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
Ты за что про что на нас, сударь, прогневался,
Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь-
вырубить,
Все и ветвицы-кореньицы повысушить?
Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов,
простить?»

Мы возьмем тебе город какой надобно.
Без свинцу-то мы, без пороху сударева,
Мы без ружеец, без сабелек без вострых,
Мы возьмем тебе город своей грудью белою».

Выходил-то тут батюшка православный царь,
Во одних-то он чулочках он без чоботов,
Во одной-то сорочке он без панцуров.
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
— Ох ты гой, стрелецкий атаманушка,
Уж и вот-то я с боярами подумаю,
С сенаторами, с фельдмаршалами переведаю. —

Уж возгóворит тут стрелецкий атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный
царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич.
В глазах ты меня, сударь, обманывашь, —
Не видать тебе меня у себя в дворце!»

Он и бьет свою добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивает он стенушку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто
полé.

Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми и петлями
шелковыми!»

КАЗНЬ МОЛОДЦА

Ты, змейка-скоропейка, змея лютая,
Из норы ты, змея, ползешь — озираешься,
По песку ползешь — извиваешься,
По траве ты ползешь — всю траву сушишь!
Иссушила в поле всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Все цветочки, все лазоревые!
Ты душа ль, душа красна девица,
Иссушила ты добра молодца,
Как былиночку в чистом поле,
Довела его ты до гибели,
Что до той ли темной темницы!

Что из славного села Преображенского
Из того приказа государева,
Что вели казнить доброго молодца,
Что казнить его, повесити.
Его белые руки и ноги скованы,
По правую руку идет страшен палач
По левую идет его мать родная,
Позади идет красная девица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его!

ПОСТРИЖЕНИЕ ЦАРИЦЫ

Возле реченьки хожу, млада —
Меня реченька стопить хочет;
Возле огничка стою, млада —
Меня огничек спалить хочет;
Возле милого сижу, млада —
Меня милый друг журит-бранит,
Он-то журит-бранит,
В монастырь идти велит:
Постригись, моя немилая,
Посхимися, постылая.
На постриженье выдам сто рублей,
На посхименье тебе — тысячу!
Я поставлю нову келейку
В зеленом саду под яблоней,
Прорублю я три окошечка —
Первое ко божьей церкви,
Другое-то во зеленый сад,
Третье-то во чисто поле:
В божьей церкви ты намолишься,
В зеленом саду нагуляешься,
Во чисто поле насмотришься».

Случилось ехать князьям-боярам.
Они спрашивают: — Что за келейка,

Что за келейка, что за новенька,
Что в ней за монашенка за молоденька?
Еще кем она пострижена? —

Отвечала им монахиня:
«Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первым,
Через его змею лютую».

ВОЙНА СО ШВЕДАМИ НАЧИНАЕТСЯ

Накануне было Петрова дни, царского ангела,
Как не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла —
Как возгóворит наш батюшка православный царь,
Всей ли же России Петр Алексеевич:
«Ох вы гой еси, князья со боярами!
Пьете вы, едите всё готовое,
Цветное платье носите припасёное, —
Ничего-то вы не знаете, не ведаете:
Еще пишет король шведский ко мне грамотку,
Он будет, король шведский, ко мне кушати.
Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
Скатерти расстелем — полк Семеновский,
Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
Мы пойлице медвяное — полк драгунушек,
Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
Потчевать заставим — полк пехотушек».

ВЗЯТИЕ ШЛИССЕЛЬБУРГА

Злодей, злодей, ретиво сердце!
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало?
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под Орешком,
А по нынешнему званью — Шлиссельбургом

Что слышав воры-шведы догадались,
Что ударили они в барабаны, —
Наши русские солдатушки в литавры,
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек?»

— Ах ты гой еси, наш батюшка государь-
царь,
Что не лучше ль нам от города отступить? —

Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки-солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»

Что не ярые пчелушки во ульѣ зашумели,
Да что взгóворят российскийские солдаты:
— Ах ты гой еси, наш батюшка государь-
цары!

Нам водою к нему плыти — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не достягнути.
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати,
А что брать ли иль не брать ли — белой
грудью! —

Тронулося войско ко стене,
Полетели башни на берег,
Отворилися ворота не проделаны,
А проломаны из пушек ядрами.
Победили силу шведскую,
Покорили город надобный.

ВЗЯТИЕ РИГИ

Как по морю, морю синему,
По синю морю по Хвалынскому,
Плыли-восплавали три военных корабля:
На первом кораблике император-царь сидит,
На другом кораблике князья-бояре сидят,
На третьем кораблике всё солдаты сидят, —
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той ли первой роты бомбардирския.

Парусы они роняли белы-полотняные,
Того ли полотенца всё голландского;
Якори они бросали булатные,
Того ли булату всё сибирского;
Мосты они намостили всё дубовые;
Подкопы они копали всё глубокие,
Глубокие подкопы на двенадцать верст;
Бочки закатали со лютым зельем,
Со лютым зельем, с черным порохом;
Свечи зажигали воску ярого.

Свечки догорали, бочки рóзорвало,
Взрывало ту стену белокаменную.

Вот и стали государя-царя поздравляти:

«Уж ты здравствуй, государь-царь, с крепким
городом,

С крепким городом со Ригею!»

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

В тысяча семьсот первом годе,
Во месяце было во июле,
Стояли солдаты на границе.
А ни вестки, ни грамотки с Руси нету.
В три годочка перепала скоро вестка:
Что отцов и матерей вживе нету,
Молодые жены замуж вышли,
Малы деточки ходят-сиротают.
«Еще ли нам, ребятушки, не тошно?»

Как под славным городом под Полтавой,
Тут стоял-постоял король шведский.
К королю кавалеры приходили,
На речах кавалеры доносили:
— Ах ты, батюшка, король земли шведской.
Сколько под городом ни стояти,
Нам Полтавы-города не взяти:
Во Полтаве есть московская пехота,
Сам царь-государь поспешает,
Он со конницей, со драгунами,
С регулярной силой, со пехотой. —

Он поход держит в землю шведску,
Поход держит под праву руку,

Под ту ли под Красну Мызу.
Не дошед Красной Мызы, становился,
Всех солдат своих испостроил,
Пушки-мортирушки изоставил.
«Ах вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службе кавалеры не бывали,
Пушечного грома не слыхали?»

— Мы еще доносим тебе челобитье:
Что из славного города изо Пскова
Подымается царев большой боярин
Князь Борис Петрович Шереметев,
Поход держит во шведскую землю. —

Не дошед Красной Мызы, становился,
Наперед казаков рассылает.

Наперед казаки разъезжают,
Наезжают на шведские караулы;
Шведские караулы с поля сбили,
Много шведов в поле прирубили,
Увезли в полон большого майора.

Шереметев взял майорушка в допросы:
«Ты скажи-ко, майор, божью правду
По крестному божьему целованью:
Где стоит генерал ваш?
Где стоит бригадир ваш?
Где стоит сам король ваш?
Много ли у вас силы у генерала?
Много ли у вас силы у бригадира?
Много ли силы с самим королем?»

— У генерала у нас силы тридцать тысяч,
У бригадира силы сорок тысяч,
А с самим королем — сметы нету. —

«Врешь, майор, врешь-плутуешь.
Я этого не боюсь,
В Псков назад не вернуся!»

Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати
Ко этой реке ко Момже,
Чтоб король не догадался,
За Момжу-реку не перебрался.

А король догадался,
За Момжу-реку перебрался.
Шереметев за ним погонялся.

Состигал короля середь поля,
Под славным городом под Полтавой,
Подымалась Полтавска баталья.

Запалит шведская сила
Из большого снаряда — из пушки;
Запалит московская сила
Из мелкого ружья — из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпáлся —
Смешалась шведская сила.

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;

Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

СЛУЖБА ЦАРСКАЯ СОЛДАТСКАЯ

За речкой за Невагушкой,
За широкой переправушкой,
Не полынь-трава в поле зашаталася —
Что во поле да душа миленький мой.

Он не сам сюда зашел,
Не своей охотушкой, не охотою —
Занесло дружка великою погодушкою;
Не погодушкой — великою неволюшкою,
Неволею.

«Подневольная жизнь наша боярская,
Жизнь боярская — служба государева,
Государева служба царя белого,
Царя белого, Петра Первого.
Тяжело служить служба день до вечера,
Что со вечера служить до полуночи,
Со полуночи служить
До часу девятого,
От девятого часу служить
До белой зори!»

СБОРЫ НА ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ

Поутру-то было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей-озер подымались —
Подымались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые
На каналушку на Ладожскую,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отцы-матери, молоды жены
И со малыми со детками.

ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Ах, далече-далече, в чистом полѣ,
Расплатится травушка зеленая;
Унимает ее мати земля сырая:
«Не плачь, не плачь, трава-мурава, —
Не одной тебе в чистом поле тошненько,
И мне еще того тошнее.
Как ехал государь-царь из-под Риги,
Велел меня, землюшку, копати,
И рвы, и колодези вырыватьи,
Ключевую воду испускати».

ПЛАЧ ПО ПЕТРЕ I

Ах ты, батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не попржнему?
Все ты прячешься за óблаки,
Закрываешься тучей темною?

Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крылоса,
У гробницы государевой
Молодой солдат на часах стоял.
Стоючи, он призадумался,
Призадумавшись, он плакать стал,
И он плачет — что река льется,
Возрыдает — что ручьи текут,
Возрыдаючи, он вымолвил:
«Ах ты, матушка сыра земля,
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань-проснись, православный царь,
Посмотри, судáрь, на свою гвардию,

Посмотри на всю армию:
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами, —
Дожидают они полковника,
Что полковника Преображенского,
Капитана бомбардирского!»

Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:
«Уж и дай боже пожить, во Сибири послужить,
Не таки бы я палатушки соорил бы себе —
Я не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет».

Уж за эту похвальбу государь его казнил.

**ПЕСНИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ ХVIII ВЕКА.
ПЕСНИ ОБ ЕМЕЛЬЯНЕ
ПУГАЧЕВЕ**

ПОХОД В ЗЕМЛЮ ПРУССКУЮ

По Московской по широкой по дороженьке
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развивались —
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя белого,
Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужу-дальну на сторонушку,
На чужу-дальну, незнакомую.
Раздувались знамена белые:
Наперед идут новокорпусны;
Впереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.

Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены;
Что один из них невесёл идет,
Невесёл идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет — как река льется,
Возрыдает — что ключи кипят.

Уж как взгóворит удалый добрый

молодец:

«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу-дальну, незнакомую,
Что на службу я государеву».

ПРУССКИЙ ПОХОД

Травынька-муравынька, ковылочек,
Не одной-то тебе, травыньке, в поле тошно,
И нам, солдатушкам, жить несладко!

Мы стояли во прусской земле на границе,
Под Кистрином-городочком три годочка, —
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету.
На четвертом годочке весточка пала,
И за весточкой указы присылали.

Как у нас, братцы, на святой Руси нездорово:
Случилась батальица генеральна
На славном чистом поле Лебедяне.
Наступает прусской король очень крепко,
Разбивает наш молодецкий новый корпус,
И со правого фланга да на левый:
Генералушки-бригадирушки испугались,
А полковники со майорами разбежались, —
Из пушечек палили всё сержанты,
Свинец-порох развозили маркитанты.

ЗАХАР ЧЕРНЫШЕВ В ПЛЕНУ

Ты, звезда, звезда восточная!
Высоко, звезда, восходила:
Выше светлого месяца,
По заявью красна солнышка.

Во земле было во Прусския,
Во Кистрине славном городе,
За кистринскими воротами,
Во саду было, во вишенье,
Во зеленом виноградьце,
Тут стояла свѣтла свѣтлица, —
Заключевна заключевница,
Со косящатым окошечком,
Со стекольчатой околенкой,
Со железной со решеточкой.
Что у этой свѣтлой свѣтлицы,
Заключевной заключевницы,
Были двери все железные,
Ободверины укладные,
А пробойцы-то булатные,
А замок был в полторá пудá,
Полторá пúда со четвертью.

Как во этой светлой светлице,
Заключевой заключевнице,
Тут сидел да посидельщикек.
Он по светлице погуливает,
Золоту трубку раскуривает,
Запеваёт свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
«Ты, талан ты мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду ли мне господь писал —
Одному горе измыкати!»

Мимо этот сад и вишеньё
Случилось идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщикек
Из косящата окошечка,
Во стекольчату околенку:
«Ах ты гой еси, прусский король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить —
Прикажи меня поить-кормить,
Не прикажешь поить-кормить —
Прикажи меня на Русь пустить,
Не прикажешь ли на Русь пустить —
Прикажи меня скорей сказнить!»

Отстоялся сам прусский король,
Королевское величество:

— Ах ты гой еси, российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу дать двойно жалованье. —

Закричал тут российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Ах ты гой еси, прусский король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить —
На твоей бы буйной голове,
На твоей бы шее белыя!»

Как спроговóрит прусский король,
Королевское величество:
— Посиди-ка ты во той тюрьме, —
Наберешься ума-разума! —

Закричал тут посидельщик,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером и не чернилами,
А своими горячьми слезьми
Превеликой государыне, —
Превелика государыня
На подмогу бы силу прибавила,
Артиллерии бы к нам подкатила!»

Еще прусский король
Не доехал до свово дворца —

КРАСНОЩЕКОВ В НЕВОЛЕ

Не от тучи, не от грома, не от солнышка —
От великого оружия солдатского
Загорелася в чистом поле ковыль-трава,
Добиралася до белого до камышка;
Что на камышке сидит млад-ясён сокол.
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обжег он свои скорые ноженьки.

Прилетало к соколу стадо воронов,
Что садились черны вороны вокруг него,
И в глаза ли ясному соколу насмеялись.
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ты ворона подгуменная!»

Ах, что взговорит в кручине млад-ясён сокол:
— Как пройдет моя беда со кручиною,
Отращу я свои крылья, крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги, ноги скорые,
Я взовюсь, млад-ясён сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы,
Перебью я черных воронов до единого! —

Ах, когда был Краснощеков во неволюшке,
Он вскричал ли, он взвопил громким голосом:

«Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности:
Уж как некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою!»

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Ай туман с моря подымается —
Царя русского было
Вот наша армеюшка
В поход убирается.

Ой да убравшись-то бы она,
Вот наша армеюшка,
Во круг становилася.
Во кругу-то бы стоит,
Стоит генералушка
Вот наш Салтыков Петро,
Он стоит-то бы, стоит,
Вот сам, братцы, речь говорит,
Ровно во трубу трубит:
«Ну и кто-то бы у нас,
Из нашей армеюшки,
Ой кто наперед пойдет?
Ну пойдут-то бы вперед
Из нашей армеюшки,
Пойдут всё знамёнщички,
Ну потом-то бы пойдет
Из нашей армеюшки,
Пойдет артиллерьяца,
По крылам-то бы пойдут

Из нашей армеюшки,
Пойдут полки донские.
Ой да как пойдете же все,
Вот братцы казачушки,
Пойдем под Берлин-город!»

Ой да как и стужится,
Стужится да и сплachtetся
Вот бы сам прусский король:
— Ой да не жалко-то мне,
Не жалко мне Берлин-город,
Жалко мою армию.
Со моими-то было
Вот и с генералами, —
Лежит вся побитая!

ВОЙНА С ТУРКАМИ

Пишет, пишет вот султан турецкий
Во кременную матушку Москву, —
Он хотит, хотит, султан турецкий,
Хотит русскую землю отобрать:
«Отберу я всю русскую землю,
В кременную Москву стоять пойду:
Порасставлю своих бригадиров
По всей матушке по вашей Москве,
Я расставлю своих генералов
По купеческим по разным домам,
Вот сам стану я, султан турецкий,
Во большом-то во царском дворце!»

Затужилася, вот и сгоревалася
Вся рассейская наша земля.
Отозвался вот бы наш Суворов:
— Вы не бойтесь, не бойтесь ничего!
Соберу я силы-войска много, —
Сам с султаном пойду воевать,
Наперед казачушков пошлю,
А за ними сам с войском пойду;
Заберу я горы Забалканские,
В горах стану, стану зимовать.

ПОХОД К ОЧАКОВУ

Поле, поле чистое,
Широко поле турецкое,
Что турецкое-немецкое!

Когда, поле, перейдем тебя,
Горы, доли перевалимся,
Быстры реки переправимся?

Мы дойдем-дойдем до города,
До города до Очакова;
Остановимся в зеленых лугах,
В зеленых лугах под грушею,
Под яблонькой под кудрявою.

Тут Потемкин-князь похаживает,
Своей армии приказывает:
«Солдатушки наши, батюшки!
Вы постойте грудью белую,
Грудью белой, неизменною!»

Не спеши, зима, с морозами:
Не замена ты Очакову!
На Николу было в середу,
Не гром гремит перед тучами,

Не молния блесит перед дождиком —
Загремели пушками наши солдатушки,
Повалились башни каменные,
Потопляла кровь турецкая и немецкая.

АРМИЯ ПОД ОЧАКОВОМ

Далеченько-далеченько в чистом поле,
А еще того подале во раздольи
Не белые снежочки забелелися,
Забелел князь Потемкин с своей силой,
Забелелися знамена-знамя царские.

Как Потемкин-князь по лагерям гуляет,
Он солдатам — своей силе — честь воздавает,
Свинцу-пороху Потемкин закупает,
Чтобы были у солдат ружья чисты,
Пистолеты бы были у солдат заряжены,
Чтобы сабли были у солдат припасены.

«Стреляйте-ка, солдаты, не робейте,
Кабы боже нам поможе Очак-город взяти!»

СБОРЫ ПОД БЕНДЕРЫ

У душечки у красной у девицы
Не дождичком белое лицо смочило —
Смочило бело личико слезами,
Тужа-плача по миленьком дружечке,
По ласковом, приветливом словечке.

Как далече-далече в чистом поле,
Стояла в поле белая береза.
Под той ли под белой под березой
Не голубь с голубушкою воркуют,
Не сизенький со беленькою воркует —
Девица с молодцем речь говорила:
«Ты, душечка, удалый молодец!
Куда ты, моя радость, снаряжаешься,
Во которую во дальнюю сторонушку?
Во Казань-город, или в Астрахань,
Или во славный город Сан-Петербург,
Или во матушку каменну Москву?»

Ответ держит добрый молодец:
— Как сказана мне, молодцу, царска
служба,
Показана широкая дорожка —
Ко славному ко городу Бендерам.

Восстание Пугачева

УЖ ТЫ, ВОРОН СИЗОКРЫЛЫЙ

«**У** ж ты, ворон сизокрылый,
Ты скажи, где милый мой».

— А твой милый на работе
На литейном на заводе;
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает.

Прошла слава по народу,
Что Пугач казачья роду,
Твой-то милый — тож казак,
Помогать казакам рад.
Он напрасно помогает —
Из России тьма солдат
На Урал идут,
Пугача возьмут,
Полонят его и всю армию,
Твоему казаку снимут голову,
Снимут голову, пустят по-воду,
А тебе, молодой, век вдовою быть,
Век вдовою быть и бунтаршей слыть.

«Я солдатом не боюсь,
С милым вместе отобьюся!
Лети, ворон сизокрылый,
А я — следом за тобой,
Где горюшенька мой милый
Проливает кровь рекой».

НАС ПУГАЛИ ПУГАЧЕМ

Нас пугали Пугачем —
Он кормил нас калачом.
Государь нас бил с плеча —
Пугач дал нам калача.
Вот пришел Емелюшка,
Его пришла неделюшка.
Голытьба тут догадалась,
К Емельяну собиралась, —
Позабыли про иконы,
Про кресты и про поклоны.
Всё пельмени да блины,
Веселились туто мы.
А попов всех на костры
И пузатых под бастрык.
Емельяновы «холопы»
Понадели все салопы,
А как барские девóчки
Отдавали перстенечки, —
Перстенечки не простые,
Изумрудны, золотые.
Бери ножик, бери меч
И пошли на бранну сечь.

Тут ватага собралась,
И вся вместе рать пошла.
С Емельяном в колесницах
Понеслись громить столицы.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ В АСТРАХАНИ

Как во славном городе Астрахани
Появился добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей.
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей.
Шапочку набекрень держит;
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой
похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад
не идет.

Астраханский губернатор призадумался —
Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени,
Царь ли ты или царский сын?»

А он им на то молвил:
— Я не царь и не царский сынок,
Я родом — Емельян Пугач,
Много я вешал господ и князей,
По России вешал я неправедных людей.

ПУГАЧЕВУ БЫТЬ В БЕДЕ

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталося —
Выезжал туто добрый мóлодец,
Добрый молодец Емельян-казак,
Емельян-казак сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-
шахматный,
Сива гривушка до сырой земли.
Он идет, спотыкается,
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьми слезьми заливається:
«Что ты, мой добрый конь, рано
спотыкаешься?»
Али чаешь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»

Мы билися трое суточки
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

ЧЕРНЫШЕВ-ЧИКА В ТЮРЬМЕ

Ходил-то я, добрый молодец, по чисту полю.
Мягкая постелюшка — желтой песок,
Изголовьяца моя — шелковá трава.

Как во селе было во Лыкове,
Тут построена крепкая тёмница;
Как во той во крепкой тёмнице
Посажён добрый молодец,
Добрый молодец Чернышев Захар Григорьевич.

Он по тёмнице похаживает, сам слезно плачет,
Сам слезно плачет он, богу молится:
«Ты взмой, взмой, туча грозная,
Разбей громом крепкие тюрьмы!
Во тюрмах сидят всё невольнички,
Невольнички, неохотнички».

Все невольнички разбежались,
Во темном лесу они собирались,
Соходилися они на полянушку,
На полянушку на широкую.

— Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Обогрей ты нас, добрых молодцев,

Добрых молодцев, сирот бедных,
Сирот бедных, беспаспортных! —
Ниже города, ниже Нижнего
Протекала тут речка быстрая,
По прозванью речка Волга-матушка;
Течет Волга-матушка
С диким-мелким камушком.
Как по речушке плывет легка лодочка:
Эта лодочка изукрашенная,
Вся молодчиками изусаженная.

ТЫ, ЗВЕЗДА ЛИ, МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Ты, звезда ли, моя звездочка,
Высоко ты, звездочка, восходила —
Выше леса выше темного,
Выше садика зеленого.
Становилась та звездочка
Над воротами решетчатыми.

Как во темнице, во тюремнице
Сидел добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугачев.
Он по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
«Кандалы мои, кандалики,
Кандалы мои тяжелые!
По ком вы, кандалики, доставались?
Доставались мне кандалики,
Доставались мне тяжелые
Не по тятеньке, не по маменьке —
За походы удалые, за житье свободное!»

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?»

— Перевешал вашей братьи семьсот семи
тысяч.

Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варóвинны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил. —

Граф Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите-повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите!»
Все московски сенаторы не могут судити!

**ПЕСНИ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

ЗАПЛАКАЛА РОССИЯ ОТ ФРАНЦУЗА

Как заплакала Россиюшка от француза.
Ты не плачь, не плачь, Россиюшка, бог тебе
поможет!

Собирался сударь Платов да со полками,
С военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы;
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали:
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спрөгворил-спромблвил да князь

Кутузов:
«Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром
поранее,

Вы умывайтесь, мои деточки, побелее,
Вы идите, мои деточки, в чистое поле,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте
Вы своего свинца-пороха не жалейте,
Вы своего же французика побеждайте!»

Не восточная звезда в поле воссияла —
У Кутузова в руках сабля заблистала.

НЕ СО ГОР СНЕГА СОБАТАЛИСЯ

Не со гор-то, со гор,
Со гор было, братцы, со высоких
Снега белы сокаталися;
По лугам-то, лугам
Вода полая разливалася;
Не во крутенькие бережочки
Она, братцы, не вбиралася. . .

Как не лёгонькие кораблички
Со моря они во поход пошли,
Не со дорогими они со припасами —
Со свинцом они, со порохом.
Да французский король,
Король, братцы, царю белому
Письмом грозным отсылается —
Он велел припасти, велел приготовить
Во Москве квартирушки,
Семьсот сорок тысячев;
Самому-то королю,
Королю французскому
Во святом Кремле
Белы царские палатушки.

КАК И ПИШЕТ ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКИЙ БОРОЛЬ

Ой как и пишет письмо
Вот французский король,
Пишет-то он ко российскому:
«Ой ну прошу я тебя,
Прошу тебя, российский царь,
Прошу не прогневаться, —
Ой распиши ты мне
В своей кременной Москве
Квартирушки на семьсот тысяч, —
Ой господам-то моим,
Моим генералушкам,
Квартирушки что ни лучшие,
Ой ну как мне-то, королю,
Квартирушку самолучшую —
Во царских твоих палатушках!»

Ой как и тут-то бы царь,
Крепко царь наш призадумался,
Да повесил буйну голову.
Ой вот Кутузов-генерал,
Сам он вышел, речь возгбворил,
Ровно, братцы, во трубу трубил:
— Ой ну мы встретим его,
Французского императора,

Среди поля Можайского,
Мы поставим ему
Столы — пушки медные,
Скатёрочки — востры шашечки;
Мы пошлем-то ему
Наедочки дюже горькие —
Ядрочки ему чугунные;
Ну еще-то мы пошлем
Напиточки дюже крепкие —
Вот пулечки ему быстрые;
Ой на закусочку ему —
Донских-то казачушков
Да со пиками длинными!

РАЗОРЕНА ПУТЬ-ДОРОЖКА

Разорена путь-дорожка от Можая до
Москвы, —
Разорил-то путь-дорожку неприятель вор-
француз.
Разоривши путь-дорожку, во свою землю пошел,
Во свою землю пошел, ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижа, стал на месте,
постоял,
Стал на месте, постоял, — сам головкой
покачал;
Покачавши головою, стал он речи говорить,
Стал он речи говорить, стал Париж-город
хвалить:
«Ты Париж ли, Парижок, Париж славный
городок!»

— Не хвалися, вор-француз, своим славным
Парижом!
Как у нас ли во России есть получше города,
Есть получше, пославней, есть покраще,
почестней,
Есть получше, есть покраще, распрекрасна
жизнь — Москва,
Распрекрасная Москва — всему свету голова,

Всему свету голова — все земельки собрала!
Распрекрасная Москва в путь-дорожку широка,
В путь-дорожку широка, диким камнем выслана,
Диким камнем выслана, желтым песком
сыпана, —
Что уют-город Москва всей России честь-
хвала!

КАК НА ГОРОЧКЕ СТОЯЛА МОСКВА

Как на горочке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва,
Разоренная с краю до конца.

Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.

Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася,
Все божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися.

ПРИВИДЕЛСЯ БЕССЧАСТНЫЙ СОН

Привиделся несчастный сон —
Дуют ветры со вихрями,
С хором верхи сорывают
По самые по окна,
По хрустальные по стекла:
Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает.

Одна девка слезно плачет,
Француз девку унимает:
«Не плачь, девка, не плачь, красна!
Куплю тебе три подарка:
Первый подарок — алу ленту в ко́су,
А другую — голубую,
А третью — разноцветну!»

— Не надо мне твоих трех подарков
Пусти меня в свою землю,
Мне с батюшкой повидаться,
Мне с матушкой распроститься!

КУТУЗОВ И ФРАНЦУЗСКИЙ МАЙОР

Что не красное солнце да воссияло —
Воссияла у Кутузова острая сабля.

Выезжает князь Кутузов в чисто поле,
Он берет с собою силу да гренадеров,
Гренадеров он и есаулов.

Гренадеры и есаулы не сробели,
Что французского майора в полон взяли,
Повели они майора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову,
Ко Михайлу его да к Ларивоновичу.

Начинает князь Кутузов его спрашивать:
«Ты скажи, скажи, майорик, сущую
правду, —
Еще много ли у вас да во Париже,
У вас много ль во Париже стоит силы?»

— Стоит силы во Париже сорок тысяч,
По приступу генеральскому сметы нету. —

На то князь Кутузов да рассердился,
Уж как бьет-то он майора да по роже,
Он по роже да во правую во щеку:

«Уж ты врешь, ты врешь, майорик, врешь-
плутуешь,
Меня, князя Кутузова, все проводишь,
Все проводишь меня ты да стращаешь!
Я вашей силы-то не боюсь,
За генеральские приступы я примуся!»

ФРАНЦУЗЫ НА ДЕСНЕ

Как на речке на Дёснушке
Стоял вор-французик.
Поутру рано встает,
Коня он, вор, седлает,
Оседлавши, в поле выезжает.
Он по фронту разъезжает,
Он указушки читает.
Глядит-смотрит вор-французик
В подзорную-то в трубу:
Валит сила российская
Со всех четырех сторон.
Не успел и сказать речи —
Запалили французам в плечи
А из пушек-то картечью.
Огни русские очень жарки —
Французик утекает
За Черную речку.

ПОХВАЛЯЛСЯ ВОР-ФРАНЦУЗ

Похвалялся вор-француз
Всю Россию разорить:
«Разоривши Россиюшку,
К быстрой речке подойду!»

Подошедши к быстрой речке,
Стал хвалиться табуном:
«Запружу я речку Березу
Своим польским табуном;
Запруживши речку Березу,
Словно по мосту пройду,
Сам на отстань прочь пройду,
К государю подойду:
Государь ты, князь,
Главный император наш,
Александра белый царь!»

Во Смоленском-городі
Стояли по колен в крови.
Сухарей нам, хлеба выдавали,
Платья всякого спускали:
— Надевайте, русские солдаты,
Цветнó платье на себя! —

Да не полно ль вам, солдаты,
Во неверной земле жить,
Не пора ли вам, солдаты,
Во Россию выходить?
Мы снегами шли в колено,
Показалось — три версты,
По полену дров нашли;
Находили по полену дров, —
Со всей радостью берем,
Огонечек разведем,
Нову моду заведем:
Из соломы строить дом,
Утешенье было в нем.

ПЛАТОВ-КАЗАК

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец.
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песни запоем,
Как мы в армии живем.

Мы в армейюшке бывали,
Провианты получали,
Провианты получали,
Ни в чем горя мы не знали.
У нас много пуль-картечь,
Нам их некуда беречь.

Наши начали палить,
Только дым столбом валит, —
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму,
Во солдатским пылу.

Не ясен сокол летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на вороном коне.

Он проехал-поскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой вы, воины-казаки,
Разудалы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчета
Государевой казны!»

Как не пыль в поле пылит —
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
— Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну Москву взойду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменяю, —
Караулы крепки,
Перемены редки,
Свои новы становлю!

ПЛАТОВ У ФРАНЦУЗОВ

Ты, Рассея, ты, Рассея,
Ты, Рассейская земля,
Много крови пролила,
Много силы забрала!

Платов-казак воин был,
Себе бороду не брил.
Когда бороду побрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину признавал,
Со добра коня снимал,
Во палату зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал
И купчине подносил,
Об стаканочке просил:
«Ты, купчина, ты, купец,
Ты, расейский молодец!
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи всю правду мне
Про Платова-казака!
Он в разор нас разорил.

Я уж золото сорил,
Много золота терял,
Про Платова узнавал».

— На что золото терять?
Его так можно узнать:
Он — одно лицо со мной,
Ровно брат мене родной! —

Дочь француза догадалась,
Портрет начала смотреть.
Платов-казак догадался —
Из палаты выходить,
На крылечко выбегать,
Будто письмецо бросать.
Он не письмецо бросал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы, слуги, мои друзья,
Вы донские казаки,
Вы подайте-ка коня
Под Платова-казака!»

На коня Платов садится
И французу говорит:
«Ах, ворона, ты ворона,
Загумённая карга!
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать,
По чисту полю пускать,
Не сумела ты Платова
У себя в гостях держать!»

Тут француз возбунтовался,
А Платов казак помчался,
Только пыль столбом пошла
От французова двора.

ОЙ ДА ОТЧЕГО ЖЕ АРМИЯ ПОТРЕВОЖИЛАСЬ?

Ой да отчего же, али отчего
Вот наша да армеюшка,
Да она же, она потревожилась?
Потревожилась армеюшка
Вот наша казачая,
Потревожилась темной ночью.

Как и ходит по армеюшке.
Вот наш атаманушка,
Эй да ходит, вот он пробуждает:
«Ой да вставайте да вы пробуждайтесь,
Вот мои казаченьки,
Эй, вставайте, пробуждайтесь:
Бонапарт-то, вот и он злодей наш,
Вот он ходит-гуляет,
По Москве он ходит-гуляет, —
Поразбил он, вот и разорил,
Вот он, француз-варвар,
Разорил всю кременну Москву!»

Что не чернь-то будто во поле,
Не чернь, она, во чистом поле,
Да что там в поле зачернелось?
Зачернелось это полюшко,

Да вспахано это полюшко,
Вот полюшко российское,
Не коневыми оно копытами;
Ну засеяно это полюшко,
Вот поле российское,
Не всхожими оно семенами,
Ну усеяно это полюшко,
Вот поле российское,
Эй, казацкими оно головами;
Забронено это полюшко,
Вот поле российское,
Не дубовыми оно боронами;
Заволочено это полюшко,
Полюшко российское,
Оно цветным казацким платьем.

Как и тут наш атаманушка
Ездит по армеюшке,
Ездит, сам он разъезжает;
Да и сам наш атаманушка
Он своих казаченьков
Речью сам-то утешает:
«Как и вы-то, мои казаченьки,
Вот мои станишнички,
Эй, дети мои, малолеточки!
Кабы бог-то бы послал,
Вот мои станишнички,
Эй, послал бы нам вора поймать, —
Ну тогда-то бы, тогда,
Мои малолеточки,
Ну спустил бы вас на батюшку
тихий Дон!»

НЕ ТРАВУШКА К ЗЕМЛЕ КЛОНИТСЯ

Ой да не травушка в поле, не ковылушка,
Стоит она, к земле клонится.
Что не русская вот наша армеюшка
Ко бою она готовится, —
То армеюшка она с Дону тихого,
Донские наши казачушки.

Приготовившись, они распростилися,
На коников посадилися,
Приложили они свои востры дротики,
Приложили на чернѹ гривѹ,
Ой да закричали они, да и загічали,
Вот бы на удар пошли.

Тут и билися казаки, рубилися
Они день до вечера,
А со вечера бились до полуночи,
Бились, братцы, до белой зари.

Вот не гусюшки, да не гуси-лебеди
Они будто на пролет летят —
Ну идут-то, идут донские казачушки,
Идут они со батальицы,
Ну со страшного они с кроволитня,
С кроволитня со турецкого.

Притомленных своих добрых коников,
Они коней в поводу ведут;
Окровавленную свою платю цветную
Они вот бы в тороках везут;
А и значечко; вот бы знамя красное
Они на плечах несут.

Ой да навстречу им, вот нашим казачушкам,
Вот сам, братцы, атаман Платов:
«Ну и где были вы, мои други верные,
Ну и где ж носились?»

— Ой да вот идем мы, донские казачушки,
Идем же мы со батальицы,
Со той-то идем вот мы со батальицы,
С турецкого кроволития! —

Ой да как и тут-то бы наш атаманушка,
Вот он крепко призадумался,
Ой да призадумавшись, крепко пригорюнился,
Сам, братцы, слезно заплакал.

КАК ВО НЫНЕШНЕМ ГОДУ

Как во нынешнем году
Объявил француз войну,
Да объявил француз войну
На Россиюшку на всю,
Да на Россиюшку на всю,
На матушку на Москву.

Вот мы под Ригою стояли,
Много голоду приняли, —
Нам и тридцать и два дня
Да не давали класть огня.
А мы с того со мороза
Мы не можем говорить, —
Стали водкой нас поить.
Да мы по кружке водки пьем,
Во поход сейчас идем.

Мы походы проходили,
К Дунай-речке подходили.
К нам матросы подъезжали,
Легку лодку подгоняли.

Мы во лодочку посели,
Слезну песенку запели.

Дунай-речку проезжали,
Ко бережку подъезжали,
Ко большому ко двору,
Да на французскую землю.
Наш майор да Копылов
По ту сторону стоит:
«Уж вы, братцы, скиньте ранцы,
Вы ложитесь отдыхать,
А я буду воевать!»

**ПОЗДНЕЙШИЕ
СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ
XIX ВЕКА**

КАК ВО СЛАВНОМ ГОРОДЕ ПИТЕРЕ

Как во славном, славном городе,
Славном городе во Питере,
Там стоял-проживал славный полк
Семеновский, —

А теперь этот полк во поход идет,
Во поход идет он не под Францию,
На сраженье под каменну Москву.

Как и этот полк Семеновский,
Весь засаженный, завоеванный,
Весь за крепостной, за каменной стеной.

Как во славном полку да Семеновском
Все солдатушки думу думали,
Думу думали, слезно всплакнули,
Слезно всплакнули, ружьям брякнули,
Ружьям брякнули, громко взгarkнули:
«Вы бушуйте-ка, ветры буйные, всё
холодные,

Всё холодные, полуденные!
Вы снесите-ка с гор желты пески,
С гор желты пески, мелки камышки!
Расступися ты, мать сыра земля,
Воздымися ты, гробова доска,

Распахнися ты, золота парча,
Ты восстань-ка, наша матушка,
Наша матушка Катеринушка,
Посмотри-погляди на свой любезный полк,
На любезный полк, на Семеновский!
Как и этот полк во строю стоит,
Во строю стоит, он волею горит,
Он волею горит во всем полове...
Мы горячу кровь проливали,
И французов в полон брали,
И каменну Москву отбивали!»

БЕЖИТ РЕЧКА ПО ПЕСКУ

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорену улицу
К Аракчееву двору.

У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущенá.

Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей,
Во всяком корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков.
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил,
Дороженьку проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил!»

ЖИЗНЬ В ВОЕННОМ ПОСЕЛЕНЬИ

Жизнь в военном поселеньи —
Настоящее мученье,
Только не для всех.

Люди слезы проливают,
Зато власти наживают
Очень хорошо.

Люди в поле работают,
А тут графа дожидают —
Площади метут.

Люди хлеб везут снопами,
Тут песок везут возами,
Сыпать по песку.

Поселянские здесь хаты
Стоят рядом, как солдаты,
Все по чертежам.

Чисто прибраны снаружи,
В середине нет как хуже:
Рвань, сметьё и дрянь.

Там стоят баталионы,
В них особенны законы
И свои права.

В Деловом дворе казенном,
По заказам заваленном
Всех затей господ, —

Кресла, стулья и диваны.
Командирам у карманы
Денежки кладут

Квартирмейстры, аудиторы —
Все мошенники и воры,
Сукины сыны.

Писаря — капиталисты;
Мрут, как мухи, кантонисты, —
Климат уж такой!

Офицер — в полку поганец,
Самый первый оборванец,
По уши в долгах —

Здесь побудет, обживется,
Всем на свете разживется,
Брюхо отрастит.

А спросите у любого
Состояния большого:
«Чем живете вы?»

— Мы, вишь, сами небогаты, —
На богатых мы женаты,
Тем-де и живем!

ВО КРЫМУ БЫЛО В ПРОШЕДШЕМ ГОДЕ

Во Крыму было в прошедшем годе,
К нам приехал туда генерал.
Сотню первую собрал он,
Союзников поджидал.
Как шестого было утром рано,
Казачи бегут к отряду.
Бил тревогу в войсках барабан,
Англичанин, француз, турок
Забрались на курган.
Поспешают встретить все врага.
У казаков сердце бьется,
Кровь геройская кипит.
Звук у пушек раздается,
Всякий броситься хотит.

АЙ ДА ВОТ И НЕ СИНЕ-ТО МОРЕ ВСКОЛЫХАЛОСЯ

Ай да вот и не сине-то
Море всколыхалось,
Ой да вот и не Верейское
Море взволновалось.
Ой да вот и взволновали-то море
Корабли английские.
Ой да вот и на заре-то было,
На заре было, на зореньке.
Ой да вот и на восходике было,
Было солнышка красного.
Ой да вот и ну денечка было,
Денечка все прекрасного,
Ой да вот и что у города было,
У города Севастополя.
Ой да вот и не фúзеюшка было,
Пó морю она прогрянула,
Ой да вот и прогремела тут и наша,
Наша с Дону артиллерия,
Ой да вот и не люта́я-то змея,
Змея в полюшке просвистнула,
Ой да вот и просвистнула ну пуля,
Пулечка она свинчатая,
Ой да вот и пролетела та пуля,

Пуля она во зеленый луг,
Ой да вот и ну влетела пулечка,
Влетела во полки казачьи;
Ой да вот и попадала та пуля,
Попадала она в есаулушку,
Ой да вот и да наметилась пулечка,
Наметилась она промеждú бровей,
Ой да вот и прострелила пулечка,
Прострелила ему буйну голову.

РАССКАЖУ Я, БРАТЦЫ, ВАМ

Расскажу я, братцы, вам:
С англичанкой воевал,
Много горя, братцы, видел,
Много бед я испытал.

Как Нахимов-адмирал
Севастополь защищал,
Он редуты, бастионы
Все песком позасыпал.

Море синее шумит,
С кораблей француз палит,
Стены рушит бастиона,
Огонь пламенем горит.

СЕВАСТОПОЛЬЦЫ, СПОЕМТЕ

Севастопольцы, споемте
Песню новую,
Эх, эй да мы которую певали
На Черном морé.

«Почему ты, запевала-свет,
Свет, состарился?»
— Эх, эй да состарила, чернобровая,
Служба царская.

Служба царская, боевая,
Да невзгодушка.
Эх, эй да занависла над Россией
Непогодушка. —

Мы не только песни пели,
Но и плакали.
Эх, эй да корабли в бухте топили,
Слезы капали.

«Евстафия» потопили,
«Трех святителей».
Эх, эй да нам Нахимов-адмирал
Был учителем.

Воины в синих мундирах
Будут битые.
Эх, эй да наши старые капралы
Страх сердитые.

На Малаховом кургане
Редут с пушками.
Эх, эй да забросаем синемблузых
Ядрами, шишками.

Пусть отведают, узнают
Удаль русскую.
Эх, эй да в Черном море утопили
Спесь французскую.

Раз, два, три — говори,
Шашки в руки, за мной по полю скачи.
А кто первый до завала добежит,
Тому честь, и крест, и слава надлежит.
Раз, два, три — говори,
Тому честь, и крест, и слава надлежит!»

На редутах мы стояли как стена,
Пуля сыпалась, как мелкая пчела.
Раз, два, три — говори,
Пуля сыпалась, как мелкая пчела.
Пуля сыпалась, как мелкая пчела,
Выпьем чару за родимые края,
Раз, два, три — говори,
Выпьем чару за родимые края.

ПОЛЕ ЧИСТОЕ ТУРЕЦКОЕ

Поле чистое, поле турецкое,
Мы когда тебя пройдем, пройдем?
Мы когда тебя, поле, пройдем,
Все пути твои, дороженьки,
Все места твои прекрасные,
Все пути твои славны, прекрасные?

На том поле, поле чистое
Мы сойдемся с неприятелем,
Со турецким славным корпусом.

На турецкий славный праздничек,
На злосчастную на середу
Турки пьяны напивались,
Во хмелюшке похвалялися:
«Мы Россеюшку насквозь пройдем,
Граф Паскевича в полон возьмем!»

Граф Паскевич нам говаривал:
— Постарайтесь, ребяташки,
Уж вы, храбрые солдатушки,
Постоять за землю Русскую!

НЕ ТУМАН С МОРЯ ПОДНЯЛСЯ

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся,
Через Дунай он с войском шел.
Он и шел с крестом-молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.

Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
На три часа погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.

Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил сильный гром, —
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был!

Заплакала наша Плевна,
Запропала турецкая слава
И не будет больше никогда!

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ПЕСНИ И СТИХИ
1860—1900-х ГОДОВ**

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля,
Только землю не дали народу:
Вот вам милость дворян и царя.
Мужики без земли пропадают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работу свою...
 Чтобы с голоду нам не подохнуть,
 На дворян мы работать идем,
 И живет эта жадная свора
 Исключительно нашим трудом.
 Прижимает нас земский начальник
 И урядник дохнуть не дает,
 Поп пугает нас адом кромешным,
 А за требы последок берет...
Сыновей наших гонят в солдаты,
Из ружей научают стрелять,
Для того, когда мы возмутимся,
Чтоб могли они нас усмирять.
Не довольно ли вечного горя,
Пред дворянами гнуться в дугу?
Разогнем-ка могучие спины
И покажем мы силу врагу!

Соберемся могучею ратью,
Разгромим мы дворцы богачей,
Возвратим себе матушку-землю
И не будем платить податей.
Землю поровну всю мы разделим,
У других не пойдем занимать,
Школ по всем деревням понастроим,
Будем всякие книжки читать...
Ведь Россия — что волость большая,
Мы в ней новый порядок введем,
Старшину выбирать сами будем,
Сами сход волостной соберем.
Волостной этот сход с старшиною
Мирской сбор по душам раскладут,
Собирать со всех поровну будут,
И дворяне от них не уйдут...
Сыновей не пошлем мы в солдаты,
А как будет чуть только война,
Соберем мы охотников тотчас,
И тогда уж врагам всем беда.
Так восстанем же, братья, дружнее!
И опять у нас будет земля,
И на горьких осинах повесим
Мы попов, и дворян, и царя...

ЖИЛ НА СВЕТЕ РУССКИЙ ЦАРЬ

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
Волю обещал,
Волю обещал!

Чтобы каждый селянин,
Как теперя дворянин,
От работы подневольной
Век не горевал,
Век не горевал!

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
Более не мог,
Более не мог.

Чтобы он землей владел,
И пошли ему в надел
Те поля, за что платил он
Барину оброк,
Барину оброк!

Обещал то царь легко,
Но уехать далеко
 На посуле, как на стуле,
Видно, захотел,
Видно, захотел!

Думал: «Глуп мужик: все съест!»
И составил манифест,
 Что ни в толк взять, ни понять
Никто не сумел,
Никто не сумел!

Ну чиновники читать,
Да крестьянам толковать,
 Что та новая неволя
Волюшка и есть,
Волюшка и есть!

Воля-вольная нищать,
Да под розгами пищать,
 Да начальству грош последний
Со слезами несть,
Со слезами несть!

Призадумался народ,
Чует: кто-нибудь да врет,
 Иль начальство надувает,
Или самый царь,
Или самый царь!

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли

И оброк крестьяне так же,
Как водилось встарь,
Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так —
И попалися впросак
 Те крестьяне, что судили
О делах своих,
О делах своих.

По селам без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
 Стала сечь их и тиранить
Стая станowych,
Стая станowych!

Ну сзывать на них полки
Да водить солдат в штыки,
 Чтоб по старому порядку
Все водилось вновь,
Все водилось вновь.

Напроказил царь-отец!
На Руси с конца в конец
 Из-за царского обмана
Пролилася кровь,
Пролилася кровь.

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
 Дружно миром, волостями
В одно время встал,
В одно время встал.

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
В него не стрелял,
В него не стрелял.

ДЕПУТАТАМ ОТ СОСЛОВИЙ

Депутатам от сословий,
Областей и городов
Царь без дальних предисловий
Объявляет пару слов:
«Вас за ваши поздравленья
От души благодарю,
Чувств холопских изъявленье
Любо русскому царю.
Но сказать я вам обязан
Откровенно, господа,
Конституциею связан
Я не буду никогда.
Представительных собраний
Я с пеленок не терплю
И бессмысленных мечтаний
Я отнюдь не выношу».

НАГАЙКА

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.
 На жалобы, на стоны
 Голодных русских масс
 Один ответ у трона:
 Лупить нагайкой нас.
Царит нагайка всюду,
Ну что же, все равно
Ей царя Иуду
Спасти не суждено.
 Нагайка не разбита,
 Но злоба крепнет в нас,
 И скоро паразита
 Пробьет последний час!
Уже под красно знамя
Встает народ на бой —
Царь будет свергнут нами
Со всей его ордой.

ЗИМУШКА-ЗИМА

Эх ты, зимушка-зима,
Холодна больно была,
Холодна больно была,
Все дорожки замела,
Все дорожки и пути,
Негде милому пройти.
 Черная галка,
 Чистая полянка.
 Ты же, Марусенька
 Черноброва,
 Чего не ночуешь дома?
Алексеев-генерал
Лес на Ялу вырубал,
И пошел по свету звон,
Что он нажил миллион.
 Черная галка,
 Чистая полянка.
 Ты же, Марусенька
 Черноброва,
 Чего не ночуешь дома?
Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил.
Смотрит, выпучив глаза:
«Эка божия гроза!»

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Куропаткин-генерал
Всё иконы собирал,
А приехал за Байкал —
Ровно церковь обокрал.

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

И с попами всё молился,
Победить врага хвалился.
А японцы не дремали,
Броненосцы наши рвали.

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Столь добра пошло на дно,
Только выплыло дерьмо:
По велению божьих сил
Всплыл известный всем Кирилл.

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Верст за двести от Тамбова
Дураки нашли святого.
Стали думать и гадать,
Как святому имя дать?

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Стали думать и гадать:
Как святому имя дать?
А в народе прошел слух,
Что святой-то тот протух.

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Долго думали, гадали,
Серафима имя дали,
И давай звать дураков,
Несли б больше пятаков!

Черная галка,
Чистая полянка.
Ты же, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

ВАРЯГ

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают,
Готовьтесь к бою! Орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают.
От пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицыя черти!
Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный, наш верный
«Варяг»

Подобен кромешному аду!
В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи, с богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

МЫ МИРНО СТОЯЛИ ПРЕД ЗИМНИМ ДВОРЦОМ

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблестали.
И рота за ротой, все супротив нас
Вмиг фронтом развернуты были,
Направили дула в лицо нам как раз
И в грозном молчаньи застыли.
Так тихо и жутко... Вдруг слышится: пли! —
Опомниться мы не успели —
Свалились уж многие на снег, в крови,
За залпами залпы гремели.
И ужас объял нас. Безумно крича,
От страшного места бежали
Мы, раненых, мертвых с собой волоча...
А в тыл нам стрелять продолжали...
Тут грозно толпа заревела кругом,
Рабочие поднялись руки,
Клялись биться насмерть с венчаным
врагом,
Отмстить за страданья и муки.
Оставьте ученье, работу, семью,
Под красное знамя идите
И смертью отважной в жестоком бою
Народу свободу купите.

Проклятье и смерть венценосным «отцам»,
Свобода родному народу,
И вечная слава героям-борцам,
Погибшим в борьбе за свободу.

РЕКВИЕМ

Вы шли как разумная, мирная рать —
За правду стоять — и пришлось умирать.

Вам вечная светлая память.

Вы шли в ореоле свободы знамен
И их донесли до своих похорон.

Вам вечная светлая память.

Под пение песен свободы вы шли,
Дошли до безмолвья глубокой земли.

Вам вечная светлая память.

Но ваши знамена над вами парят,
И песни свободы о вас говорят:

Вам вечная светлая память.

И дружную ратью товарищей строй
Вкруг ваших могил собирается в бой,

Чтоб вечная светлая память

О вас стала лозунгом в борьбе со врагом. . .

И веет знамена, и слышно кругом:

Вам вечная светлая память.

**ПОГИБШИЕ БРАТЯ,
ВАМ ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ!**

(Клятва рабочих в память 9 января)

Погибшие братья, вам вечный покой!
Убийцам — навеки проклятье!
Погибли вы смело в борьбе роковой
За нашу свободу и счастье.

Убиты вы, братья, преступной рукой
Того, кто народ угнетает,
Рабочую кровь проливает рекой,
Родную страну разоряет.

Над вашей могилой мы клятву даем,
Святой вашей кровью клянемся:
Мы будем бороться с убийцей-царем,
Свободы и счастья добьемся!

Тогда мы на ваши могилы придем
И скажем: «Погибшие братья!
Ночь произвола сменилася днем
Равенства, братства и счастья».

Погибшие братья! Вам вечный покой!
Убийцам — навеки проклятье!
Погибли вы смело в борьбе роковой
За нашу свободу и счастье.

СОШЛИСЬ ГОВОРИТЬ МЫ О ПРАВЕ СВОЕМ

Сошлись говорить мы о праве своем,
Орда казаков налетела,
Послышался залпа ружейного гром,
И в воздухе плеть засвистела.

Хунхузы царя не жалеют плетей.
Нет ружей у нас под рукой, —
Избили несчетно нас, жен и детей,
Кровь наша лилася рекой.

Снесли старику они череп долой,
Мозг выпал, смешался с травой.
А ружей у нас, братья, нет под рукой, —
Покончили б с дикой ордою.

Но близок уж час, и мы отомстим,
Оружье себе мы достанем!
Погибнет злодей, все опричники с ним, —
Свободны, счастливы мы станем!

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки, одну за другою,
С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...

Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, толпа подалась,
Как кровавое знамя родное
Казакком было втоптано в грязь...

Но зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завевт
Над вершиной родного холма! . .

ЗАДУМАЛ НАШ ТРЕПОВ

Задумал наш Трепов царя удивить —
Пулей, нагайкой народ усмирить.
Послал он казаков по всем городам:
«Бейте, стреляйте, награду вам дам!»
Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свободу, живых — под арест.
Свобода царя — на солдатских штыках,
Русские трупы на русских полях.
Народ поднялся на такой произвол —
В прах мы повергнем царский престол.

ВЗДУМАЛ НАШ ТРЕПОВ

Вздумал наш Трепов царя удивить —
Пулей, нагайкой народ усмирить.

Россия, Россия, как жаль мне тебя,

Бедная, горькая участь твоя.

Россия, Россия, голодный народ,

Всех стран пролетарии, идите вперед!

Послал царь казаков по всем городам:

«Бейте, рубите, награду вам дам».

Россия, Россия, как жаль мне тебя,

Бедная, горькая участь твоя.

Россия, Россия, голодный народ,

Всех стран пролетарии, идите вперед!

Чертова шкура сидит на коне,

В красных лампасах, нагайка в руке.

Россия, Россия, как жаль мне тебя,

Бедная, горькая участь твоя.

Россия, Россия, голодный народ,

Всех стран пролетарии, идите вперед!

Женщины, дети, рабочий, мужик, —

Всем грозят плети, всем грозит штык!

Россия, Россия, как жаль мне тебя,

Бедная, горькая участь твоя.

Россия, Россия, голодный народ,

Всех стран пролетарии, идите вперед!

Народ как увидел такой произвол —
Берет в руки ружья, дубины да кол!
Россия, Россия, как жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя.
Россия, Россия, голодный народ,
Всех стран пролетарии, идите вперед!
Близятся битвы народа с царем, —
В них победим мы или же умрем!
Россия, Россия, как жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя.
Россия, Россия, голодный народ,
Всех стран пролетарии, идите вперед!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Муз. ген.-м. Трепова

Спи, младенец, год за годом
Баюшки-баю;
Четырем твоим свободам
Я отходную спою,
Я писать указы стану
Твердою рукой,
Дам покой тебе, смутьяну,
«Со святыми упокой».

Если мало эскадронов,
Слабо хлещет плеть,
Для тебя я и патронов
Не хочу жалеть.
Приложу к тому все силы,
Чтоб создать покой;
Нет покойнее могилы,
«Со святыми упокой».

Я из дядек буду старшим,
Вот тебе мой сказ,
И наклею над монаршим
Треповский указ,

Там свобода «арестантам»,
Здесь свободным крест,
Разъясню манифестантам
Царский манифест.

Хороните павших с миром,
Говорите речь;
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
Прогремит картечь.
Брызнет кровь по ленте красной,
Потечет рекой. . .
Спи, младенец мой прекрасный,
«Со святыми упокой».

Я — порядка оборона,
Всюду озарю
Светом факела Нерона
Конституции зарю.
Спи, дитя, под сводом склепов,
Нас не беспокой.
Пропоеет свободе Трепов:
«Со святыми упокой».

ПАВШИМ ДРУЖИННИКАМ ПРЕСНИ

Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью
Взбушевлася погода.
Разнеслася весть святая,
Что восстала Русь родная.
С ней свобода,
С ней свобода.
Долго, долго в злой неволе
Русь искала лучшей доли
Для народа,
Для народа.
За свободу кровь струилась,
Все тяжеле становилось
Год от года,
Год от года.
Погибал народ бездольный,
Беззащитный, подневольный,
По темницам,
По темницам.
Голодал по бедным селам,
Изнывал под произволом
По столицам,
По столицам.

День настал, и Русь вздохнула,
Затряслась земля от гула,
Задрожала,
Задрожала.
И распались оковы,
И исчезли злые совы,
Легче стало,
Легче стало.
Так затынем песню, братцы.
Как душили святотатцы
Русь родную,
Русь родную.
Заклеймим мы их проклятьем
И споем погибшим братьям
Песнь иную,
Песнь иную.
Слава витязям народа!
Вами добыта свобода
Тяжкой болью,
Тяжкой болью.
Вам от нас поклон глубокий
Вниз по Волге по широкой,
По раздолью,
По раздолью.

ЭХ ТЫ, ДУМА, ДУМУШКА

Эх ты, Дума, Думушка,
Октябристам — кумушка.
Эх ты, Дума, Дума,
Государственная...
Октябристам — кумушка,
Правым всем — голубушка.
Эх ты, Дума, Дума,
Государственная...
С барами хорошими
Хлопаешь ладошами.
Эх ты, Дума, Дума,
Государственная...
В дело хоть не вникнула,
А от «уры» охрипнула.
Эх ты, Дума, Дума,
Государственная...

ОЙ, ПОЛНА ТЮРЬМА ПРЕД ДУМОЮ

«Ой, полна тюрьма пред Думою:
Что мне делать, не придумаю,
Помогите, граф, в беде!
Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без числа.
Знать, итоги небывалые
Конституция дала».
Витте бережно торгуется,
Все боится передать,
Дурново шумит, волнуется,
Предлагает всех сослать.
Только знает жандармерия,
Как поладили они.
Смолкни, голос недоверия,
Графа строго не вини.

ГРОХОЧЕТ БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Грохочет Балтийское море.
В угрюмых утесах у скал,
Как лев разъяренный в пещере,
Рычит набегающий вал.
И с плачем другой, подоспевши,
О каменный бьется уступ,
Где грузно лежит посиневший,
Холодный, безжизненный труп.
Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес,
Замучен за дело святое
Был этот отважный матрос.
Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой далекой стране,
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.
Погиб он за правое дело,
За правду святую и честь,
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.
Снесите глухой деревнюшке
Последний рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына поклон.

Бушует Балтийское море!
Молчит неприветная даль!
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.
Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит.
О, где же тот мститель суровый,
Который за смерть отомстит?!

МОРЕ ЯРОСТНО СТОНАЛО

Море яростно стонало,
Волны бешено рвались...
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.
Там в мешках лежат зашиты
Трупы юных моряков:
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удальцов.
Море видело — косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной боевою...
Вкруг солдатские штыки.
Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам...
Братья братьев расстреляли...
Ужас веял по волнам!
Небо сразу побледнело,
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело —
Трупы в море опустить.
Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках...

День безоблачный сияет,
В гавань дальних берегов
Море бережно вздымает
Трупы славных моряков.
Вихрь промчался возмущенья,
Все народы гнев объял...
Смерть царю, злодеям — мщенье!
Час суда для них настал!..

НА РОДИНЕ

От павших твердынь Порт-Артура
С кровавых маньчжурских степей
Калека, солдат истомленный
К семье возвращался своей.

 Спешил он жену молодую
 И малого сына обнять,
 Увидеть любимого брата,
 Утешить родимую мать.

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его.

 И стиснула сердце тревога:

 «Вернулся я, видно, не в срок!»

 — Скажите, не знаете ль, братья,

 Где мать? Где жена? Где сынок? —

«Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...»

Небось, твои раны болят...»

— Скажите скорее мне правду.

Всю правду! — «Мужайся, солдат...»

 Толпа изнуренных рабочих

 Решила пойти ко дворцу

 Защиты искать... с челобитной

 К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И... насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...»

— Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой?.. — «Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят».

— Где мать? — «Помолиться к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила...»

— Не все еще взято судьбою!
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой? — «Мужайся, солдат!»

— Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою? —
«О нет! Не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою...»

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит».

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза.
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза...

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты печатаются с приближением их к литературному написанию. Диалектизмы, обычные в специальных фольклорных публикациях, сохранялись лишь в том случае, когда снятие их нарушило бы ритмическую структуру песни.

В примечаниях, в большинстве случаев, отсылка на источник, откуда взят текст, дается указанием на фамилию составителя сборника; название работы расшифровывается по указанной фамилии в списке работ и сборников, включающих тексты исторических песен (см. стр. 395—397). Указаний на перепечатку текстов в том или другом издании, как правило, не делается. Не указывается и опубликование текста в сводном, почти исчерпывающем записи, напечатанные до 1914 года, сборнике В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.». М., 1915.

Тексты в сборнике группируются по разделам, указывающим на время события, запечатленного песней, а следовательно, и возникновения самой песни.

Сборник открывается разделом, посвященным песням XIII—XV веков. Две песни этого раздела стоят на грани былин и исторических песен: «Авдотья Рязаночка» и «Щелкан Дуденьевич».

В этих двух текстах отражен процесс формирования русских исторических песен как жанра, сложившегося в XVI столетии. Собственно исторические песни открываются разделом «Исторические песни XVI века». Раздел включает песни о событиях времени царствования Ивана Васильевича Грозного. Внутри этого раздела, так же, как и последующих, тексты располагаются в хронологическом порядке. Раздел завершается песнями о походах Ермака, что отвечает истории царствования Грозного (походы были в конце царствования); здесь в историческую песенную поэзию впервые вводится образ вольных людей.

Третий раздел — «Исторические песни XVII века» — имеет три подраздела: «Песни о набегах татар XVI — начала XVII века», «Песни о событиях первой половины XVII века» и «Песни о Степане Разине и разинцах».

Первый подраздел содержит материалы о набегах врагов на мирное русское население и об уводе в рабство русских людей. Это тема песен, общая для исторической поэзии русского и украинского народов XVI и начала XVII века. Обычно песни о полоне включались в сборники как песни XIII—XIV веков. Однако исторические материалы и характер песен о полоне и побеге из него заставляют рассматривать цикл песен о пленниках как цикл, сложившийся в начале XVII века, когда пленные сотнями были возвращены на Русь и допрашивались патриархом Филаретом.

В центре второго подраздела стоят песни о событиях шведско-польской интервенции, которыми иногда ограничивали историческую песенную поэзию XVII века. В этом разделе мы не даем единственной записи песни о Минине и Пожарском, опубликованной в «Песнях» П. В. Киреевского, так как эта песня имеет явные черты фальсификации. Нет возможности в песнях начала XVII века дать и песни о восстании Болотникова — они не дошли до нашего времени.¹

Третий подраздел песен XVII века включает песни о восстании Степана Разина. Из обширного разинского цикла песен в сборник отобраны лишь отдельные тексты, представляющие большинство сюжетов народных песен о Степане Разине и разинцах.

Раздел четвертый сборника — «Исторические песни первой половины XVIII века». В центре его стоят песни начала века, отразившие реформы петровского времени и шведскую войну. Исторический период, когда «Петр варварством побеждал русское варварство», запечатлен рядом песен, обрисовывающих роль народных масс в борьбе с внешним врагом и в переустройстве государства, а вместе с тем и образ Петра I, реформатора Руси.

Самостоятельным разделом сборника выделяют песни второй половины XVIII века. В нем два подраздела: «Военные походы XVIII века» и «Восстание Пугачева».

¹ О «Камаринской» см. в вводной статье.

Военная история второй половины XVIII столетия представлена образцами песен о Семи-летней и о турецкой войнах. Образ солдатской массы и выдающихся русских полководцев вырабатывается не только песнями о штурмах городов, о походах, но и военно-бытовыми. Это заставляет нас некоторые из военно-бытовых песен соединять с песнями, отразившими отдельные события военной истории. Также и в песнях о восстании Пугачева элементы бытовой характеристики, вводимые в песню, сливаются с темой восстания и борьбы крепостного крестьянства с царскими властями. Усиление социально-бытовых элементов характерно для исторической песенной поэзии XVIII и XIX веков.

Песни XIX века начинаются с раздела «Песни об Отечественной войне 1812 года». В этом, как и в следующих разделах, посвященных позднейшим солдатским песням XIX века и «Исторической теме в революционных песнях и стихах 1860—1900-х годов», возрастает удельный вес социально-бытовых материалов. Произведения упоминают различных деятелей, говорят о разных исторических лицах, но нередко только в самых общих чертах характеризуют происходящие события. Таковы песни периода разложения феодализма и роста капиталистических отношений в России и песни, создававшиеся в условиях империализма, утвердившегося в России конца XIX — начала XX века.

Сборник завершается песнями о событиях революционной борьбы и русской революции

1905 года. Надо заметить, что не все из материалов последних разделов одинаково художественны; но все они по-своему выразительны, все они правдивы и представляют ценность как песни, в которых раскрыто отношение трудящихся масс к происходящему, оценка действительности.

В целом же для сборника исторических песен отбирался материал типичный и отвечающий требованиям, предъявляемым к художественным произведениям. Мы стремились представить в сборнике различные виды исторической песенной поэзии русского народа, о которых говорится в предисловии. Стремилась мы также и к возможно более полному охвату сюжетов исторических песен, насколько это было возможно в сборнике, издаваемом в малой серии «Библиотеки поэта».

Ниже даем примечания к отдельным текстам публикуемых в сборнике песен.

ПЕСНИ XIII—XV ВЕКОВ

Авдотья Рязаночка. — Гильфердинг, № 260. Текст для публикации в этом сборнике выправлен: в записи Гильфердинга (зап. на Кенозере 13 авг. 1871 года у Ив. Мих. Кропачева-Лядкова) говорится о разорении Казани, хотя речь явно идет о Рязани (об этом свидетельствует и прозвище героини: Рязаночка). В имени Бахмета турецкого, видимо, сохранилось воспоминание о Батые, разорившем Рязань в 1237 году. На это произведение оказали воздей-

стве песни о татарском (турецком) полоне, славившиеся в XVI—XVII веках (см. в нашем сб. стр. 149—163).

Щелкан Дудентьевич. — Кирша Данилов, № 4. Песня была сложена в связи с восстанием в Твери в 1327 году против татарского наместника Шевкала, сына Дюдены, двоюродного брата хана Узбека (по песне Азвяка). В действительности восстание тверичан, во время которого были истреблены сборщики податей и другие татары, находившиеся в Твери, завершилось жестокой расправой над восставшими. Под именем родимых братьев Борисовичей в песне выведены тверские князья Александр и Дмитрий Михайловичи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVI ВЕКА

Взятие Казанского царства. — Кирша Данилов, № 28. Песня описывает осаду и взятие Казани в 1552 году. Публикуемый вариант имеет своеобразное начало — вещий сон царицы Елены, отсутствующий в других вариантах. Этот текст, записанный в XVIII веке, видимо при записи подвергся некоторой литературной правке. Однако предполагаемая правка не нарушила художественной цельности и выразительности народной исторической песни. Текст имеет ряд исторических подробностей, отсутствующих в большинстве вариантов (о движении и расположении войск около Казани и др.). Взгляд на печатае-

мый вариант как на искажение подлинной народной исторической песни, высказанный в печати (см. В. К. Соколова «Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного)». Сб. «Славянский фольклор». Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XIII, 1951), представляется ошибочным. *Булат-река* — проток Булак, соединяющий озера Верхний и Нижний Кабан с речкой Казанкой, впадающей в Волгу.

С м е р т ь Н а с т а с ь и Р о м а н о в н ы. — Марков, № 35. В песне говорится о смерти в 1559 году первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовны, из рода Захарьиных. Образ Настасьи Романовны неоднократно появляется в песнях о Грозном (ср. «Иван Грозный и сын»); это образ любящей матери, глубоко переживающей беды, ожидающие сына.

К о с т р ю к. — Рыбников, т. II, № 157. Песня первоначально была связана с женитьбой Ивана Грозного в 1561 году на кабардинской княжне Марии Темрюковне. Публикуемый вариант характерен для позднейших переработок песни, превращающих ее из песни о женитьбе царя в песню о набеге крымских татар на Москву.

Г р о з н ы й д у м а е т д у м у о К у р б с к о м. — Ф. С. Панкратов. Гребенцы в песнях. 1895, стр. 11—12, перепечатано Б. Н. Путиловым, № 2. Князь Андрей Курбский, изменив родине, бежал в Польшу, откуда в 1563 году прислал

Ивану Грозному письмо, содержащее резкую критику его политики и защищающее родовое боярство. Это письмо открыло переписку Грозного с Курбским (всего известно три письма Курбского и два — Ивана Грозного).

Набег крымского хана. — Симони, стр. 12—15. Песня говорит о набеге Девлет-Гирея на Москву в 1572 году. Девлет-Гирей под Серпуховом был разбит и бежал. Поражение Девлет-Гирея определило дальнейший характер дипломатических отношений Москвы с Крымским ханством.

Осада Пскова. — Киреевский, вып. VI, стр. 187—190. В песне отражена Ливонская война и в частности осада Пскова Стефаном Баторием в 1581—1582 годах. Героическая защита псковичами родного города и взрыв ими башни, занятой врагами, заставили Стефана Батория прекратить осаду Пскова.

Воевода Семен Константинович Карамышев в эту песню введен из других исторических песен. Строки песни, рассказывающие о подготовке солдат к бою, вошли сюда из песен времени Петра I. Заключительные строки песни перефразируют слова былинного Батыги, разбитого под Киевом Василием Игнатьевым (см. былинку «Василий Игнатьевич и Батыга»).

Грозный в церкви после убийства сына. — Догадин, вып. I, № 13. Убий-

ство Грозным сына царевича Ивана произошло в 1581 году. Причины ссоры Грозного с сыном, вызвавшие смертельный удар жезлом в висок, неизвестны.

Иван Грозный и сын. — Гильфердинг, № 13. Песня говорит о событии в 1581 году — убийстве Грозным сына. В песне Грозный убивает не царевича Ивана; Грозный дает приказ казнить Федора по обвинению в измене. *Малютка Скурлатов* — Малюта Скуратов-Бельский — опричник Грозного. *Никита Романович* — идеализированный боярин, брат первой жены Грозного Настасьи Романовны. Похвальба Грозного об уничтожении измены в ряде городов, видимо, является отзвуком расправы с боярством в декабре 1569 года в Клину, Твери, Новгороде.

Молодец на правеже. — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, № 34. *Правеж* — место, где производилось телесное наказание батогами (палками), с целью узнать что-либо, заставить отдать долг и т. п. Песня приурочена ко времени Ивана Грозного. Некоторые варианты называют местом правежа Красную площадь в Москве.

Выбор Ермака атаманом. — «Живая старина», 1897, вып. I, стр. 103.

Ермак зовет казаков в поход. — Листопадов (1946), № 1. *Кума-река* — река Кама.

Сборы Ермака в Сибирь. — Мякушин, отд. II, стр. 21—23. Поход Ермака в Сибирь начался в сентябре 1581 года. Он был вызван стремлением обезопасить окраины Перми Великой и Прикаспия, которые в XVI веке разорял сибирский хан Кучум и его родичи, и необходимостью продвинуться дальше в Сибирь. Отряды Ермака углублялись в Сибирь, продвигаясь к Иртышу в тяжелых условиях воинского похода. Решающая битва с татарами произошла в том же 1581 году на горе Чувашьей. В результате ее 26 октября 1581 года Ермак с казаками овладел столицей Кучума (г. Кашлык; другие источники называют Искер или Сибирь). *Яик* — старое название реки Урал.

Ермак Тимофеевич и Иван Грозный. — Мякушин, отд. II, стр. 25—27. *Тобол* — город Тобольск. *Царская картина перменилася* — царь изменился в лице.

Ермак Тимофеевич берет Казань-город. — Пивоваров, стр. 13—18. В тексте есть некоторые элементы переработки песни в духе официально-патриотических истолкований деятельности Ермака царским правительством. Однако основа песни сохраняется явно народная. Награда казаков за воинские подвиги (тихим Доном) — эпизод, присоединяемый к ряду песен и разрабатываемый как самостоятельная песня (ср. «Грозный награждает казаков Терекком» и др. песни).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

Песни о набегах татар XVI — начала XVII века

Песни, печатаемые в этом разделе, очень близки по содержанию и образам к украинским историческим песням о татарских и турецких набегах, о плене и побеге из него.

Татарин и полонянка. — Киреевский, вып. VIII, Приложения, стр. 323—325. Соединение в песне «пана» и «татарина», полонивших русскую девушку, объясняется воспоминанием о совершившихся одновременно набегах крымских татар и грабеже русских земель польской шляхтой в начале XVII века.

Девушка в полоне. — Киреевский, вып. VIII, Приложения, стр. 322—323.

Михайло Козаренин. — Григорьев, т. I, № 53 (89). «Михайло Козаренин» обычно и с полным основанием относится к былинам. По времени возникновения это произведение позднее, является переработкой песен о набегах татар в XVI—XVII веках. В текст «Михайла Козаренина» включены традиционные эпизоды былевого эпоса (ср. разговор богатыря с черным вороном в былине «Королевичи из Крякова», см. А. Ф. Гильфердинг «Онежские былины», № 87). Основа сюжета «Михайла Козаренина» взята из исторических песен XVI—XVII столетий о дележе

татарами полонянки. С историческими песнями и балладами о набегах татар текст «Михайла Козаренина» (так же как былины о Луке Петровиче и о Петре Петровиче, королевичах из Крякова) сближается эпизодом увода в плен младшего брата героя.

В описании боя Михайлы Козаренина с татарами сказительница Юдина, от которой записывал текст А. Д. Григорьев, спутала расправу с первым и третьим татаринном. (Юдина спела, что Михайла отпустил третьего татарина живым за речи ласковые — этот татарин обещал девушку убить, — а первого татарина, обещавшего ее отпустить на Русь, Михайла «копьем сколол»). В печатаемом нами тексте эта явная путаница, допущенная сказительницей при исполнении, исправлена.

А. Д. Григорьев к записи сделал примечание к первой строке: «Ранее, собираясь петь, сказительница сказала: «во Галичи».

Татарский полон. — Киреевский, вып. VII, стр. 195. Вариант песни о татарском полоне был записан в первой половине XIX века М. Ю. Лермонтовым, предполагавшим использовать свою запись в поэме «Мстислав Черный». Запись Лермонтова иногда ошибочно считалась его стихотворением и включалась в собрание его сочинений. О записи Лермонтова см.: М. Ю. Лермонтов. Полное собр. соч., т. I. М., 1936, стр. 469—470.

Полоняночка. — С. И. Гуляев. Былины и исторические песни из южной Сибири. Ред., вступит. статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939, стр. 148—149. *Дарья-река* — река, протекающая в Ставропольском крае, упоминаемая в разных песнях о татарском полоне (ср. в варианте печатаемой на стр. 159—160 песни, записанном П. И. Якушкиным и опубликованном в его сочинениях. СПб., 1884, стр. 532—534, начальные строки: «Как за речкою да за Дарьею злы татарове дуван дуванили...»).

Полонянин. — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, № 49.

Песни о событиях первой половины XVII века

Плач Ксении Годуновой. — Симони, стр. 5—7. Запись песни сделана через 14 лет после описываемого события. Борис Годунов умер 16 апреля 1605 года, 10 июля того же года были убиты его жена Мария Григорьевна и его сын Федор. 20 июля 1605 года вступил в Москву Дмитрий Самозванец.

Про Гришку-расстрижку. — Кирша Данилов, № 11. Григорий Отрепьев короновался 29 июля 1605 года и женился на дочери воеводы сandomирского Мнишек Марине 8 мая 1606 года (в канун Николина дня — 9 мая). Упоминаемое в песне: пошел «Гришка-расстрига он в баню

с женой» — указание на совершение части брачного обряда в канун Николина дня, считавшегося великим христианским праздником, когда подобные обряды совершать запрещалось.

Заговор против Григория Отрепьева был возглавлен Василием Шуйским. Ранним утром 17 мая 1606 года бояре и народ ворвались во дворец. Дмитрий Самозванец пытался бежать через окно, но сорвался и упал с 15-саженной высоты. При падении он сломал себе ногу и разбил грудь. После опроса царицы Марфы, отказавшейся от него, он был убит. Бояре спасли Марину Мнишек, которая после многих приключений бежала в Польшу.

Михаил Скопин-Шуйский. — «Живая старина», 1890, вып. I, отд. 2, стр. 3—5. Песня об отравлении М. В. Скопина-Шуйского на пиру у Дмитрия Шуйского вызвана неожиданной смертью в 1610 году этого выдающегося военачальника, боровшегося с польской интервенцией. По данным истории известно, что М. Скопин-Шуйский 23 апр. 1610 года, после торжественного въезда в Москву, на крестинах у кн. И. М. Воротынского, внезапно занемог кровотечением из носа и через две недели скончался. В народе после этого утвердилась уверенность, что Скопина отравили Шуйские и Воротынские, опасавшиеся возраставшей популярности М. Скопина-Шуйского как полководца. Песня рассказывает об этом близко к повести об отравлении Скопина-Шуйского (XVII век).

Жена Дмитрия Шуйского, Екатерина Григорьевна, — дочь Малюты Скуратова. Образ матери Скопина сближается с образом Амелфы Тимофеевны, матери Добрыни Никитича (см. «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка»; в этой последней былине очевидны отзвуки «смутного времени» — самый образ Маринки связан с преданиями о Марине Мнишек — ср. историческую песню о Гришке-расстрижке, стр. 166—168).

Смерть Михаила Скопина-Шуйского. — Симони, стр. 2—4. Запись песни сделана через 9 лет после описываемого события. *Свецкие немцы* — шведы, после смерти Скопина грабившие и разорявшие русское население, пока не была прекращена польско-шведская интервенция. Превращение русской земли «в латинскую» — захват врагами исконных русских территорий.

Убийство князя Карамышевского. — Киреевский, вып. VII, Приложения, стр. 129—130. Князь Иван Карамышев в 1630 году был направлен на Дон к казакам с грамотой, приказывающей им выступить против поляков под началом турок. Возмущенные тем, что над ними ставят начальниками турок и возбуждаемые слухами о намерении князя Карамышева силой и казнями принудить казаков к этому, казаки избили царского посла и бросили его в Дон. Московское правительство расправу с Карамышевым было вынуждено оставить без последствий.

Оборона Смоленска. — Рыбников, т. II, № 158. Песня связана с борьбой за освобождение русских земель из-под польско-литовского владычества и с земским собором 1654 года, состоявшимся перед войной с Польшей из-за Украины. Смоленск поляками был захвачен в «смутное время». Для песни характерно противопоставление «меньшего» боярина «большим», готовым предать Смоленск.

Песни о Степане Разине и разинцах

Разин и казачий круг. — Киреевский, вып. VII, стр. 33. Текст впервые был опубликован в песеннике Чулкова; был переведен на французский язык А. С. Пушкиным. *Казачий круг* — орган самоуправления, возглавлявшийся богатыми казаками. *Черкасск* (Новочеркасск) — областной центр земли Войска Донского.

Выбор Степана Разина атаманом. — Киреевский, вып. VI, стр. 32.

Струги Степана Разина. — Листопадов (1946), № 13.

Разин догоняет басурманские корабли. — Листопадов (1946), № 17.

Сынок Степана Разина. — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 2. М., 1878, стр. 62. *Сынками* назывались посланные Разиным

в города казаки, выведывавшие положение дела и поднимавшие народ к восстанию. Степан Разин, взяв Астрахань, казнил (бросил с раската — городского вала) астраханского воеводу И. С. Прозоровского. После взятия Астрахани восстание Разина приняло наибольший размах.

Поход Степана Разина на Астрахань. — Н. Пальчиков. Крестьянские песни с. Николаевки, Мензелинского у. Уфимской губ. М., 1896, стр. 103, № 41. Астрахань разинцами была взята в июне 1670 года. После взятия Астрахани разинцы стали подниматься вверх по Волге, захватывая города.

Казнь губернатора. — Киреевский, вып. VII, Приложения, стр. 149—150. *Река Камышенка* — правый приток Волги; в устье Камышенки, близ места, где расположен г. Камышин, находился стан Разина.

О походах Разина. — Киреевский, вып. VII, Приложения, стр. 140—141.

Разин в астраханской тюрьме. — Киреевский, вып. VII, стр. 141. Песенная обработка предания о том, что Разина заманила и предала властям девушка. Эпизод побега из тюрьмы связан с легендами о том, что Разин обладал колдовской силой и потому был неуязвим.

Ссылка разинцев. — Чтения Общества истории древностей российских, 1887, кн. III, стр. 63.

О выдаче Разина Москве. — Терские ведомости, 1868, № 44, часть неофициальная. Черкасск — Новочеркасск.

Песня разинцев. — Киреевский, вып. VII, Приложения, стр. 153—154.

Корней Яковлев и казаки. — Пивоваров, № 44. Корней Яковлев — Корнила Яковлев, крестный отец Разина, возглавлявший партию зажиточных казаков, выдавший Разина. Песня отражает прекращение московским правительством выдачи казакам хлебного довольствия. Запрет на хлебное жалованье был снят только в 1671 году (уже после захвата Ст. Разина).

Дубровушка. — Листопадов (1946), № 37. После поражения разинцев под Симбирском Корнила Яковлев официально отмежевывается от Разина, просит у московского правительства прощения за прежние мирные отношения с ним и во главе зажиточных казаков, с помощью присланного на Дон отборного войска (1000 человек), начинает открытую войну с разинцами. В 1671 году войску Яковлева удалось сжечь Кагальницкий городок, бывший центром разинцев, и захватить Степана Разина вместе с братом в плен.

Казнь Степана Разина. — Киреевский, вып. VII, стр. 41. Степан и Фрол Разины были отправлены в Москву из Черкаска в конце апреля 1671 года. После страшных пыток Степан Разин в Москве на Красной площади был четвертован 6 июня 1671 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

О князе Голицыне-изменщике. — Киреевский, вып. VIII, стр. 41—42. Песня разоблачает неудачу крымского похода 1686 года, организованного под руководством приближенного царевны Софьи Василия Голицына. В Москву Голицын вернулся под видом победителя и получил награды. В действительности же поход закончился позорно. Армия, насчитывавшая до 100 000 ратников и 50 000 казаков с гетманом Самойловичем, не дойдя до Крыма, разбрелась. Поход, который должен был закончиться подчинением Крыма Москве, полностью провалился.

Поход к Азову. — Киреевский, вып. VIII, стр. 60—61. Песня о взятии Азова в 1696 и присоединении его в 1698 году. В песню вошли элементы старых песен о взятиях Азова (в 1590 и в 1637 годах). Для данной песни характерен образ солдатской массы, появляющийся в поэзии петровского времени, после создания хорошо подготовленной русской армии.

Донской казак в плену азовском. — Киреевский, вып. VIII, стр. 78—80.

Донской казак в плену турецком. — Киреевский, вып. VIII, стр. 85—86.

Петр I борется с драгуном. — Киреевский, вып. VIII, стр. 37—38. Песенная переработка широко известных сказочных повествований о единоборстве Петра Великого и простого солдата.

Стрелецкий атаман и Петр I. — Киреевский, вып. VIII, стр. 18—19. Песнь связана с стрельцким бунтом 1698 года. Царевна Софья, уже заключенная в Новодевичий монастырь, воспользовавшись поездкой Петра I за границу, при помощи стрельцов думала вернуть себе прежнее положение. Бунт начался в отсутствие Петра. Мирные переговоры с восставшими стрельцами ни к чему не привели. В вооруженных столкновениях стрельцы были разбиты, начались допросы и пытки их. Вернувшийся из-за границы Петр решил принять самые крутые меры, чтобы уничтожить самую возможность подобных восстаний в дальнейшем. С 30 сентября до 21 октября 1698 года происходили массовые казни стрельцов (всего было казнено почти 1200 человек).

Казнь молодца. — Киреевский, вып. VIII, стр. 28—29. Песня, как основательно предпола-

гают некоторые исследователи, как и предыдущая, содержит отголоски рассказов народа о стрелецком бунте и связана с песней о казни атамана стрелецкого (ср. Киреевский, вып. VIII, стр. 22 и след.).

Пострижение царицы. — Киреевский, вып. VIII, стр. 106—107. Песня приписывается первой жене Петра I, Евдокии Федоровне Лопухиной, постриженной в монахини в 1698 году. Пение песни, по преданию, преследовалось властями.

Вещий сон. — Киреевский, вып. VIII, стр. 114—115.

Война со шведами начинается. — Киреевский, вып. VIII, стр. 117—118. Преображенский и Семеновский полки преобразованы из потешных войск Петра I. Измайловский полк сформирован (в 1730 году) в Москве.

Взятие Шлиссельбурга. — Киреевский, вып. VIII, стр. 143—144. Взятие Шлиссельбурга состоялось в 1702 году. Под предводительством Петра войска штурмом взяли Орешек (иначе Орех) — старую русскую крепость, находившуюся в истоке Невы. Взятую крепость Петр переименовал в Шлиссельбург (ключ-город) (ср. в песне «...под Орешком, а по нынешнему званью — Шлиссельбургом»).

Взятие Риги. — Киреевский, вып. VIII, стр. 213—214. Рига была взята войсками Петра I в 1703 году.

Полтавская битва. — Киреевский, вып. VIII, стр. 170—173. Песня о кульминационном пункте Северной войны, определившем дальнейшее развитие ее. Полтавская битва 27 июня 1709 года показала миру воинскую мощь молодого русского государства и разрушила легенду о непобедимости армии Карла XII. Во время Полтавской битвы Карл XII был ранен и ряд шведских генералов (Шлиппенбах, Росс и др.) были взяты в плен. Началом песни о Полтавской битве является самостоятельная песня о сражении у Красной Мызы и о взятии в плен шведского майора. *Борис Петрович Шереметев* — один из одаренных русских полководцев, сподвижник Петра I.

Служба царская солдатская. — Киреевский, вып. IX, Приложения, стр. XXVI—XXVII.

Сборы на земляные работы. — Киреевский, вып. VIII, стр. 262. Одна из самых ранних записей песни о работах по прорытию Ладожского канала (впервые опубликована в «Песеннике», изд. в 1788 году в Москве).

Ладожский канал. — Киреевский, вып. VIII, стр. 261—262. Первоначально песня была напечатана в песеннике Чулкова. Здесь в один

текст соединены две песни. Вторая посвящена кручине молодца, постриженного в монахи. Вторая песня нами опущена.

Плач по Петре I. — Киреевский, вып. VIII, стр. 282—283. Петр Великий умер 28 января 1725 года. Помимо плача солдат по Петре, известен плач по Петре I от имени Екатерины (ср. Киреевский, вып. VIII, стр. 277—278). *Полковник Преображенского полка* — Петр I.

Князь Гагарин. — Киреевский, вып. VIII, стр. 297—298.

**ПЕСНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА. ПЕСНИ
ОБ ЕМЕЛЬЯНЕ ПУГАЧЕВЕ**

Военные походы XVIII века

Поход в землю Прусскую. — Киреевский, вып. IX, стр. 92—93. Песня о военной службе в годы Семилетней войны 1756—1762 годов.

Прусский поход. — Киреевский, вып. IX, стр. 113. Осада Кюстрина была в 1758 году.

Захар Чернышев в плену. — Киреевский, вып. IX, стр. 125—128. Песня описывает события 1758 года. Русские войска, заняв Восточную Пруссию в 1758 году, осадили г. Кюстрин. Осада была неудачной. После нее, во время

битвы при Цорндорфе, З. Г. Чернышев, имевший чин генерал-поручика и состоявший при командующем графе Ферморе, вместе с некоторыми другими офицерами был взят в плен и отведен в Кюстрин. В том же 1758 году Чернышев был освобожден и деятельно участвовал в дальнейшем ходе войны.

Текст песни, видимо, отредактирован собирателем.

Краснощеков в неволе. — Киреевский, вып. IX, стр. 177—178. Песня исполнялась как произведение, рассказывающее о разных лицах: Иване Матвеевиче Краснощекове — герое шведской войны 1741—1743 годов, захваченном в плен и героически погибшем, и сыне его Федоре Ивановиче, участнике Семилетней войны. Некоторые варианты этой песни пелись без упоминания имени Краснощекова.

Взятие Берлина. — Листопадов (1948), № 121. Берлин был взят русскими войсками под командованием З. Г. Чернышева 28 сент. 1760 года. *Салтыков* Петр Семенович — главнокомандующий армией, за битву при Кунерсдорфе произведен в фельдмаршалы.

Война с турками. — Листопадов (1946), № 67. Песня сложена в связи с событиями второй турецкой войны (1787—1791).

Поход к Очакову. — Киреевский, вып. IX, стр. 255—256. Очаков был взят 6 дек. 1788 года.

Штурму крепости предшествовала продолжительная осада ее. *Потемкин* Григорий Александрович был главнокомандующим русской армией во время второй турецкой войны 1787—1791 годов.

Армия под Очаковом. — Киреевский, вып. IX, стр. 253—254.

Сборы под Бендеры. — Киреевский, вып. IX, стр. 225—226. Песня, связанная с походами второй турецкой войны (Бендеры были взяты в ноябре 1789 года).

Восстание Пугачева

Уж ты, ворон сизокрылый. — П. Т. Завьяловский. Песни оренбургского казачества. Оренбург, 1938. В 1771 году среди народа пошел слух, что на р. Яике (Урале) объявился Петр III, свергнутый Екатериной II. В 1773 году на Яик прибыл Пугачев, который начал восстание, объединив массы народа. Песня передает настроения народных масс, объединявшихся вокруг Пугачева для борьбы с крепостничеством.

Нас пугали Пугачем. — В. П. Бирюков. Фольклор Урала, вып. I. Исторические сказы и песни. Челябинск, 1949, стр. 26.

Емельян Пугачев в Астрахани. — «Русская старина», 1874, кн. XII, стр. 817. Песня о Пугачеве является переработкой песни о сыне

Степана Разина (см. выше, стр. 186—187). Осмысление Пугачева как преемника Разина дало возможность использовать старую разинскую песню.

Пугачеву быть в беде. — Киреевский, вып. IX, стр. 247.

Чернышев-Чика в тюрьме. — Киреевский, вып. IX, стр. 145—146. Подобно тому как Пугачев принял имя Петра III, его приближенные назвались именами видных деятелей второй половины XVIII века. Казак Чика (Зарубин) принял имя Захара Григорьевича Чернышева; песня же о заключении графа Чернышева в тюрьму г. Кюстрина (ср. выше стр. 246—249) была переработана в песню о заключении Чернышева-Чики в тюрьму села Лыскова на Волге.

Ты, звезда ли, моя звездочка. — И. С. Зайцев, № 3, стр. 21. В основе текста песни лежит песня о Захаре Григорьевиче Чернышеве, заключенном в кюстринскую тюрьму (ср. публикуемый нами вариант, стр. 246—249).

Пугачев и Панин. — Киреевский, вып. IX, стр. 248. 25 августа 1774 года Пугачев был разбит под Черным Яром царскими войсками. Петр Иванович Панин командовал карательной армией, выступившей против войска Пугачева. Емельян Пугачев был казнен в Москве 10 января 1775 года.

ПЕСНИ ОБ ОТВЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЕ 1812 ГОДА

Заплакала Россия от француза. — А. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, стр. 294—295. В печатаемом тексте исправлено отклонение от традиционной формулы в последней строке.

Не со гор снега сокаталися. — И. И. Железнов. Песни уральских казаков. СПб., 1899, стр. 45.

Как и пишет письмо французский король. — Листопадов (1946), № 71.

Разорена путь-дорожка. — Архив Всесоюзного Географического общества. XXXVI — 58, стр. 77. А. Пасхалова. Песни Саратовской губ., № 23, записана в 1850 году.

Как на горочке стояла Москва. — Архив АН СССР. Коллекция П. В. Шейна, фонд 104, оп. I, № 666, записана А. Я. Кокосовым. Войска Наполеона заняли Москву 2 сентября 1812 года. Освобождение Москвы от наполеоновских войск началось 7 октября 1812 года.

Привиделся несчастный сон. — Киреевский, вып. X, стр. 4—5. При создании песни были использованы старые песни о набегах татар и татарском полоне (ср. в нашем сборнике, стр. 149—152).

Кутузов и французский майор. — Киреевский, вып. X, стр. 31—32. Песня является переработкой в условиях войны 1812 года песен XVIII века (ср. начало песни о Полтавской битве, стр. 230, — Б. П. Шереметев допрашивает шведского майора; ср. также песни о Суворове).

Французы на Десне. — Архив АН СССР. Коллекция П. В. Шейна, фонд 104, оп. I, № 666, записана П. В. Шейном в 1864 году.

Похвалялся вор-француз. — Киреевский, вып. X, стр. 22—23. Песня о переправе войск Наполеона через реку Березину (14—16 ноября 1812 года), во время которой погибло много неприятельских сил.

Платов-казак. — Киреевский, вып. X, стр. 37—38.

Платов у французов. — Путилов, № 83.

Ой да отчего же армия потревожилась? — Листопадов (1946), № 79. Казачья песня о разорении Москвы французами. Образ боя-пашни ср. в более старых песнях («Полтавская битва» — стр. 230—233 и др.).

Не травушка к земле клонится. — Листопадов (1946), № 74. *Турецкое кроволитице* — ошибка певца (вместо указания на битвы с французами).

Как во нынешнем году. — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, т. IV. М., 1903, стр. 623. В песне сохранено воспоминание о движении русских войск, преследующих французов, за границей.

ПОЗДНЕЙШИЕ СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ XIX ВЕКА

Как во славном городе Питере. — Архив АН СССР. Коллекция П. В. Шейна, фонд 104, оп. I, № 667. Сообщено М. И. Семевским; записано в Псковской губ. Песня о расправе с Семеновским полком, восставшим против невероятных тягот службы и жизни. Напоминание о подвигах, совершенных в Отечественной войне 1812 года, связано с мыслью о еще большем бесправии и угнетении народа после войны. В публикуемом тексте 28-й строки сделана купюра (7 строк: обращение к богу и повтор обращения к Екатерине).

Бежит речка по песку. — Киреевский, вып. X, стр. 211—212. Песня об Аракчееве, военном министре и личном друге Александра I, записанная А. С. Пушкиным.

Жизнь в военном поселеньи. — И. Е. Репин. Далекое близкое. М.—Л., 1949, стр. 92—93. Песня о военных поселениях входит в число песен об Аракчееве (ср. в песне «А тут графа дожидают — площади метут»; граф — А. А. Аракчеев). Внешний вид поселений, описан-

ный песней, соответствует действительности. Дома поселений строились на одинаковом расстоянии один от другого, красились в один цвет. Поселения организовывались с целью создания особого военно-земледельческого сословия. Казенные крестьяне, жившие в поселениях, были объявлены пожизненными военными. Был установлен строгий военный режим для них; сыновья крестьян обучались в военных школах. Военные поселения были созданы в некоторых уездах Новгородской, Могилевской губерний и в других местах. В России и на Украине аракчеевские военные поселения просуществовали с 1810 по 1857 год. Упразднение поселений было вызвано тем, что правительство поняло опасность для него существования обученного военному строю и вооруженного крестьянства, внутри которого рос протест против притеснений, гнета, бесправия.

Во Крыму было в прошедшем году. — Г. Самарин. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, 1946, стр. 123. Песня о Севастопольской обороне 1854—1855 гг. 6/18 июня 1855 года был штурм Малахова кургана, на котором защитники Севастополя отражали атаки осаждающей соединенной армии турок, англичан и французов.

Ай да вот и не сине-то море всколыхалось. — Листопадов (1949), № 218. Песня об обороне Севастополя в 1854—1855 годах.

Расскажу я, братцы, вам. — В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 годы. М.—Л., Музгиз, стр. 99. Песня об одном из героев Севастопольской кампании — адмирале Нахимове.

Севастопольцы, споемте. — В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева, № 135, стр. 98—99. Песня, включающая элементы старых военно-бытовых песен (ср. обращение к состарившемуся на царской службе и др.). Корабли «Евстафий» и «Три святителя» были затоплены в Северной бухте под Севастополем русским командованием. *Синие мундиры, синемлузые* — французские солдаты.

Как по морю плывет флот кораблей. — Рукописный сборник песен с надписью: «На память дорогому и незабвенному другу Филиппу Ивановичу Раевскому. И. Ф. Ломовцев. 1926, 21/XII, Станица Голубинская Сталинградского округа» (Сборник песен хранится в личном архиве В. Чичерова. Текст песни № 22). Песня матросов с затопленных под Севастополем кораблей, защищавших город.

Как решил султан турецкий. — Рукописный сборник песен из личного архива В. Чичерова, текст № 27 (см. предыдущее примечание). Песня о турецкой войне 1877—1878 годов.

Поле чистое турецкое. — Е. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации.

Вып. II. Песни новгородские. СПб., 1909, № 20, стр. 50—51. Песня о турецкой войне 1877—1878 годов, являющаяся переработкой песни о турецкой войне 1787—1791 годов (см. стр. 255—256). Обращение графа Паскевича-Эриванского к солдатам, имеющееся в публикуемом нами варианте, записанном Е. Э. Линевой, является несколько измененным обращением к солдатам князя Потемкина из песни XVIII века о походе к Очакову.

Не туман с моря поднялся. — Архив фольклорного сектора Государственного литературного музея. Собрание песен Вологодской области. Записаны А. А. Вецрумб по памяти в 1941 году. А. А. Вецрумб слышала и сама пела эту песню в 1920-х годах. Песня об освобождении болгар от турецкого ига и о войне с турками 1877—1878 годов. Плевна после долгой осады и многих боев капитулировала и была занята русскими войсками 10 декабря 1877 года.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ И СТИХИ 1860—1900-х ГОДОВ

Крестьянская песня. Песня характеризует освобождение крестьян и их пореформенное положение. Иногда песня называлась «Крестьянской марсельезой». Текст песни был опубликован в листовке, выпущенной в 1905 году краматорской организацией константино-горловской группы Донецкого союза РСДРП (листовка хранится в Цен-

тральном архиве революции и внешней политики в Москве); напечатан в сборнике «Пролетарские поэты», т. I, ред. А. Л. Дымшица. «Б-ка поэта», большая серия. Л., 1935, стр. 145—146, 364, и перепечатан во втором издании сборника «Революционная поэзия» (1890—1917). Л., 1954, стр. 234—235, 565.

Жил на свете русский царь. — «Солдатские песни». Кронштадт, 1862.

Депутатам от сословий. — В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения. Сб. «Русское народно-поэтическое творчество». Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XX, 1953, стр. 177—178. Песня сложена в связи с коронацией Николая II.

Нагайка. — Революционные песни 1905 года в Юрьев-польской деревне (Ивановской обл.). Записаны М. Н. Орловым. «Сов. краеведение», 1935, № 9, стр. 30. Песня сложена в 1901—1903 годах и отражает расправу конной полиции над демонстрациями протеста против политики царского правительства.

Зимушка-зима. — В. П. Бирюков. Исторические сказы и песни. Фольклор Урала, вып. I. Челябинск, 1949, стр. 67—68. Песня времени русско-японской войны. *Алексеев* — генерал-адъютант, побочный дядя Николая II, наместник Даль-

него Востока. *Ялу* — река, на которой по приказу Алексеева рубили лес, не принадлежавший России. *Старк* — один из руководящих морских офицеров царского флота. *Куропаткин* — главнокомандующий армией в русско-японской войне, позорно проигравший войну; прежде чем прибыть на Дальний Восток он в каждом крупном городе принимал дворянско-купеческие делегации, подносявшие ему иконы. *Броненосцы наши рвали* — намек на гибель броненосца «Петропавловск», на котором погибли вместе с матросами и офицерами адмирал Макаров, художник Верещагин, но спасся вел. князь Кирилл, двоюродный брат Николая II. *Святой*, найденный близ Тамбова, — Серафим Саровский, мощи которого были открыты в 1903 году с целью отвлечь массы рабочих и крестьян от обостряющейся классовой борьбы и разрядить революционную ситуацию.

В а р я г. — Автор песни — Е. М. Студенская. Песня о героической гибели крейсера «Варяг», сражавшегося с вражескими военными кораблями. Песня с указанием на ее автора опубликована в сб. «Песни русских поэтов», составленном И. Н. Розановым («Б-ка поэта», малая серия. Л., 1950, стр. 476—477); в сборнике на стр. 487 сделано примечание, что о Студенской никаких библиографических сведений получить не удалось. Текст песни печатался неоднократно до Октябрьской революции и после нее в различных песенниках и отдельно с нотами (например, нотным издательством Ямбор). В 1945 году был напечатан

в сб. «Песни Военно-Морского Флота», вып. I. М., 1945, изданном Главным политическим управлением Военно-Морского Флота.

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом. — Песенная переработка стихотворения о расстреле рабочих 9 января 1905 года. Стихотворный текст был впервые опубликован в журнале «Голос труда», 1905 (стр. 2). Он был напечатан также в майском номере за 1905 год зарубежной большевистской газеты «Вперед». Печатаемый текст записан В. И. Чичеровым в Москве, в Обществе старых большевиков в 1935 году; опубликован в статье В. И. Чичерова «Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907)» (сб. «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа». Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XX. М., 1953, стр. 184—185).

Реквием. — А. Л. Дымшиц. Пролетарские поэты. «Б-ка поэта», большая серия. Л., 1935, стр. 157—158 и 371. Песня памяти жертв 9 января 1905 года.

Погибшие братья, вам вечный покой! — П. Г. Ширяева. Историческая тема в песенном рабочем творчестве. Сб. «Славянский фольклор». Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XIII. М., 1951, стр. 144. Песня появилась после издания манифеста 17 октября 1905 года.

Сошлись говорить мы о праве своем.— П. Г. Ширяева. Там же, стр. 145. В первый раз стихотворение было прочитано на рабочем митинге в Сормове 9 июля 1905 года в память жертв 9 января. Пелось на мотив «Варшавянки».

На десятой версте от столицы. Автор песни П. К. Эдиет. А. Л. Дымшиц. Пролетарские поэты. «Б-ка поэта», большая серия. Л., 1935, стр. 152—153 и 368—369. Стихотворение было напечатано в большевистской «Новой жизни», 1905, № 21, 25 ноября. Стихотворение исполнялось и как песня; чаще всего пелась вторая часть стихотворения.

Задумал наш Трепов.— В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения. Сб. «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа». Труды Инст. Этно. АН СССР, новая серия, т. XX. М., 1953, стр. 190. Трепов Д. Ф., генерал-майор, в 1905 году был генерал-губернатором Петербурга, а затем товарищем министра внутренних дел.

Вздумал наш Трепов.— Революционные песни 1905 года в Юрьев-польской деревне (Ивановская обл.), записаны М. Н. Орловым. «Советское краеведение», 1935, № 9, стр. 30. Песня, видимо, первоначально была сложена в связи с волной стачек и демонстраций 1901—1903 годов в

России. В 1905 году песня пелась как призыв к всеобщему восстанию в ответ на бесчинства царского правительства.

Колыбельная песня. Музыка генерал-майора Трепова. Автор песни О. Чюмина. А. Л. Дымшиц. Революционная поэзия (1890—1917). «Б-ка поэта», большая серия. Л., 1954, стр. 512—513 и 598. Трепов был вдохновителем черносотенных погромов; ему принадлежит приказ: «патронов не жалеть» (расстреливать рабочих и демонстрации). *Царский манифест* — манифест 17 октября.

Павшим дружинникам Пресни. Автор песни А. Федоров. В. Чичеров. Революционные песни 1905 года. «Советское краеведение», 1935, № 9, стр. 27—28. Песня пелась впервые в Суцьевском каземате в Москве в 1906 году и была напечатана в песеннике Черномордикова (с нотами).

Эх ты, Дума, Думашка. — В. П. Бирюков. Исторические сказы и песни. Фольклор Урала, вып. I. Челябинск, 1949, стр. 73. Сатирическая песенка о законодательной (виттевской) Думе, созванной по декабрьскому закону 1905 года и бойкотировавшейся большевиками.

Ой, полна тюрьма пред Думою. — В. П. Бирюков. Исторические предания. . ., стр. 72. Песенка о виттевской думе. Пелась на мотив «Коробушки».

Грохочет Балтийское море. — П. Г. Ширяева. Историческая тема в песенном рабочем творчестве... Сб. «Славянский фольклор». Труды Инст. Этн. АН СССР, новая серия, т. XIII. М., 1951, стр. 146. Песня посвящена расправе с восставшими матросами в Кронштадте в 1906 году.

Море яростно стонало. — А. Л. Дымшиц. Пролетарские поэты, т. I, 1895—1910. «Б-ка поэта», большая серия. Л., 1935, стр. 182—183 и 375. Песня о казни 19 матросов-кронштадтцев 21 сентября 1906 года за участие в организации восстания. Песня была сложена в морской кронштадтской следственной тюрьме.

На родине. — Автор песни Т. Л. Щепкина-Куперник. Ив. Н. Розанов. Песни русских поэтов. «Б-ка поэта», малая серия. Л., 1950, стр. 478—480. Об огромной популярности песни Т. Л. Щепкиной-Куперник в период 1905—1917 годов сообщает автор ее (Т. Л. Щепкина-Куперник «Театр в моей жизни». М.—Л., 1948, стр. 339). Неоднократно записана фольклористами в различных вариантах.

РАБОТЫ И СБОРНИКИ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ТЕКСТЫ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Астахова А. М. Былины Севера. АН СССР, т. I, 1938; т. II, 1951.

Астахова А. М. Северные исторические песни. Петрозаводск, 1947.

Бирюков В. П. Исторические сказы и песни. Фольклор Урала, вып. I. Челябинск, 1949.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, изд. 4, т. I, 1949; т. II, 1950; т. III, 1951.

Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. I, 1904; т. II, 1939; т. III, 1910.

Громов П. Т. Народное творчество Дона. Ростов-на-Дону, 1952.

Гуляев С. И. Былины и песни южной Сибири. Новосибирск, 1952.

Данилов Кирша. Древние российские стихотворения. Изд. Публ. биб-ки под ред. Шеффера, 1901.

Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков, вып. 1—3. Астрахань, 1911—1914.

Зайцев И. С. Народное творчество южного Урала, вып. I. Челябинск, 1948.

Киреевский П. В. Песни, вып. VI, 1864.

вып. VII, 1868; вып. VIII, 1870; вып. IX, 1872; вып. X, 1874.

Листопадов А. М. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946.

Листопадов А. М. Былинно-песенное творчество Дона. Ростов-на-Дону, 1948.

Листопадов А. М. Песни донских казаков. Музгиз, 1949.

Лозанова А. Н. Народные песни о Степане Разине. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, 1928.

Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935.

Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.

Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. «Сборник Отд. русск. яз. и слов.». АН, т. 93. СПб., 1915.

Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, вып. 1—2. Оренбург, 1904—1905.

Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890.

Кравченко И. Песни донского казачества. Сталинград, 1938.

Ончуков Н. Е. Печорские былины. 1904.

Панкратов Ф. С. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895.

Пивоваров А. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885.

Путилов Б. Н. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.

Рыбников П. Н. Песни, изд. 2, тт. I и II. М., 1909—1910.

Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. «Сборник Отд. русск. яз. и слов.». АН, т. LXXXII, № 7. СПб., 1907.

Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской области. Петровск, 1896.

Соколов Ю. М. и Чичеров В. И. Онежские былины. Летописи Гос. литерат. музея, кн. 13. М., 1948.

Шептаев Л. Исторические песни. «Б-ка поэта», малая серия. Л., 1951 (комментарии к сборнику были учтены при составлении данного сборника исторических песен).

Якушкин П. И. Сочинения. СПб., 1884.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Бабáйки — весла.

Балéсы — галерея, балкон вокруг дома.

Бастры́к — откос.

Бы́лья — трава, былинки.

Бязи́нные паруса — паруса из бязи.

Варóвинны вожжи — плетеные, витые вожжи, сделанные из пеньки или шерсти; веревочные вожжи, для особой крепости просмоленные варом.

Вéтчицы-корéньица — ветви-коренья.

Вчува́ться — понимать, осознавать; вслушиваться.

Вы́дочить — выйти.

Га́ленье — карканье; крик галок.

Гулéбщик — охотник.

Дел — дележ, раздел.

Долгомерная винтовочка — далекомерное ружье с нарезным длинным стволом; введено в русской армии с 1856 года.

Дува́н — дележ добычи.

Ду́мские сенаторы — думные советники царя.

Живот — имущество; любимый человек, муж; жизнь.

Загичать — загикать, гикнуть.

Задворенка — женщина, живущая на задворках.

Заклекнуться — захлебнуться.

Кабан для вина — жбан, большая бутыл.

Камка — дорогая шелковая материя с разводами.

Камчатная плет — плет, сплетенная особым способом из кожи.

Канаватный — сшитый из старинной шелковой цветной или узорчатой ткани.

Канонер — пушкарь.

Кармазинное платье — платье из сукна яркого или багряного цвета.

Комони — кони.

Косицы — виски.

Костыч, костыц — род сарафана, верхняя женская одежда.

Косящатое окно — окно с косяками.

Кочеты — ключины.

Крестовые — поменявшиеся нательными крестами; кум и кума, крестившие кого-либо.

Крылос — клирос.

Кряковистый — кряжистый.

Кужель — пучок льна или кудели, вычесанный и перевязанный для пряжи.

Купава — красавица.

Купаво — хорошо, красиво.

Мазуры — бедняки; нищие, бродяги.

Ма́тица — середина.

Майдáн — двор; сборное место.

На́добно, по на́добью — по надобности.

На пята́ — настезь.

Ободве́рина укладная — стальная ободверина.

Око́ленка — оконная рама.

Осержа́ться — рассердиться.

Па́нцур — панцырь.

Перёное крыльцо — с перилами, огороженное крыльцо.

Плис — хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, род хлопчатобумажного бархата.

По́дкоп — подкоп.

Подуми́ться — сговориться; надоумиться.

По́круть (в покруте) — с покрытой головой.

Поля́ница — богатырь, богатырка.

Прити́нные места — на притине (притин — место, где один или несколько человек стоят на часах).

Раска́т — крепостной вал, городская стена.

Расстри́жка, расстри́га — священник или монах, лишенный духовного звания, расстриженный.

Реду́т — полевое замкнутое укрепление в виде крепости из земли.

Сая́н, соя́н — верхняя женская одежда.

Стан — лагерь, стоянка; место расположения войск.

Стегно́ — верхняя часть ноги (до колена).

Струги́ — гребные или парусные речные суда.

С укла́дою, с прикла́дою — вежливо, обходительно говорить.

Тизи́чьи корабли — от слова «тизики», «тезики» (названия одного из татарских племен).

То́што — тогда.

Тули́ться — прятаться.

Уе́здные ворота — ворота для проезда, отъезда.

Учли́вый — учтивый.

Учу́л — услышал.

Хруща́то́й камки — шуршащей камки (ткани).

Шамаха́нский шелк — лучший сорт шелка, шелк из Шемахи.

Ярлы́к — грамота.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русские исторические песни. <i>Вступительная статья Б. Чичерова</i>	5
---	---

ПЕСНИ XIII—XV ВЕКОВ

Авдотья Рязаночка	79	361
Щелкан Дуденьевич	85	362

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVI ВЕКА

Взятие Казанского царства	93	362
Смерть Настасьи Романовны	96	363
Кострюк	100	363
Грозный думает думу о Курбском	109	363
Набег крымского хана	110	364
Осада Пскова	112	364
Грозный в церкви после убийства сына	115	364
Иван Грозный и сын	117	365
Молодец на правеже	128	365
Выбор Ермака атаманом	131	365
Ермак зовет казаков в поход	133	365
Сборы Ермака в Сибирь	135	366
Ермак Тимофеевич и Иван Грозный	136	366
Ермак Тимофеевич берет Казань-город	140	366

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

Песни о набегах татар XVI — начала XVII века

Татарин и полонянка	149	367
Девушка в полоне	151	367
Михайло Козаренин	153	367
Татарский полон	159	368
Полоняночка	161	369
Полонянин	163	369

Песни о событиях первой половины XVII века

Плач Ксении Годуновой	164	369
Про Гришку-расстрижку	166	369
Михаил Скопин-Шуйский	169	370
Смерть Михаила Скопина-Шуйского	173	371
Убийство князя Карамышевского	174	371
Оборона Смоленска	176	371

Песни о Степане Разине и разинцах

Разин и казачий круг	179	372
Выбор Степана Разина атаманом	180	372
Струги Степана Разина	182	372
Разин догоняет басурманские корабли	184	372
Сынок Степана Разина	186	372
Поход Степана Разина на Астрахань	188	373
Казнь губернатора	190	373
О походах Разина	192	373
Разин в астраханской тюрьме	193	373
Ссылка разинцев	195	374
О выдаче Разина Москве	196	374

Песня разинцев	198	374
Корней Яковлев и казаки	200	374
Дубровушка	201	374
Казнь Степана Разина	203	375

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

О князе Голицыне-изменщике	207	375
Поход к Азову	209	375
Донской казак в плену азовском	211	376
Донской казак в плену турецком	213	376
Петр I борется с драгуном	215	376
Стрелецкий атаман и Петр I	218	376
Казнь молодца	221	376
Пострижение царицы	222	377
Вещий сон	224	377
Война со шведами начинается	225	377
Взятие Шлиссельбурга	226	377
Взятие Риги	228	378
Полтавская битва	230	378
Служба царская солдатская	234	378
Сборы на земляные работы	235	378
Ладожский канал	236	378
Плач по Петре I	237	379
Князь Гагарин	239	379

**ПЕСНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА. ПЕСНИ ОБ ЕМЕЛЬЯНЕ
ПУГАЧЕВЕ**

Военные походы XVIII века

Поход в землю Прусскую	243	379
Прусский поход	245	379

Захар Чернышев в плену	246	379
Краснощекоев в неволе	250	380
Взятие Берлина	252	380
Война с турками	254	380
Поход к Очакову	255	380
Армия под Очаковым	257	381
Сборы под Бендеры	258	381

Восстание Пугачева

Уж ты, ворон сизокрылый	259	381
Нас пугали Пугачем	261	381
Емельян Пугачев в Астрахани	263	381
Пугачеву быть в беде	265	382
Чернышев-Чика в тюрьме	266	382
Ты, звезда ли, моя звездочка	268	382
Пугачев и Панин	269	382

ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Заплакала Россия от француза	273	383
Не со гор снега сокатались	274	383
Как и пишет письмо французский король	275	383
Разорена путь-дорожка	277	383
Как на горочке стояла Москва	279	383
Привиделся несчастный сон	280	383
Кутузов и французский майор	281	384
Французы на Десне	283	384
Похвалялся вор-француз	284	384
Платов-казак	286	384
Платов у французов	288	384

Ой да отчего же армия потревожилась?	291	384
Не травушка к земле клонится	293	384
Как во нынешнем году	295	385

**ПОЗДНЕЙШИЕ СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ
XIX ВЕКА**

Как во славном городе Питере	299	385
Бежит речка по песку	301	385
Жизнь в военном поселеньи	302	385
Во Крыму было в прошедшем годе	304	386
Ай да вот и не сине-то море всколыха- лося	305	386
Расскажу я, братцы, вам	307	387
Севастопольцы, споемте	308	387
Как по морю плывет флот кораблей	310	387
Как решил султан турецкий	312	387
Поле чистое турецкое	314	387
Не туман с моря поднялся	315	388

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ И СТИХИ
1860—1900-х ГОДОВ**

Крестьянская песня	319	388
Жил на свете русский царь	321	389
Депутатам ст сословий	325	389
Нагайка	326	389
Зимушка-зима	327	389
Варяг	330	390
Мы мирно стояли пред Зимним дворцом	332	391
Реквием	334	391
Погибшие братья, вам вечный покой!	335	391
Сошлись говорить мы о праве своем	336	392

На десятой версте от столицы	337	392
Задумал наш Трепов	340	392
Вздумал наш Трепов	341	392
Колыбельная песня	343	393
Павшим дружинникам Пресни	345	393
Эх ты, Дума, Думушка	347	393
Ой, полна тюрьма пред Думою.	348	393
Грохочет Балтийское море	349	394
Море яростно стонало	351	394
На родине	353	394

П Р И М Е Ч А Н И Я

Примечания	357
Работы и сборники, включающие тексты русских исторических песен	395
Словарь областных и устаревших слов	398

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,*

А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,

Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Редактор В. Я. Пропп

Художник Л. С. Хижинский. Худож. редактор И. С. Серов

Техн. редактор С. И. Брусиловская

Корректор З. Н. Петрова

**Сдано в набор 3/1 1956 г. Подписано к печати 20/VI 1956 г.
М 23622. Бумага 84×108/84. Печ. л. 12,75 (10,46). Уч.-изд.
л. 11,64. Тираж 50 000. Цена 3 р. 50 к. Заказ № 141.**

**Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28.**

**Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3.**

